

Publisher of the magazine: ANO "Association of Chinese Language Teachers of the Volga Federal District". Issues of the journal are placed in the RSCI databases (www.elibrary.ru) on the basis of a license agreement with the Scientific Electronic Library, RSL, TASS, Cyberleninka.

Based on the order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated July 20, 2022 No. 314-r, the journal is included in the List of the Higher Attestation Commission for 5 scientific specialties and relevant branches of science:

- 5.6.2. General history (historical sciences);
- 5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences);
- 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences);
- 5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (Chinese and Turkish) (philological sciences);
- 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences).

Frequency of the journal's publication: 4 issues per year.

The mission of the journal is to integrate and consolidate the scientific potential of orientalists from Russia and abroad.

The main goal of the journal is to highlight the main scientific achievements in the field of oriental philology, history, culture and philosophy of the East.

The objectives of the journal:

- Coordination and popularization of oriental studies.
- Ensuring a wide exchange of ideas, experience, and results of oriental studies.
- Carrying out joint scientific research with leading scientists of foreign centers of oriental studies.
- Organization of joint scientific events (forums, conferences, seminars) with leading domestic and foreign associations and research centers of oriental studies.
- Studying the experience of leading foreign centers of oriental studies.

The journal accepts articles in 8 languages: Russian, English, Chinese, Turkish, Arabic, Japanese, Korean, Vietnamese.

Издатель журнала: АНО «Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа». Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

На основании распоряжения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 июля 2022 г. №314-р журнал включен в Перечень ВАК по 5 научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский и турецкий языки) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год.

Миссия журнала — интеграция и консолидация научного потенциала востоковедов России и зарубежья.

Цель журнала — освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

Задачи журнала:

- Координация и популяризация востоковедческих исследований;
- Обеспечение широкого обмена идеями, опытом, результатами востоковедческих исследований;
- Проведение совместных научных исследований с ведущими учеными зарубежных центров востоковедения;
- Организация совместных научных мероприятий (форумов, конференций, семинаров) с ведущими отечественными и зарубежными ассоциациями и научно-исследовательскими центрами востоковедения;
- Изучение опыта ведущих зарубежных центров востоковедения.

В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

Founder: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media

Registration certificate: ПИ №. ФС 77 - 76298 dated 26.07.2019

Year of foundation: 2019

Frequency: 4 issues per year

The journal is distributed by subscription. Subscription index — BH018379. Free price.

Distribution territory: Russian Federation, foreign countries

Publisher: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Publisher's address: Prospekt Pobedy 226a, Kazan, Rep. Tatarstan, Russia, 420088

The postal address of the editorial office: 420008, RT, Kazan, st. Martyna Mezhlauka, 3, office. 117, tel +7 (843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

The journal is placed and indexed in abstract and full-text databases: Russian Science Citation Index (RSCI), Higher Attestation Commission (HAC)

Release date: 25.01.2026. Offset paper. Digital printing. Format A4. The total circulation is 500 copies. Order No. 1/2026. Printed from finished layout at the KFU Publishing House

Layout and prepress: Dionis Publishing

Printing house address: Bauman st, 20, Kazan, Russia, 420111

Tel.: +7 (843) 292-49-14

EDITORIAL AND PUBLISHING GROUP:

Editor-in-Chief: Dmitry Martynov, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Scientific editor: Ramil Valeev, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chief Editor: Alfiya Alikberova, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Managing Editor: Rustem Mukhametzyanov, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Secretary:
Dmitry Balakin, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chairman of the Editorial Board: Elmira Khabibullina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

EDITORIAL TEAM:

Irina Popova, Doctor of History, Professor, Corresponding Member, Director of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Aleksandr Storozhuk, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Chinese Philology, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Artyom Kobzev, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of the Far East, Leading Researcher at the Institute of Philosophy, Head of the China Department of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr Semyonov, Candidate of History, Associate Professor, Professor of the Department of Oriental Languages, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Mariya Repenkova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of the History of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yakov Grishin, Doctor of History, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Valery Letyaev, Doctor of Law, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Bulat Akhmetkarimov, Ph.D (philosophy), Associate Professor of the Institute International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Apollinaria Avrutina, Doctor of Philology, Associate Professor, Director of the Center for Research on Contemporary Turkey and Russian-Turkish relations, St. Petersburg State University

Aleksandr Lychagin, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics of the Institute of international relations and world history, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Alfiya Yusupova, Doctor of Philology, Professor Institute of Philology and Intercultural Communication, Director of the Institute Kayuma Nasyri, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Emiliya Taisina, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia

Ko Young Cheol, Ph.D (Pedagogics), Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Norihiro Naganawa, Ph.D (Regional Studies), Professor at the Center for Slavic and Eurasian Studies, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Chun Hyunju, Ph.D (Translation Studies), Associate Professor, Shinhan University, Seoul, Republic of Korea

Kim Jin Young, Ph.D (Sociology), Professor, Jeju University, Jeju, Republic of Korea

Tashansu Turker, Doctor of History, Professor, Ankara University, Ankara, Turkey

Ekrem Kalan, Doctor of History, Professor, Rector of the University of Alanya Alaaddin Keykubat, Alanya, Turkey

Phan Cuog Anh, Ph.D (Cultural Studies), Professor, Ho Chi Minh University of Culture, Ho Chi Minh City, Vietnam

Yang Ke, Ph.D (Russian), Professor, Director of the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Languages and International Trade, Guangzhou, China

Kang Cheng, Ph.D (Comparative Literature), Professor, South China Normal University, Guangzhou, PRC

The journal is published under the sponsorship of the KFU's Confucius Institute

Учредитель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 - 76298 от 26.07.2019

Год основания журнала: 2019 г.

Периодичность: 4 выпуска в год

Журнал распространяется по подписке. Подписной индекс — ВН018379. Цена свободная.

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Адрес издателя: Проспект Победы 226а, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия, 420088

Почтовый адрес редакции: 420008, РТ, г. Казань, ул. Мартина Межлаука, д. 3, каб. 117, тел +7(843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

Журнал размещается и индексируется в реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК)

Дата выхода выпуска в свет: 25.01.2026. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат А4. Общий тираж 500 экз. Заказ № 1/2026. Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательстве КФУ

Вёрстка и допечатная обработка: Dionis Publishing

Адрес типографии: ул. Баумана, 20, г. Казань, Россия, 420111

Тел.: +7(843)292-49-14

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:

Главный редактор: Мартинов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Научный редактор: Валеев Рамиль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Шеф-редактор: Аликберова Альфия Рафисовна, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Выпускающий редактор: Мухаметзянов Рустем Равилевич, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ответственные секретари:

Балакин Дмитрий Александрович, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет г. Казань, Россия

Председатель редакционной коллегии: Хабибуллина Эльмира Камилевна, кандидат филологических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Попова Ирина Федоровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент, директор Института восточных рукописей, Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии Восточно-европейского факультета, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Кобзев Артём Игоревич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока, ведущий научный сотрудник Института философии, руководитель Отдела Китая Института востоковедения, Российской академии наук, г. Москва, Россия

Семенов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры восточных языков, Дипломатическая Академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

Репенкова Мария Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой тюркской филологии Института истории стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Гришин Яков Яковлевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ахметкаrimов Булат Гумарбаевич, Ph.D (философия), доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аврутинна Аполлинария Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, директор Центра исследований современной Турции и российско-турецких отношений, Санкт-Петербургский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Санкт-Петербург, Россия

Лычагин Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Юсупова Альфия Шавкетовна, доктор филологических наук, профессор Института филологии и межкультурной коммуникации, директор Института Каюма Насыри, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Тайсина Эмилия Анваровна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Казанского государственного энергетического университета, г. Казань, Россия

Ко Ен Чоль, Ph.D (педагогика), профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Норихиро Наганава, Ph.D (регионановедение), профессор Центра славянских и евразийских исследований, университет Хоккайдо, г. Саппоро, Япония

Чон Хенджу, Ph.D (переводоведение), доцент, университет Шинхан, г. Сеул, Республика Корея

Ким Джин Енг, Ph.D (социология), профессор, университет Чеджу, г. Чеджу, Республика Корея

Ташансу Тюркер, доктор исторических наук, профессор, университет Анкары, г. Анкара, Турция

Экрем Калан, доктор исторических наук, профессор, ректор университета Аланы Алааддина Кейкубата, г. Аланья, Турция

Фан Куог Ань, Ph.D (культурология), профессор, Хошиминский университет культуры, г. Хошимин, Вьетнам

Ян Кэ, Ph.D (русский язык), профессор, директор Института европейских языков и культур, Гуаньдунский университет иностранных языков и международной торговли, г. Гуанчжоу, КНР

Кан Чэн, Ph.D (сравнительное литературоведение), профессор, Южно-Китайский педагогический университет, г. Гуанчжоу, КНР

Журнал издаётся при спонсорстве Института Конфуция КФУ

SECTIONS

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Kyzylkaya Z. Kh., Galyautdinova L.M.</i> The specifics of translating military ranks into Turkish using the example of the translation of A.S. Pushkin's "The Captain's Daughter".	6
<i>Vetoshkina S.A., Glushkova S.Yu., Galiullin M.Z.</i> Xi Jinping's Views on the Russian-Chinese Strategic Partnership Based on an Analysis of his Speeches from 2013 to 2025	15
<i>Mustafina Yu. A., Koroleva A.S.</i> The Concept of "Anxiety" in Chinese and Russian Linguistic Cultures	33
<i>Yilmaz E.R., Khabibullina E.K.</i> Metaphors with the lexeme «гöz» in the headlines of the Turkish media	39
<i>Firsova S.P., Khe O.A.</i> The prospects of using the Deepseek R1 tool to teach Chinese character writing	49
<i>Mankova L.I.</i> Reflection of linguocultural component in the translation of titles of children's books	58

HISTORICAL SCIENCES & INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Beloglazov A.V.</i> The tradition of joint celebration by Russia and China of the anniversaries of victory in the Great Patriotic War and the Second World War	65
<i>Blagoder Yu.G., Gaevskaya I.I., Rudenko Yu.E.</i> The Changing China of the Second Half of the 19th Century on the pages of the journal "News of the Imperial Geographical Society".	80
<i>Valeev R.M., Valeeva R.Z., Liu Liqu, Martynov D.E., Sharafutdinov G.R.</i> The legacy of S.E. Malov and his scientific journeys to the Chinese Turkestan (1909–1911 and 1913–1915): on the 145th anniversary of his birth and the 110th anniversary of his expeditions	90
<i>Grishin Ya.Ya., Balakin D.A.</i> BRICS in search of renewable energy sources (China, India and South Africa).	99
<i>Luo Xuexin.</i> Critique of Eurocentrism: The Sinological Position of S. M. Georgievsky	112
<i>Morozova V.S., Dondokov D.D., Iakunina T.V.</i> Grant Support as a Mechanism for Enhancing Russian-Chinese Humanitarian Cooperation: The Case of the "Russian Shanghai — Chinese Petersburg" Inter-cultural Dialogue Club	123
<i>Rozhdestvenskaya T.S., Mukhametzyanov R.R.</i> The prerequisites for religious policy in Tang on the example of previous dynasties	134
<i>Sergeev S. A., Sergeeva Z. Kh.</i> Ivan Yefremov and China	144
<i>Smirnova N.V. N. A. Samoilov.</i> About the formation and development of Russian-Chinese relations in the in the 17th and 18th centuries	162
<i>Yan Minxiang.</i> Archimandrite Peter during the Persecution of Catholics in the First Third of the 19th Century	169

PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>Đỗ Anh Tuấn.</i> Decorative art of Vietnamese village communal houses: symbolic values and the folk visual language	184
<i>Phan Quoc Anh.</i> Cham ethnic culture in Vietnam from the Southeast Asian cultural perspective	196

РАЗДЕЛЫ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Кызылкая З.Х., Галяутдинова Л. М. Особенности перевода воинских званий на турецкий язык на примере перевода произведения А. С. Пушкина «Капитанская дочка» 6
- Ветошкина С.А., Глушкова С.Ю., Галиуллин М.З. Взгляды Си Цзиньпина на российско-китайское стратегическое партнерство на базе анализа его речей с 2013 по 2025 гг. 15
- Мустафина Ю.А., Королева А.С. Концепция «тревожность» в китайской и русской лингвокультурах 33
- Йылмаз Э.Р., Магдеев Р.Р. «Метафоры с лексемой «göz» в заголовках турецких СМИ» 39
- Фирсова С.П., Хэ О.А. Перспективы использования инструмента Deepseek R1 для обучения иероглифике китайского языка 49

- Манькова Л.И. Отражение лингвокультурного концепта при переводе заглавий детских книг 58

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ & МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Белоглазов А.В. Традиция совместного празднования Россией и Китаем юбилеев Победы в Великой Отечественной войне и во Второй мировой войне 65
- Благодер Ю. Г., Гаевская И.И., Руденко Ю. Е. Изменяющийся Китай второй половины XIX века на страницах журнала «Известия Императорского Географического Общества» 80
- Валеев Р.Г., Валеева Р.З., Лю Лицю, Мартынов Д.Е., Шарафутдинов Г.Р. Наследие С.Е. Малова и его научные путешествия в Китайский Туркестан (1909–1911 гг. и 1913–1915 гг.): к 145-летию со дня рождения и 110-летию завершения экспедиций 90
- Гришин Я.Я., Балакин Д.А. БРИКС в поисках возобновляемых источников энергии (на примере КНР, Индии и ЮАР) 99
- Ло Сюэсинь. Критика евроцентризма: синологическая позиция С. М. Георгиевского 112
- Морозова В.С., Дондоков Д.Д., Якунина Т.В. Грантовая поддержка как механизм укрепления российско-китайского гуманитарного сотрудничества: опыт клуба межкультурного диалога «Русский Шанхай — китайский Петербург». 123
- Рождественская Т.С., Мухаметзянов Р.Р. Предпосылки религиозной политики в Тан на примере предшествующих династий 134
- Сергеев С.А., Сергеева З.Х. Иван Ефремов и Китай 144
- Смирнова Н.В. Н.А. Самойлов. О становлении и развитии русско-китайских отношений в XVII—XVIII вв. 162
- Янь Миньсянь. Архимандрит Петр в период гонений на католиков в первой трети XIX в. 169

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

- До Ань Туан. Декоративное искусство вьетнамских деревенских общественных домов: символические ценности и народный визуальный язык 184
- Фан Куог Ань. Этническая культура чамов во Вьетнаме с точки зрения культуры Юго-Восточной Азии 196

The specifics of translating military ranks into Turkish, using the example of the translation of A.S. Pushkin's "The Captain's Daughter"

Особенности перевода воинских званий на турецкий язык на примере перевода произведения А. С. Пушкина «Капитанская дочка»

Aleksandr Puşkin'in 'Yüzbaşının Kızı' eserinde yer alan rütbelerin Türkçeye çeviri özellikleri

Кызылкая Зиля Хайдаровна

Галяутдинова Луиза Михайловна,

Стамбульский университет, Стамбул, Турция

Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия

Автор, ответственный за переписку:

zilekizilkaya@gmail.com

<https://orcid.org/https://0000-0002-7446-1665>

Zilya Kh. Kizilkaya

Luiza M. Galyautdinova,

Istanbul University, Istanbul, Turkey

Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia

Corresponding author:

zilekizilkaya@gmail.com

<https://orcid.org/https://0000-0002-7446-1665>

УДК 81-23 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2025-6-14](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-6-14)

Özet. Bu çalışmanın amacı Rus klasik edebiyatının A.Puşkin'in 'Yüzbaşının Kızı' eseri örneğinde askeri rütbelerin Türkçe karşılığının çeşitlerini ve biçimlerini ortaya çıkarmaktır. Ana kaynak olarak A. Puşkin'in 'Yüzbaşının Kızı' ve Türkiye İş Bankası yayınlarının Atao Behramoğlu çevirisi ele alınmıştır. Bu incelemeye eserde geçen askeri rütbeler olarak kullanılan terimler ve Türkçe karşılıkları analize edilmiştir. Analizde terimler çıkarılmış ve çeviri biçimleri açısından gruplara ayrılmıştır. Söz konusu terimler en yüksek rütbeden en düşük askeri rütbeye sıralanmıştır. Eserde geçen olaylar XVIII. yy'da yer almaktadır. Rusya'nın bu dönem rütbeleri ve unvanları 1722

yılında Çar Büyük Petro tarafından oluşturulmuş "Rütbeler Tablosu"nda sıralanmaktadır. Araştırma sırasında eserdeki askeri rütbe terminolojisi çerçevesinde terimler analize edilmekte ve kullanılan çeviri yöntemleri ortaya çıkarılmakta ve gerekli sonuçlara varılmıştır.

Anahtar kelimeler: çeviri yöntemleri, Aleksander Puşkin, "Yüzbaşının Kızı", askeri rütbeler, Türk dili.

Atıf için: Kizilkaya Z.K. , Galyautdinova L.M. Aleksandr Puşkin'in 'Yüzbaşının Kızı' eserinde yer alan rütbelerin Türkçeye çeviri özellikleri. Modern Oriental Studies. 2025; 7 (4). P. 6-14 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-6-14>

АННОТАЦИЯ

Целью данного исследования является изучение различных форм и вариантов турецких эквивалентов воинских званий на примере произведения русской классической литературы А. С. Пушкина «Капитанская дочка». В качестве первоисточника используются повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка» и перевод произведения на турецкий язык Атаола Бехрамоглу, опубликованный издательством «*Türkiye İş Bankası*». В данном исследовании анализируются термины, используемые в произведении в качестве воинских званий, и их турецкие эквиваленты. Отобранные методом сплошной выборки термины, анализируются с точки зрения переводческих трансформаций. Данные термины перечислены от высшего к низшему воинскому званию. События, описанные в произведении, происходят в XVIII веке. Российские чины и титулы этого периода перечислены в документе «Табель о рангах», установленном царем Петром I в 1722 году. В статье проводится анализ терминов воинских званий, выявленных в ходе исследования, их способы перевода и фиксируются выводы.

Ключевые слова: переводческие трансформации, А. С. Пушкин, «Капитанская дочка», воинские звания, ранги, турецкий язык.

Для цитирования: Кызылкая З.Х., Галяутдинова Л. М. Особенности перевода воинских званий на турецкий язык на примере перевода произведения А. С. Пушкина «Капитанская дочка». *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (4). С. 6-14 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-6-14>

ABSTRACT

The aim of this study is to examine various forms and variants of Turkish equivalents of military ranks using Alexander Pushkin's classic Russian literary work "The Captain's Daughter" as a case study. Pushkin's novella "The Captain's Daughter" and Ataol Behramoglu's Turkish translation of the work, published by *Türkiye İş Bankası*, serve as the primary source. This study analyzes the terms used in the work as military ranks and their Turkish equivalents. The terms, selected using a continuous sampling method, are analyzed for translation transformations. These terms are listed from highest to lowest military rank. The events described in the work take place in the 18th century. Russian ranks and titles of this period are listed in the "Table of Ranks" document, established by Tsar Peter the Great in 1722. This article analyzes the military rank terms identified during the study, their translation methods, and draws conclusions.

Keywords: translation transformations, A.S. Pushkin, "The Captain's Daughter," military titles, ranks, Turkish language.

For citation: Kyzylkaya Z. Kh., Galyautdina-va L.M. The specifics of translating military ranks into Turkish using the example of the translation of A.S. Pushkin's "The Captain's Daughter". *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№4). P. 6-14 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-6-14>

Giriş

1917 yılına kadar Rusya'da unvan ve rütbe sistemi çarlık dönemi devletinin kamu hayatında özel bir yer almıştır. Rütbeler ve unvanlar, sahiplerine birtakım hak ve ayrıcalık sağlamış ve insanların devlete ve bürokrasiye yakınlığını belirtmiştir. Söz konusu döneminin tüm rütbeleri ve unvanları 1722 yılında Çar Büyük Petro tarafından oluşturulmuş "Rütbeler Tablosu"nda sıralanmaktadır. Bu tablonun özelliği, askeri, sivil, deniz rütbeleri, dini ve akademik unvanlar, saray makamları içermesidir. [2, 12] Bu tabloda adı geçenler 14 basamaklı bir hizmet cetveline tabi idiler.

Askeri rütbe sisteminin oluşması asırlar boyunca devam etmektedir ve kelime oluşumunda uluslararası kökler içeren bir tabaka söz konusudur. Bu terminoloji Batı etkisiyle gelişmiştir.

Klasik Rus Edebiyatının en tanılan eserlerinden biri 'Yüzbaşının Kızı' dünyanın birçok diline çevrilmiştir. Türkiye'de Türkçeye çevrilmiş nüshalarından Yapı Kredi yayınlarının Sabahattin Ali ve Güney Erol çevirisi, Türkiye İş Bankası yayınlarının Ataol Behramoğlu çevirisi, İletişim Yayınlarının Ergin Altay çevirisi, Mavi Çatı Yayınlarının Derya Öztürk çevirisi, Doğan Kitap Yayınevi Güney Çetao Kızılırmak çevirisi, Martı Yayınevi Sena Öksüz çevirisi ve diğer çeviriler mevcuttur.

Karşılaştırma amacıyla inceleme için ana kaynaklar olarak Aleksandr S. Puşkin'in 'Yüzbaşının Kızı' eseri ve Türkçeye çevirisi olarak Türkiye İş Bankası yayınlarının Ataol Behramoğlu tarafından çevrilmiş nüshası ele alınmıştır.

Araştırma sürecinde Rusçada rütbe anlamını taşıyan fakat çok ince ayrıntılara sahip olan terimler çeşitleri ortaya çıkmıştır. Bunlar, 'rütbe' anlamına gelen 'чин' (çin), 'ранг' (rang) ve 'unvan' anlamında olan 'звание' (zvaniye), 'титул' (titul) sözcükleridir. Ne var ki, Rusçadaki bu sözcüklerin anımlarında ayrıntılar önem taşımaktadır.

'Чин', askeri ve sivil memurların görevlendirme sınıfıdır. XVIII. yy.'da mülâzim rütbelerinde subay (poruçik), general, kıdemli binbaşı (premyer-mayor), yüzbaşı (kapitan), muhafiz birliği çavuşu (mayor gvardiyi) vs gibiler kullanılmaktaydı.

On sekizinci yüzyıl askeri hiyerarşisinde 'чин' (rütbe), bir askerin resmi konumunu ifade ederdi. Subay rütbeleri, ordunun çeşitli kollarında ve askeriye bağlı olmayan makamlarda görev yapan bireylere verilmekteydi.

Bazı modern orduların aksine, ancak geçmiş dönemlerdeki ordulara benzer şekilde, Rus ordusunda ordunun donatılması ve ikmali ile ilgili idari pozisyonların çoğunu elinde bulunduran ve işleri devlet memurlarının kine benzeyen uzmanlar *askeri rütbeyi* almazdı. *Askeri memur* olarak sınıflandırılmışlardır. Bunlar genellikle "sınıf rütbeleri" olarak anılırdı. Subay rütbeleri, sivil rütbeler gibi, yukarıda belirtilmiş on dört sınıftan oluşan genel sisteme karşılık gelse de, "askeri bölümün sınıf rütbeleri" teriminin belgelerde özellikle askeri yetkililere atıfta bulunmak için kullanıldığını belirtmek önemlidir. [8, 8]

Orduda memurlar sivil rütbelere sahipti ve kamu hizmetinde olduğu gibi aynı terfi kurallarına tabiydi. Bunun nedeni, rütbe sisteminin uzun

süredir unvan sistemine üstün gelmesi ve kariyerde ilerlemeyi belirlemesiydı.

En büyük grup doktorlar ve diğer sağlık çalışanlarıydı (veterinerler, eczacılar, sağlık görevlileri, vs.). Askeri sağlık görevlileri, yaptıkları iş nedeniyle subaylara yakın bir konumdaydı. Birçoğu muharebe operasyonlarına katılmış, subaylık şeref ödülünü almaya hak kazanmış ve çocuklarına askeri okullara kabulünde öncelik verilmiştir.

‘Rang’ sözcüğü Türkçede yine ‘rütbe’ anlamına gelmektedir. Ancak Rusçada bu terimin anlamı, “Rütbeler Tablosu”nda belirlenen rütbelerin hiyerarşik sistemdeki pozisyonuna göre numaralandırarak sınıflandırılmasıdır. Askeri rütbeler, sivil ve saray rütbelerinden üstünlük görmektedir. Bu nedenle, örneğin, 14. sınıfın asteğmen rangının verilmesi otomatik olarak kalıtsal asalet sağlarken, kamu hizmetinde benzer bir hak ancak 8. sınıfı (kölej değerlendircisi) ulaşıldığında ortaya çıkmaktaydı. [1, 56-61]

Askeri alanında ‘rang’ bireyin askeri durumunu belirler, sivil alanda ise görevi belirlemektedir. Bir sivil memurun kıyafeti, orduda olduğu gibi kişisel rütbesine göre değil, pozisyonunun rütbesine göre belirlenmekteydi.

Saray rütbeleri (‘pridvorniye čini’), diğerlerinden farklı olarak, gerçek görevlerle en yakından ilişkiliydi. Maiyet “rütbelerinin” görevleri arasında imparatorun özel görevlerinin yerine getirilmesi, taşraya yapılan geziler, Rusya'ya gelen “yabancı devlet adamlarına” ve askeri heyetlere eşlik edilmesi, “Majestelerinin hazır bulunmayı arzu ettiği tüm gezilerde, geçit törenlerinde, incelemelerde...” bulunma zorunluluğu ve sarayda

ya da çeşitli törenlerde imparatorun emrinde görev yapmaları yer almaktaydı. [5, 399]

Araştırma Yöntemleri

Ele alınan ‘Yüzbaşının Kızı’ eserindeki tüm rütbeler, yukarıdaki bilgilere dayanarak ayırlmaktadır. Eserin Rusçasında terimler özel olarak örneklendirmeli çıkarılmaktadır. Araştırma sırasında 20 kelime seçilmiş ve sınıflandırılmıştır. Böylece, en yüksek rütbeden en düşük askeri rütbeye sıralanmaktadır.

Rütbe örneklendirilmesi sırasında, terminolojinin çeviri özellikleri de belirlenmektedir.

I.Petro'nun ortaya çıkardığı “Rütbeler Tablosu”nda eserde söz edilen askeri rütbeleri sıralanması aşağıdaki gibidir;

Feldmarşal (фельдмаршал), general (генерал), mayor gvardiyi (майор гвардии), mayor (майор), premyer-mayor (премьер-майор), kapitan (капитан), serjant (сержант), kapral (капрал).

Puşkin'in ‘Yüzbaşının Kızı’ eserinde askeri rütbelerin arasında olan bazıları Türkçede tam karşılığı olan çevirileri ile verilmiştir. En yüksek (1.sınıf rütbesi) rütbelerden biri olan ‘feldmarşal’ (‘Фельдмаршал’) rütbesinden söz edilirken, Türkçe karşılığı olan (kelime kelimesine çeviri yoluyla) ‘feld-mareşal’ sözcüğü kullanılmıştır:

«Милостивый государь Андрей Карлович, надеюсь, что ваше превосходительство» ... Это что за серемонии? Фу!, как ему не софестно! Конечно: дисциплина перво дело, но так ли пишут к старому камрад?.. «ваше превосходительство

не забыло» ... гм... и... когда... покойным **фельдмаршалом** Мин... походе... также и... Каролинку» ... [3, 265]

"Aziz efendimiz unutmamışlardır..." Hım... "Ve... Merhum **feld-mareşal** Munn... ile... seferde... ve Karolinchen'e..." Ehe, Bruder! (**) Demek hâlâ anımsıyor eski yaramazlıklarımızı: "Gelelim asıl konuya... Size benim çapkını..." Hım... "Eti sizin kemiği benim" de ne demek? Bir halk deyimi olmalı.... [4, 22]

Fakat aynı zamanda diğer örneğinde sadece 'mareşal' olarak geçmektedir.

«**Фельдмаршал** мой, кажется, говорит дело. Как ты думаешь?» [3, 323]

"Benim mareşal doğru söylüyor galiba, ha?" [4, 89]

Şunu belirtmek gerekiyor ki, I. Petro döneminde 1699 yılından itibaren *generalissimus* rütbesi yerine en yüksek askeri rütbe olarak *general-feldmarsal* belirlenmiştir. Bu rütbeye sahip olan son şahıs 1898 yılında Kont Dmitriy Alekseyeviç Milütin'di. [6, 155]

Aynı şekilde 'general' (general) rütbesi çeviride tam karşılığı olan 'general' olarak çevrilmiştir. Bu tercüme harf çevirisini yoluyla (transliterasyon) yapılmıştır.

«Между ими, кроме самого **генерала**, не было ни одного военного человека.» [3, 133]

"Aralarında, **generalden** başka ordudan olan yoktu." [4, 79]

Askerlik terminolojisinde 'general' sözcüğü genelar rütbesinin çeşitlerini genelleştirmek için kullanılmaktadır. Örneğin, Rusçada general

rütbesinin çeşidi olan 'генерал-поручик' (Poruçık General) 17. ve 18. yüzyıllarda Rus ordusunun bir askeri rütbesiydi. Böylece, ele alınan eserdeki vakti için bu rütbe çok aktüeldi. Bu rütbe Rütbeler Tablosunun III. sınıfına aitti ve o zamanın en yüksek askeri rütbelerinden biriydi. Bir korgeneral komutan görevlerini yerine getirir ve askeri oluşumların operasyonel yönetiminde kilit bir rol oynardı. Bu rütbe 1798 yılında kaldırılmış ve yerine korgeneral rütbesi getirilmiştir. [8, 31]

«Итак, батюшка читал Придворный календарь, изредка пожимая плечами и повторяя вполголоса: «Генерал-поручик!.. Он у меня в роте был сержантом!.. Обоих российских орденов кавалер!» [3, 253]

"Böylece babam arada bir omuzlarını silkerek, kendi kendine: "Tümgeneral!.. Benim bölüğüm kavuştu!.. İki nişan sahibi!" [4, 9]

Büyük Rusça-Türkçe Sözlüğünde 'poruçık' sözcüğü bulunmaktadır. Sözlükteki açıklamaya göre 'poruçık' eski Rus ordusunda mülazım rütbesinde olan subaydır. [2, 666] Eserde ise çeviri olarak, Türkler için daha iyi bilinen 'tümgeneral' sözcüğünün kullanımını daha mantıklı bulmuşlardır. Bu da eşdeğer kelime bulma yöntemine denk gelmektedir.

Aynı şekilde **генерал-майор** rütbesi generalin bir çeşididir. Türkçe karşılığında bu sözcüğün ikinci kısmı 'binbaşı' anlamına gelmektedir. Çeviride bu anlam uygun görülmemektedir dolayısıyla **генерал-майор** terimi için 'кідемli general' rütbesi kullanılmıştır.

«Причиною тому были строгие меры,

предпринятые генерал-майором Траубенбергом, дабы привести войско к должностному повиновению.» [3, 286]

“Disiplini sağlamak için oraya gönderilen kıdemli general Traubenberg'in aldığı sert önlemler yol açmıştı bu ayaklanmaya.” [4, 47]

Eserde geçen başka bir rütbe **‘майор’** (**‘binbaşı’**) geçmektedir. Bu sözcük için Türkçe tam karşılık verilmiştir.

«Караульные не думали меня удерживать, и я прямо вбежал в комнату, где человек шесть гусарских офицеров играли в банк. Майор метал.» [3, 53]

“Altı tane muhafiz birliği subayı iskambil oynuyordu burada. Kâğıt dağıtan binbaşıya bakınca şaşıp kaldım.” [4, 104]

Lakin ‘майор’ (**‘binbaşı’**) rütbesinin çeşitli kıdemleri için Türkçede yine anlam olarak benzer sözcükler kullanılmıştır. Mesela **‘премьер-майор’** için **‘кыдемли binbaşı’** karşılığı verilmiştir. Yani sözcük harf çevirisi yoluyla (transliterasyon) yapılmamıştır. Eşdeğer sözcük bulunmuştur. *Премьер-майор* rütbesi (**‘кыдемли binbaşı’**). 8.sınıf rütbesi, mayor rütbesinin ikiye bölünmesiyle ile ortaya çıkmıştır.

«Отец мой, Андрей Петрович Гринев, в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором в 17... году.» [3, 251]

*“Babam Andrey Petroviç Grinyov, gençliğinde Kont Münnich'in emrinde çalışmış 17** yılında kıdemli binbaşı rütbesiyle emekliye ayrılmış.”* [4, 7]

‘Майор гвардии’ Türkçede ‘**muhafiz birliği binbaşı’** anlamında olan ifadesiyle çevrilmiştir. Büyük Rusça-Türkçe Sözlüğünde ‘**gvardiya**’ [2, 142] sözcüğünün karşılığı ‘**hassa**’dır. ‘**Hassa**’, hükümdarı korumakla görevli askeri sınıfı denilmektedir. [8, 7] Rusçada ‘**Майор гвардии**’, ‘**Майор**’ rütbesine denk gelmektedir. Yukarıda belirtilmiş I. Petro’nun belgesine göre 8.sınıf rütbesidir.

*«Матушка была еще мною брюхата, как уже я был записан в Семеновский полк **сержантом**, по милости **майора гвардии** князя Б., близкого нашего родственника.»* [3, 251]

*“Ben daha annemin karnındayken, yakın aile dostlarımızdan **muhafiz birliği binbaşı**ı B.'nin yardımıyla Semenovski alayına **çavuş** yazılmışım.”* [4, 7]

Yukarıdaki cümlede aynı zamanda **‘çavuş’** rütbesi geçmektedir. Rusçası ‘**сержант**’ (**‘serjant’**) olan ‘**çavuş**’, çeviride tam karşılığıyla verilmiştir.

Eserdeki başlıklardan biri **‘Serjant Gvardiyı’** olarak adlandırılmıştır. [3, 7] Görülüyör ki, bu rütbe Türkçeye aynı biçimde aktarılmış ve **‘Muhabif Birliği Çavuşu’** olarak çevrilmiştir.

‘Капитан’ rütbesi Türkçede yüzbaşı anlamına gelmektedir. Eserin adı Türkçe ‘**Yüzbaşının Kızı**’dır (**‘Kapitanskaya Doçka’**). Eserde aynı zamanda yüzbaşının diğer kıdemesi de geçmektedir. ‘**Gvardeyskiy kapitan**’ daha önce söz edilmiş eşdeğer kelime bulma yöntemiyle ‘**muhafiz birliği yüzbaşı**’ olarak tercüme edilmiştir.

«...молодой гвардейский капитан, лет двадцати осьми, очень приятной наружности, ловкий и свободный в обращении.» [3, 340]

“Öteki, yirmi sekiz yaşlarında kadar, yakışıklı bir muhafiz birliği yüzbaşısıydı. [4, 111] Becerikli ve serbest tavırlı bir insan olduğu görülmüyordu.”

Büyük Rusça-Türkçe Sözlüğünde 'Прапорщик' sözcüğü 'praporşik' [2, 682] olarak verilmektedir. Yani Rusya'ya özel bir rütbe 'Rus ordusunda asteğmen' biçiminde ifade edilmektedir. Ancak Türkiye'de bu terim geniş kitle tarafından bilinmemektedir. Bu yüzden çeviri için Türklerde daha anlaşılır olan 'asteğmen' sözcüğü kullanılmıştır. [7,80]

*«На запрос вашего превосходительства касательно **прапорщика** Гринева, якобы замешанного в нынешнем смятении и вошедшего в сношения с злодеем, службою недозволенные и долгу присяги противные, объяснить имею честь...» [3, 341]*

*"Ekselanslarınızın sorusu üzerine; bugünkü karışıklıkta parmağı olduğu, canilerle, askerlik göreviyle bağıdaşmayan, ettiği yemine aykırı düşen ilişkilere girdiği ileri sürülen **asteğmen Grinyov'a** ilişkin bilgilerimi iletmekle şeref duyarım." [4, 112]*

XVII yy'dan XIX yy'in ilk yarısına kadar bazı ülkelerin ordularında ve Rus ordusunda genç komutanların askeri rütbesi 'kapral' da eserde yer almaktadır. Günümüzde Rusya'da bu rütbeye denk gelen 'yefreytor' ortaya çıkmıştır. Bu rütbelerin Türkçe karşılığı 'onbaşı'dır. Onbaşı, on ere kumanda eden asker, erin üstündeki ilk rütbedir.

*«Молодой малый в **капральском** мундире проворно подбежал к Пугачеву.» [3, 36]*

*“**Onbaşı** üniformalı bir genç, ok gibi fırlayarak Pugaçev'e doğru koştu.” [4,73]*

Orduda yukarıda belirtilen rütbelerin yanı sıra nöbetçi ve devriye gibi görevler söz konusudur. Askerde nöbetçi, nöbet bekleyen, nöbet sırası kendisinde olan kimsedir. [7, 1482] Puşkin, eserinde nöbetçi anlamında olan 'çasovoy' sözcüğünü kullanmıştır. 'Nöbetçi' ile anlamı çok yakın olan kavram 'devriye' de eserde geçmektedir. Anlamlar yakın olsa da, devriyenin nöbetçiden farkı şudur; devriyeye güvenliği sağlamak amacıyla dolaşan polis veya asker topluluğu girmektedir. [7, 516]

*«У ворот **часовые** остановили нас и потребовали наших паспортов.» [3, 312]*

*“**Nöbetçiler** bizi kapıda durdurup kimlik belgelerimizi istediler.” [4, 78]*

*«Мы были остановлены **караульными**.» [3, 334]*

*“**Devriyeler** önemümüzü kesti.” [4, 103]*

Rus ordusunun terminolojisinde ilgi çeken bir terim daha 'vahmistr'dır. Bu sözcüğün Türkçe karşılığı yoktur. Tercümede bu terim 'Başçavuş' olarak geçmektedir. Vahmistr bugünlerde 'starşina' rütbesine denk olduğu için, tercümede onun karşılığı 'başçavuş' kullanılmıştır. Buna rağmen "Büyük Rusça-Türkçe Sözlüğünde" söz konusu terimin transliterasyonu olarak çevirisi verilmiştir. [2, 69]

'Rütbeler Tablosu'nda, yalnızca subay rütbelerinin belirtilmesinden dolayı vahmistr tabloda yer almamıştır. Bunun sebebi de vahmistrin rütbe olarak astsubay olmasıdır.

*«**Vahmistr** повел меня к майору.» [3, 52]*

*“**Başçavuş** beni binbaşıya götürmek üzere*

yanıma düştü.” [4, 103]

Gusar, XV-XX yy. Hafif silahlı atlı askerdir. Büyük Rusça-Türkçe Sözlüğünde bu kelimenin tercümesi husar/hüsar olarak verilmektedir. [2, 108]

Eserin Türkçesinde bu tür askere muhafiz birliği subayı denilmiştir. Ancak TDK Sözlüğüne göre muhafiz, birini veya bir şeyi koruyan, kollayan anlamına gelmektedir. [7, 1414]

Türkçede ise *gusar* kelimesine daha yakından denk gelen süvari kelimesi bulunmaktadır. Süvari, atlı askerdir. [7, 1837]

«Со мною сели два **гусара** с саблями наголо, и я поехал по большой дороге.» [3, 339]

“*Yalın kılıç iki **muhafiz** oturuyordu yanında.*” [4, 108]

Rotmistr, Rusya'da atlı askerlerde üst subay rütbelerindendir. Eserde bu terim 'komutan' olarak geçmektedir.

«Я узнал, что его зовут Иваном Ивановичем Зуриным, что он **ротмистр** ** гусарского полку.» [3, 4]

“*Adı İvan İvanoviç Zurin’miş. *** Muhafiz Alayında komutanmış.*” [4, 11]

Araştırma Sonuçları

Klasik Rus Edebiyatının en tanılan eserlerinden biri 'Yüzbaşının Kızı' dünyanın birçok diline çevrilmiştir. Türkiye'de Türkçeye tercüme edilmiş nüshalarından Yapı Kredi yayınlarının Sabahattin Ali ve Güney Erol çevirisi, Türkiye İş Bankası yayınlarının Ataol Behramoğlu çevirisi,

İletişim Yayınlarının Ergin Altay çevirisi, Mavi Çatı Yayınlarının Derya Öztürk çevirisi, Doğan Kitap Yayınevi Güney Çetao Kızılırmak çevirisi, Martı Yayınevi Sena Öksüz çevirisi ve diğer çeviriler mevcuttur.

Karşılaştırma amacıyla inceleme için ana kaynaklar olarak Aleksandr S. Puşkin'in 'Yüzbaşının Kızı' eseri ve Türkçeye çevirisi olarak Türkiye İş Bankası yayınlarının Ataol Behramoğlu tarafından çevrilmiş nüshası ele alınmıştır.

Araştırma sonucunda ele alınan eserdeki askeri rütbe terminolojisi çerçevesinde 20 terim çıkarılmıştır. Ana kaynak olan Behramoğlu'nun 'Yüzbaşının Kızı' çevirisinde 5 sözcük tam anlamıyla çevrilmiştir, yani sözcük sözcüğüne çeviri yöntemi kullanılmıştır. Bir sözcük harf çevirisi yoluyla (transliterasyon); 14 sözcük eşdeğer kelime bulma (uyarlama ya da adaptasyon) çevirisi yoluyla tercüme edilmiştir.

Bu bağlamda söyle bir sonuç ortaya çıkmaktadır; söz konusu dönemde Rusya'da kullanılan rütbelerin bazıları Türkiye'de karşılık bulmamaktadır. Dolayısıyla tercüman bu tür rütbeleri, yukarıda belirlenen çeviri yöntemlerini uygulayarak Türkçeye çevirmiştir.

Kaynakça | References

1. Mankov A.G., Rossiyskoye zakonodatel'stvo X-XX vv.: v 9 t. T.4., Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolyutizma. M., Yuridicheskaya literatura, 1986. 512 s.
2. Mustafayev E.M.-E., Büyük Rusça-Türkçe Sözlük, Moskva, Russkiy Yazık, 1996. 1022 s.

3. Puşkin Aleksandr S., Romani i povesti (Kapitanskaya doçka). Moskva: "Pravda", 1981. 448 s.
4. Puşkin Aleksandr S., Yüzbaşının kızı, Çev. Ataol Behramoğlu, İstanbul, Türkiye İş Bankası Yayınları, 2014. 119 s.
5. Shepelev L.Ye. Chinovnyy mir Rossii. XVIII — nachalo XX v. Spb, 2001. 479 s.
6. Shepelev L.Ye. Otmenennyye istoriyey. Leningrad: "Nauka", 1977. 155 s.
7. Türkçe Sözlük, Türk Dil Kurumu Yayınları, Ankara, 2005. 2244 s.
8. Volkov S.V. Russkiy ofitserskiy korpus — VI — Voyennyye chinovniki — Status i sistema chinov Tabel' o rangakh. M.: Voyenizdat, 1993. 368 s.

Сведения об авторах

Галияутдинова Луиза Михайловна,

Старший преподаватель

Казанский федеральный университет

gluiza@mail.ru

Кызылкай Зиля Хайдаровна

zilyakizilkaya@gmail.com

Information about the Authors

Luiza M. Galyautdinova

Senior Lecturer, Institute of International Relations

gluiza@mail.ru

Zilya Kh. Kizilkaya

Senior Lecturer, Institute of International Relations

zilyakizilkaya@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2025

Одобрена после рецензирования: 02.10.2025

Принята к публикации: 10.10.2025

Information about the article

The article was submitted 25.09.2025

Approved after reviewing 02.10.2025

Accepted for publication 10.10.2025

**Xi Jinping's views on the Russian-Chinese strategic partnership
based on an analysis of his speeches from 2013 to 2025**

**Взгляды Си Цзиньпина на российско-китайское стратегическое
партнерство на базе анализа его речей с 2013 по 2025 гг.**

*Ветошкина Софья Алексеевна,
Глушкива Светлана Юрьевна,
Галиуллин Марат Зуфарович*

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия
Автор, ответственный за переписку:
svetaelina@gmail.com*

*Sofya A. Vetoshkina,
Svetlana Yu. Glushkova,
Marat Z. Galiullin*

*Kazansky (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia
Corresponding author:
svetaelina@gmail.com*

УДК 81-112 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2025-15-32](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-15-32)

АННОТАЦИЯ

В условиях трансформации мирового порядка и усиления геополитического противостояния международное стратегическое партнёрство Китая и России приобретает всё большее значение. В данной статье проводится анализ речей председателя КНР Си Цзиньпина за период с 2013 по 2025 год, в ходе которых формировался образ России как естественного партнёра Китая. Исследование опирается на методы критического анализа дискурса и таксономического подхода, что позволяет выявить идеологическую составляющую и эволюцию ключевых концептов в политическом языке лидера КНР. В работе выделены четыре аспекта: историческая преемственность и культурные традиции, взаимное доверие

ABSTRACT

In the context of the transformation of the world order and the intensification of geopolitical confrontation, the international strategic partnership between China and Russia is becoming increasingly important. This article analyzes the speeches of Chinese President Xi Jinping from 2013 to 2025, during which the image of Russia as a natural partner of China was formed. The research is based on the methods of critical analysis of discourse and a taxonomic approach, which allows us to identify the ideological component and the evolution of key concepts in the political language of the leader of the PRC. The paper highlights four aspects: historical continuity and cultural traditions, mutual trust and strategic partnership, economic cooperation and ensuring

и стратегическое партнёрство, экономическое сотрудничество и обеспечение безопасности и стабильности. Анализ показал, что Си Цзиньпин последовательно использует лексику коллективного действия, метафоры движения и интеграции, а также нормативные формулировки для легитимации российско-китайского союза. Речи рассматриваются как коммуникативные события, отражающие не только внешнеполитические установки, но и более широкую идеологическую повестку о создании монополярного мира. Через диахронический подход прослежена динамика риторики — от декларативных высказываний о равенстве и уважении до институциональной координации и совместного обеспечения безопасности. Полученные результаты демонстрируют, что язык политического дискурса играет важную роль в формировании международного восприятия, укреплении доверия и продвижении долгосрочной стратегии сотрудничества. Таким образом, исследование подтверждает, что взгляды Си Цзиньпина на российско-китайские отношения основаны на сочетании исторической памяти, идеологической легитимации и практической реализации стратегических интересов, что открывает перспективы для дальнейшего изучения механизмов языковой легитимации в условиях глобальных изменений.

Ключевые слова. российско-китайские отношения, политический дискурс, Си Цзиньпин, стратегическое партнёрство, критический анализ дискурса, диахронический подход, историческая преемственность, взаимное доверие, экономическое сотрудничество, безопасность.

security and stability. The analysis showed that Xi Jinping consistently uses the vocabulary of collective action, metaphors of movement and integration, as well as normative formulations to legitimize the Russian-Chinese alliance. Speeches are viewed as communicative events reflecting not only foreign policy attitudes, but also a broader ideological agenda for creating a multipolar world. Through a diachronic approach, the dynamics of rhetoric is traced – from declarative statements about equality and respect to institutional coordination and joint security. The results demonstrate that the language of political discourse plays an important role in shaping international perception, building trust, and promoting a long-term strategy for cooperation. Thus, the study confirms that Xi Jinping's views on Russian-Chinese relations are based on a combination of historical memory, ideological legitimization and the practical realization of strategic interests, which opens up prospects for further study of the mechanisms of linguistic legitimization in the context of global changes.

Keywords. Russian-Chinese relations, political discourse, Xi Jinping, strategic partnership, critical analysis of discourse, diachronic approach, historical continuity, mutual trust, economic cooperation, security

For citation: Vetroshkina S.A., Glushkova S.Yu., Galiullin M.Z. Xi Jinping's Views on the Russian-Chinese Strategic Partnership Based on an Analysis of his Speeches from 2013 to 2025. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№4). P.15-32 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-15-32>

Для цитирования: Ветошкина С.А., Глушкива С.Ю., Галиуллин М.З. Взгляды Си Цзиньпина на российско-китайское стратегическое партнерство на базе анализа его речей с 2013

по 2025 гг. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (4). С. 15–32 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-15-32>

Отношения России и Китая имеют многолетнюю историю, но именно в XXI веке они приобрели качественно новый характер. Современный этап двустороннего взаимодействия проходит в период серьезных изменений в мировой политике и партийно-государственном управлении КНР. Не редко эти трансформации связывают с деятельностью Си Цзиньпина — Генерального секретаря ЦК КПК, Председателя Китайской Народной Республики, кто во многом определил нынешний уровень стратегического партнерства двух стран.

Наше исследование основано на анализе политического дискурса с лингвистической и политической точек зрения, поэтому мы считаем необходимым рассмотреть, что такое политический дискурс и как его анализировали ранее.

Для того, чтобы понять, как формируется и артикулируется позиция китайского руководства по отношению к России, необходимо обратиться к изучению политического дискурса. Под этим термином подразумевается не просто набор официальных заявлений, а сложная система смыслов, отражающая идеологические установки и внешнеполитические приоритеты. Преподаватель из Багдадского университета Аль-Баразанчи Мохаммед Ясин Мохаммед в своей статье пишет: «Политический дискурс всегда связан с вопросом власти различных уровней. Бесспорным остается тот факт, что через политический дискурс происходит мани-

пулирование сознанием больших групп людей» [1, 386]. Через призму речевых практик можно выявить ключевые концепции, ценности и тактические подходы, которые лежат в основе курса страны.

В академической среде политический дискурс исследуют с разных позиций. Например, критический анализ дискурса (КАД). Данный дискурс-анализ был разработан Норманом Фэрклоу. Его основная цель заключается в выявлении связи между языком, властью и идеологией. Олешкова Анна Михайловна, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Нижнетагильского государственного социально-педагогического института, в своем исследовании данного метода утверждает: «КДА позволяет концептуализировать язык, а через него социальные отношения субъектов. Каждый субъект в той или иной форме встроен в структуру доминирования и неравенства, которые либо замаскированы, либо легитимизированы» [2, 130]. Т. е. КДА выявляет дискурсивные механизмы конструирования властных отношений, демонстрируя неизбежную вовлечённость субъектов в системы доминирования, натурализуемые или легитимируемые через язык.

Следующим принципом изучения политического дискурса является таксономический. Данный принцип даёт возможность классифицировать типы дискурса в политической

коммуникации, выделить определенный аспекты и анализировать их специфику. В основе таксономического подхода лежит концепция Т. А. ван Дейка, трактующего дискурс как «коммуникативное событие». В «Анализе новостей как дискурса» он утверждал: «Дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» [3, 121]. При этом Ван Дейк акцентирует внимание на том, что дискурс не ограничивается рамками конкретного высказывания, он включает говорящего, адресата, их личностные и социальные характеристики, а также другие параметры социальной ситуации.

Важное место среди методов изучения политического дискурса занимается диахронический анализ. В рамках данного подхода рассматривается изменения языка, риторики и тематических акцентов того или иного политика с течением времени (например, перед выборами, до и после прихода к власти, во время кризисов и т.д.). Изучая дискурс-анализ в диахроническом исследовании лексической семантики, М. Ю. Колокольникова утверждает, что хотя не все имеющие место в речи модификации с течением времени закрепляются в системе языка, но именно в речи в качестве сдвига сначала должно реализовываться любое изменение в системе [4, 106]. Поэтому данный анализ позволяет определить ключевые тенденции в динамике дискурса, выявить детерминанты, формирующие его речевую специфику, и предположить сценарии его будущей динамики.

Важным будет отметить другие продуктивные подходы к анализу политического дискурса. Нarrативный подход, в его рамках политические выступления анализируются как целостные повествования. Исследователи показывают, как через подобные истории формируются устойчивые представления о социальной реальности, которые затем воспроизводятся в публичном пространстве. Риторический анализ фокусируется на том, как политики выстраивают свои аргументы. Этот подход позволяет выявить конкретные приемы убеждения — от тщательно подобранных метафор до построения логических цепочек, — которые делают выступления более воздействующими на аудиторию. Наконец, контент-анализ позволяет перевести качественные характеристики дискурса в количественные показатели, что существенно повышает достоверность исследований. Посредством статистического анализа частотности терминов и их контекстуального окружения исследователь может объективно зафиксировать эволюцию ключевых концептов, выявить периоды их актуализации или, напротив, исчезновения из публичного пространства.

Современная исследовательская практика предлагает широкий спектр методов анализа политического дискурса, каждый из которых вносит уникальный вклад в понимание сложных механизмов политической коммуникации. Однако наиболее продуктивные результаты достигаются при целенаправленном отборе методов, оптимально соответствующих задачам конкретного исследования. В данном исследовании мы сознательно ограничиваемся

применением диахронического анализа и риторического подхода, поскольку именно это сочетание позволяет наиболее полно охватить эволюцию ключевых концептов в речах Си Цзиньпина.

В данном исследовании на основе этих методологических подходов были проанализированы 12 речей и выступлений Си Цзиньпина за 2013–2025 г., включая его выступление в МГИМО в 2013 г., совместные заявления по случаю юбилейных дат, интервью российским СМИ и онлайн-переговоры с президентом России.

Для более системного и многоаспектного анализа политического дискурса Си Цзиньпина в контексте российско-китайских отношений были выделены четыре ключевых аспекта, отражающих содержательные и идеологические ориентиры его речей. Данные аспекты определены на основании анализа официальных выступлений лидера КНР, а также с учётом структурирующей роли этих тем в формировании стратегического партнёрства между странами.

Первым аспектом является историческая преемственность и культурные традиции. Это позволяет выявить, как Си Цзиньпин использует прошлое как ресурс легитимации текущих двусторонних связей.

Второй аспект — взаимное доверие и стратегическое партнерство. Акцент на равноправии, совместных действиях и коллективной ответственности позволяет понять, каким образом Си Цзиньпин легитимизирует переход от временного сотрудничества к долгосрочному стратегическому партнёрству.

Третьим аспектом стало экономическое сотрудничество. Этот фактор отражает эволюцию торгово-экономических связей между Китаем и Россией, а также усилия по интеграции проектов "Пояса и пути" с Евразийским экономическим союзом.

Последний аспект — это обеспечение безопасности и стабильности. В условиях усиления геополитической неопределённости и роста региональных угроз особое значение приобретает формулирование общей повестки в сфере безопасности.

Такой анализ поможет не только систематизировать его взгляды на сотрудничество с Россией, но и выявить, как они соотносятся с общими тенденциями китайской внешней политики в условиях меняющегося мирового порядка.

Анализ речей Си Цзиньпина позволяет утверждать, что историческая преемственность и культурные традиции занимают важное место в его представлениях о российско-китайском стратегическом партнерстве. В политическом дискурсе КНР эти элементы служат не только средством легитимации текущих отношений, но и формируют образ России как естественного партнера Китая на основе общего прошлого и будущего. Такой подход отражает стремление Китая использовать историко-культурную риторику для укрепления международных позиций и формирования коллективной идентичности в контексте изменяющегося мирового порядка.

На начальном этапе своего председательства Си Цзиньпин делал особый акцент на

принципах равенства, взаимного уважения и невмешательства. Эти идеи были заложены в его выступлении в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО) 23 марта 2013 года, сразу после его вступления на пост председателя КНР.

«我们主张，各国和各国人民应该共同享受发展成果，世界长期发展不可能建立在一批国家越来越富裕而另一批国家却长期贫穷落后的基础上。» (Мы выступаем за то, чтобы все страны и народы всех стран совместно пользовались плодами развития. Долгосрочное развитие мира не может основываться на том факте, что одна группа стран становится все богаче, в то время как другая группа стран остается хронически бедной и отсталой) [5]. Словосочетание «共同享受» (совместно пользоваться) делает акцент на коллективном благополучии, равенстве, справедливости. Эмоциональную окраску придают слова «贫穷落后» (бедные и отсталые) одновременно показывая критику неравномерного развития. Если говорить о стилистике, то используется простая и понятная конструкция, без сложных грамматических форм. Риторическое противопоставление: «богатство / бедность», «развитие / отставание» усиливает эффект убеждения. Кроме того, в данной цитате можно заметить характерный для китайского политического дискурса акцент на коллективности и всеобщем благе. «共享发展成果» (совместное использование плодов развития) — это ключевая метафора, связанная с идеей социальной справедливости. В целом, эта цитата отражает ключевую установку внешней политики КНР при Си Цзиньпине — борьбу с глобальным неравенством и продви-

жение многополярного мира как альтернативы неолиберальному подходу Запада. Она была высказана на фоне усиления критики западной модели глобализации и активного продвижения китайских инициатив, таких как «Пояс и путь», БРИКС и ШОС.

В период с 2017-2020 гг. Си Цзиньпин усиливает культурно-исторический нарратив, формируя образ «естественной» дружбы народов. Это было особенно важно в условиях ужесточения санкционного давления на Россию со стороны Запада.

5 июня 2019 г. во время выступления в честь 70-й годовщины установления дипломатических отношений между Китаем и Россией в Москве, Си Цзиньпин сказал: «70年来，无论两国关系经历何种变化，人民的友谊始终坚如磐石。» (За последние 70 лет, какие бы изменения ни происходили в отношениях между двумя странами, дружба народов оставалась прочной) [6]. Ключевое выражение «坚如磐石» (прочная как скала) — это культурно значимое выражение, которое символизирует вечность и устойчивость. Темпоральная категория «70年来» (за последние 70 лет) создаёт эффект исторической преемственности, а слово «人民» (народы) в свою очередь показывает, что отношения между государствами основываются на ценности народности и на общественных связях. Особо стоит выделить, что в данном высказывании используются историко-культурные архетипы вместо чисто политических формулировок, подчеркиваются устойчивость и долгосрочность как преимущества китайско-российского союза, и делается акцент на народную дружбу в качестве основы

официального партнерства. В целом данное выступление на фоне усиления санкционного давления на Россию подчеркивало лояльность Китая. Эта формулировка легитимизировала современное сотрудничество как естественное продолжение прошлого.

На третьем этапе исторические и культурные элементы интегрируются в современный геополитический контекст. Россия и Китай становятся не просто партнёрами, а совместными архитекторами нового мирового порядка.

Во время выступления на саммите лидеров БРИКС в Казани 24 октября 2024 г. Си Цзиньпин заявил: «我们要展现集体智慧和力量, 为构建人类命运共同体挺膺担当。» (Мы должны проявить коллективную мудрость и силу, чтобы взять на себя ответственность за построение сообщества единой судьбы человечества) [7]. Слово «展现» (проявить) является активной глагольной формой, подчеркивающей необходимость действия. Выражение «集体智慧和力量» (коллективная мудрость и сила) выражает идею совместного подхода к решению глобальных проблем. Глагол «构建» (строить, создавать) указывает на конструктивную функцию двух стран в международной политике. В целом речь построена в форме нормативного призыва, что характерно для заключительных частей выступлений официального характера. Си Цзиньпин использует универсальную лексику, ориентированную на широкую международную аудиторию, а акцент, который сделан на коллективное действие, усиливает образ Китая как ответственного игрока в международных делах. Метафора «构建...命运共同体» (строить сообщество единой судьбы) связана со строи-

тельством новой системы международных отношений, ориентирована на долгосрочные перспективы, что соответствует стратегическому характеру партнерства.

Таким образом, историческая преемственность и культурные традиции играют ключевую роль в формировании образа России как естественного партнёра Китая. Это достигается через использование универсалистической лексики, исторических метафор и коллективных архетипов, которые усиливают легитимность стратегического партнёрства и формируют его восприятие как исторически обусловленного.

При помощи историко-культурного дискурса Си Цзиньпин создаёт образ России как близкого и надёжного партнёра. Однако для перевода этих установок в политическую практику необходима риторика, которая легитимизирует взаимное доверие как ключевой принцип двустороннего взаимодействия. Именно этот уровень коммуникации становится основой для формирования российско-китайского стратегического партнёрства, что и составляет предмет анализа второго аспекта. Если первый аспект — «Историческая преемственность и культурные традиции» — легитимировал партнёрство через призму прошлого, то второй аспект углубляет этот подход, акцентируя внимание на политической динамике, где доверие становится операциональной базой стратегического партнёрства.

На начальном этапе Си Цзиньпин закладывает основы стратегического партнёрства через акцент на совместное строительство

нового мирового порядка. «各国应该共同推动建立以合作共赢为核心的新型国际关系，各国人民应该一起来维护世界和平、促进共同发展。» (Все страны должны совместно способствовать установлению нового типа международных отношений, основанных на принципах взаимовыгодного сотрудничества. Народы всех стран должны вместе обеспечивать мир и содействовать общему развитию) [5]. Эта фраза была произнесена в рамках первого международного визита Си Цзиньпина в качестве председателя КНР — в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО) 23 марта 2013 года. В этот период Китай начал активно продвигать идею многополярности как альтернативы западному однополярному миру. Россия, напротив, находилась в условиях усиливающегося давления со стороны Запада, особенно после событий на Украине в 2014 году. Поэтому эта риторика легла в основу российско-китайского стратегического партнёрства, где взаимное доверие стало не просто демокративным понятием, но политической установкой. Си Цзиньпин позиционировал себя как защитника справедливого мира, основанного на равенстве, что оказалось особенно важно для России. Это видно по лексическому обороту, например, «合作共赢» (взаимовыгодное сотрудничество) как ключевой термин в дискурсе КНР, отражающий идею равноправия и справедливости в международной политике, «新型国际关系» (новый тип международных отношений), подобное выражение связано с реформированием существующего порядка и созданием альтернативы западному доминированию, и наконец, «各国人民应该一起来维护世界和平、

促进共同发展» (народы всех стран должны вместе обеспечивать мир и развитие) — формулировка, ориентированная на всемирную солидарность, противопоставленную элитаризму. И снова мы можем наблюдать лексику общего характера, которая ориентированная на аудиторию разных стран, что способствует усилинию легитимности высказывания. Акцент на народах вместо элит показывает, что мир и развитие зависят не только от государств, но и от общественного согласия.

Кроме того, в рамках этой речи морфема «共» (сообща, вместе), входящая в состав таких ключевых терминов как «共同» (совместно), «共赢» (всеобщее благополучие) встречается 15 раз на 1335 слов, что составляет частотность примерно 1,1% от общего объёма текста. Такой уровень повторяемости свидетельствует не только о стилистической предпочтительности, но и о функциональной нагрузке данной лексемы в рамках политического дискурса. Подобное повторение указывает на тематическую концентрацию высказывания вокруг идеи коллективного действия и совместного развития. В китайском языке морфема «共» традиционно связана с концепцией гармонии, взаимодействия и социальной ответственности, восходящей к конфуцианским ценностям. Её систематическое использование в официальных речах позволяет говорить о лексической акцентуации, то есть о целенаправленном выборе слов, усиливающих определённую идеологическую установку. Это демонстрирует приоритет на коллективное действие. Метафора «合作共赢» (взаимное сотрудничество) делает акцент на противостоянии конкуренции и конфронтации, особенно

в отношении с Западом.

На втором этапе Си Цзиньпин углубляет доверие в российско-китайских отношениях, используя язык, который подчёркивает их зрелость, устойчивость и готовность к внешним испытаниям.

В своем новогоднем послании 31 декабря 2018 г. президенту России Владимиру Путину Си Цзиньпин пишет: «2019年是中俄建交70周年。我愿继续同你一道，引领双边关系和各领域合作不断取得新进展，更好造福两国和两国人民。» (2019 год знаменуется 70-летием установления дипломатических отношений между Китаем и Россией. Я готов продолжать действовать вместе с вами, чтобы направлять двусторонние отношения и сотрудничество во всех областях к новым достижениям ради всеобщего блага наших стран и народов) [8]. «我愿继续同你一道» (Я хочу продолжать действовать вместе с вами), данная фраза выражает личную заинтересованность лидера и подчеркивает долгосрочный характер сотрудничества. Глагол «引领» (вести, направлять) придаёт высказыванию лидерский тон, что усиливает образ стратегического партнёрства. Нормативная формулировка «造福两国和两国人民» (во благо двух стран и их народов) связана с этической мотивацией политики. В целом, речь построена в формате личного обращения, что делает ее более эмоциональной, чем формальные выступления, присутствует риторическая симметрия: акцент на обе стороны (мы и вы, страны и народы), что способствует созданию равноправного нарратива. Также используется метафора «不断取得新进展» (неуклонно достигать

новых успехов), которая демонстрирует движение к прогрессу.

Важно отметить, что использование слова «引領» (вести, направлять) в адрес другого государства — редкость в китайской дипломатии. Оно свидетельствует о высоком уровне доверия между лидерами, поскольку предполагает коллективное лидерство, а не односторонний доминантный подход.

На третьем этапе правления Си Цзиньпина российско-китайские отношения достигли высокой степени институциональной устойчивости и координации. На этом этапе двустороннее сотрудничество стало не просто реакцией на внешние вызовы или временной политической конъюнктурой, а долгосрочной стратегией, закреплённой в официальных документах, совместных заявлениях и международных форматах. Именно в этот период Си Цзиньпин стал чаще использовать лексику, подчёркивающую устойчивость, надёжность и историческую значимость отношений, что свидетельствует о переходе от дипломатического сотрудничества к полноценному стратегическому партнёрству.

«发展永久睦邻友好、全面战略协作、互利合作共赢的中俄关系不是权宜之策，而是长久之计。明年是中俄建交75周年。» (Развивать отношения вечной дружбы, всеобъемлющего стратегического сотрудничества и взаимовыгодного партнёрства между Китаем и Россией — это не временное решение, а стратегическая перспектива на долгосрочную перспективу. В следующем году мы будем отмечать 75-летие установления дипломатических отношений между нашими странами) [8], — эта цитата

прозвучала на встрече лидеров в Пекине 18 октября 2023 года — в условиях геополитической изоляции России, экономического давления на Китай со стороны США, усиливающейся конкуренции в АТР, санкций и технологического разрыва. Упоминание о 75-летии дипломатических отношений добавляет историческую легитимность и символический вес текущему этапу сотрудничества, являясь доказательством слов о долгосрочной перспективе. Такое противопоставление: «不是权宜之策，而是长久之计» (не временное решение, а долгосрочный план) служит усилением нормативной убедительности. «永久睦邻友好» (вечная добрососедская дружба) — выражение, имеющее культурно-историческую окраску, связанную с идеалами гармонии и близости, а метафора «睦邻友好» (добрососедская дружба) восходит к конфуцианским представлениям о доброжелательном соседстве.

Таким образом анализ речей Си Цзиньпина в контексте данного аспекта показывает, что взаимное доверие постепенно становится центральным элементом российско-китайского стратегического партнёрства, эволюционируя от декларативных принципов к институционально устойчивой основе двустороннего сотрудничества. В речах лидера КНР последовательно использовались: универсалистская лексика, триады прилагательных для усиления уверенности в стабильности и справедливости, а также риторические противопоставления, служащие нормативной и легитимизационной функции. Общей чертой всех этапов стало использование языка коллективного действия и исторической преемственности, тогда как

различия проявились в углублении нормативной и институциональной направленности риторики на более поздних этапах — от идеи многополярности в начале правления до формального закрепления партнёрства как стратегического приоритета в условиях геополитических вызовов.

Следующим важным направлением партнёрства России и КНР является экономическое сотрудничество. На разных этапах своего правления Си Цзиньпин последовательно подчеркивал значение экономических связей как фактора устойчивости, взаимной выгоды и долгосрочной координации в условиях изменяющегося глобального порядка.

В начале своего председательства Си Цзиньпин в том же выступлении в МГИМО в 2013 г. сказал: «要坚定不移发展合作共贏的关系，不断创造出更多利益契合点和合作增长点，不断提高两国务实合作层次和水平» (необходимо неуклонно развивать отношения взаимовыгодного сотрудничества, постоянно создавать новые точки пересечения интересов и источники роста сотрудничества, повышать уровень и качество двустороннего практического сотрудничества) [5]. В данном высказывании использована определенная лексика, которая выражает твердость намерений и придает обязательный нормативный оттенок высказыванию, например, «坚定不移» (непоколебимо). Термин «合作共贏» (взаимовыгодное сотрудничество) подчеркивает равноправие и синергию интересов. «利益契合点» (точки пересечения интересов) — метафора, связанная с поиском общих целей и синхронизацией стратегий. Благодаря «合作

增长点» (источники роста сотрудничества) создается акцент на динамике и перспективности партнерства. Эта цитата прозвучала в период, когда Китая начинал реализовывать инициативу «Поясь и путь», и Россия рассматривалась как ключевой партнер для реализации этой инициативы. Упоминание о совместных точках интересов и источниках роста стало частью более широкой стратегии экономического противостояния западному давлению. Таким образом, эта фраза стала важным сигналом России о том, что экономическое сотрудничество будет играть центральную роль в будущем стратегическом партнёрстве. На первом этапе Си Цзиньпин закладывает основы экономического сотрудничества, делая акцент на расширение, углубление и повышение уровня взаимодействия. Это стало отправной точкой для дальнейшей интеграции России в китайские экономические проекты.

На втором этапе своего правления Си Цзиньпин в июне 2019 года, накануне 23-го Петербургского международного экономического форума, дал совместное интервью российским информационным агентствам ТАСС и "Российской газете". Отвечая на вопрос о китайско-российском экономическом и торговом сотрудничестве, лидер Китая заявил: «可以说，在双方共同努力下，中俄经贸合作已经步入发展的快车道，前景可期。» (Можно сказать, что благодаря совместным усилиям двух сторон китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество вышло на полосу быстрого развития с многообещающими перспективами) [9]. Эти слова передают образ поступательного, ускоренного и стратегически значимого движе-

ния в направлении углубления двусторонних связей. Употребление метафоры «快车道» (высокоскоростной путь) акцентирует динамику и приоритетность сотрудничества, в то время как «前景可期» (многообещающие перспективы) выражает уверенность в его устойчивости и долгосрочности. Такое высказывание Си Цзиньпина отражает не только позитивную оценку текущего состояния экономических отношений, но и идеологически подкреплённую установку на их стратегическую значимость в контексте изменения глобального экономического порядка.

Уже на третьем этапе председательства Си Цзиньпин в мае 2025 года в своем выступлении на переговорах с Владимиром Путиным в Москве произносит: «要发挥两国资源禀赋和产业体系互补优势，拓展经贸、能源、农业、航空航天、人工智能等领域高质量互利合作。» (Следует использовать взаимодополняющие преимущества ресурсного потенциала и промышленных систем двух стран для расширения высококачественного взаимовыгодного сотрудничества в таких сферах, как торговля и инвестиции, энергетика, сельское хозяйство, авиакосмическая отрасль и искусственный интеллект) [8]. Речь построена в форме политической программы, где используются обязательные глаголы, например, «要» (необходимо) и конкретные направления развития. Используется список ключевых отраслей, что придаёт высказыванию практическую направленность. Акцент на «高质量互利合作» (взаимовыгодное сотрудничество высокого качества) показывает переход от количественного к качественному формату экономических связей. Фраза «产业

体系互补优势» (взаимодополняющие преимущества промышленных систем) демонстрирует акцент на структурной совместимости экономик КНР и РФ. Метафора «高质量» (высокое качество) выступает в качестве выражения, которое восходит к идеологии «умного» партнерства, где важны не только объемы, но и технологические стандарты. Эта цитата является ярким примером того, как экономическое сотрудничество между Китаем и Россией перешло на качественно новый уровень, характеризующийся институционализацией, технологическим углублением и долгосрочной координацией. Упоминание таких отраслей, как искусственный интеллект и космос, демонстрирует, что двустороннее партнёрство уже не ограничивается сырьевыми и торговыми промышленными связями, а становится частью стратегического технологического альянса. На данном этапе Си Цзиньпин использует конкретную и обязательную лексику, которая легитимизирует долгосрочные экономические связи как политическую установку, а не временную меру. [5]

Если в предыдущем аспекте основное внимание было уделено экономическому измерению российско-китайского стратегического партнёрства, то есть тем сферам, где интересы двух стран пересекаются в вопросах развития, инвестиций и интеграции, то наряду с экономическим взаимодействием Си Цзиньпин неоднократно подчёркивал, что долгосрочное партнёрство невозможно без устойчивости и стабильности в сфере безопасности. Политический дискурс лидера КНР демонстрирует, что экономические достижения и торговые связи

требуют прочной политической и безопасностной базы, чтобы развиваться в условиях изменяющегося мирового порядка и усиления геополитических вызовов. Именно поэтому обеспечение региональной и глобальной стабильности становится не просто дополнительным направлением сотрудничества, но политическим обязательством, оформленным через язык, метафоры и нормативные формулировки.

Для изучения взглядов Си Цзиньпина на начальном этапе его председательства, мы снова обратимся к его выступлению в Московском государственном институте международных отношений в марте 2013 г. «面对错综复杂的国际安全威胁，单打独斗不行，迷信武力更不行，合作安全、集体安全、共同安全才是解决问题的正确选择。» (Перед лицом сложных и изменчивых угроз международной безопасности индивидуализм не работает, как и слепое доверие силе. Правильным выбором является сотрудничество в обеспечении безопасности, коллективная безопасность и совместное решение проблем) [5]. В данном отрывке, благодаря прилагательным «错综复杂» (сложные и переплетенные), можно заметить акцент на многообразии и взаимосвязанности угроз. Си Цзиньпин, с помощью слов «单打独斗 / 迷信武力» (индивидуальное действие / вера в силу), делает риторическое противопоставление текущего подхода Запада и новой стратегии КНР. Конструкция «不是...而是...» (не..., а...) является распространенным приемом в официальной риторике, создающим эффект альтернативного повествования. На первом этапе Си Цзиньпин закладывает основы коллективной безопасности, делая акцент на

том, что ни односторонние действия, ни военная сила не могут быть эффективными в современных условиях. Он предлагает альтернативу западному подходу, где диалог и сотрудничество становятся ключами к международной стабильности.

В 2017 году в Астане была совместная встреча Си Цзиньпина и Владимира Путина, где глава КНР сказал: «上海合作组织正面临新的发展机遇和挑战。中俄两国应该加强沟通和协调, 坚定遵循“上海精神” , 巩固成员国团结协作, 维护地区安全稳定, 加大务实合作力度, 不断提升上海合作组织在国际和地区事务中的影响力。» (Организация Шанхайского сотрудничества сталкивается с новыми возможностями и вызовами. Китай и Россия должны усилить диалог и координацию, последовательно следовать «Шанхайскому духу», укреплять сплочённость стран-участниц, защищать региональную безопасность и стабильность, расширять практическое сотрудничество и повышать роль ШОС в международных и региональных делах) [8]. Часто используемое в китайском дискурсе выражение «面临新的发展机遇和挑战» (сталкиваться с новыми возможностями и вызовами) связано с динамикой и переменами. Благодаря формулировке с нормативной окраской «坚定遵循“上海精神”» (следовать «Шанхайскому духу») легитимируется ценность ШОС, также делается акцент на значимости организации через словосочетание «提升影响力» (повышать влияние). На данном этапе ШОС рассматривается как важнейшая платформа для региональной безопасности. Более активно начинается использование организации Китаем и Россией для противостояния интере-

сам США в Центральной Азии. На втором этапе Си Цзиньпин углубляет идею коллективной безопасности через Шанхайскую организацию сотрудничества, где Россия выступает как ключевой партнёр. Он предлагает альтернативу западной модели, основанную на диалоге, уважении и совместной ответственности.

21 января 2025 г. прошли онлайн-переговоры председателя КПК и Владимира Путина. «以中俄关系的稳定性和坚韧性应对外部环境的不确定性, 共同促进两国发展振兴, 维护国际公平正义。» (Используйте стабильность и упорство китайско-российских отношений для преодоления неопределенности внешней среды, совместного содействия развитию и оживлению двух стран и обеспечения международной честности и правосудия) [10], — Си Цзиньпин отметил важную роль китайско-российских отношений на глобальном уровне. Акцент на долгосрочность и надежность двустороннего союза делается с помощью слов «稳定性» (стабильность) и «坚韧性» (устойчивость). Метафора геополитического давления «应对外部环境的不确定性» (противостоять внешней неопределенности) служит обоснованием стратегического партнерства двух стран. «共同促进» (совместно способствовать) — символизирует коллективное действие, а не отдельные инициативы. Цитата прозвучала в условиях геополитической нестабильности, вызванной технологическим разрывом, санкционным давлением и ростом конкуренции в АТР. На данный момент Китая и Россия уже имели развитие механизмы координации в рамках ШОС, БРИКС+ и Совета Безопасности ООН. Эта фраза стала частью более широкой стратегии укрепления

альтернативного мирового порядка, где международная справедливость заменяется западным доминированием. Использование понятий стабильности и устойчивости показывает, что отношения между КНР и РФ рассматриваются как архитектура стабильности. Термин «**国际公平正义**» (международная справедливость) — часть доктрины сообщества единой судьбы человечества, легитимизирующей альтернативную систему ценностей. На третьем этапе Си Цзиньпин уже не просто декларирует ценности безопасности, а углубляет их до уровня институциональной практики. Россия и Китай позиционируются как архитекторы стабильности, противостоящие geopolитической неопределенности. Такая риторика легитимизирует долгосрочные связи как гарант мира и справедливости.

Таким образом, взгляды Си Цзиньпина на обеспечение безопасности и стабильности эволюционировали от идеологических заявлений к институциональному сотрудничеству, где Россия и Китай становятся главными архитекторами региональной и глобальной безопасности.

В целом, риторика Си Цзиньпина в отношении России занимает важное место в формировании имиджа двусторонних отношений между двумя странами. В своей речи китайский лидер часто использует языковые средства и риторические приемы, которые способствуют укреплению образа России как близкого и важного стратегического партнера. Особенности восприятия России в китайском дискурсе формируют положительное отношение к российскому государству, опираясь на несколько ключевых моментов, таких как взаимное доверие,

долгосрочные партнерские связи и уважение к суверенитету.

Один из основных приемов, который использует Си Цзиньпин в своих публичных заявлениях, — это апелляция к историческим и культурным традициям. В своих выступлениях китайский лидер часто ссылается на многовековую дружбу между двумя народами, акцентируя внимание на исторических параллелях и совместных усилиях Китая и России в различных аспектах международной политики. Например, упоминание об опыте советско-китайских отношений в годы Второй мировой войны. «Будем вместе с российскими коллегами в этом контексте поддерживать оценочную международную систему, отстаивать победу во Второй мировой, добытую кровью и жизнями миллионов людей, защищать права Китая и России в качестве стран — учредителей ООН и постоянных членов Совбеза» [11], — во время онлайн переговоров с Владимиром Путиным подчеркнул Си Цзиньпин. Подобные исторические отсылки создают в китайском обществе образ России как надежного и проверенного союзника, с которым можно развивать стратегическое сотрудничество.

Метафоры и образные выражения играют значительную роль в формировании положительного имиджа России в китайской риторике. Си Цзиньпин активно использует метафоры, связанные с идеей «большой дружбы» и «братского партнерства». Эти выражения отражают не только политическую, но и культурную близость двух народов. В этом контексте России приписывается роль «надежного

партнера», «важного соседа» и «друга», что подчеркивает эмоциональную составляющую двусторонних отношений. Например, мысль Си Цзиньпина, высказанная в речи во время встречи к 70-летию установления дипломатических отношений России и Китая, о том, что «70年来，无论两国关系经历何种变化，人民的友谊始终坚如磐石» (За последние 70 лет, какие бы изменения ни происходили в отношениях между двумя странами, дружба народов оставалась прочной) [6]. Метафора «坚如磐石» (прочная как скала) выполняет важную символическую функцию: она акцентирует незыблемость, устойчивость и историческую глубину народной дружбы как фундамента двусторонних отношений. Использование такого выражения позволяет Си Цзиньпину выйти за рамки сухого дипломатического языка и апеллировать к эмоционально-культурной памяти, создавая образ устойчивой и «естественной» близости народов. Подобные образные конструкции отражают характерную для китайского политического дискурса тенденцию к эстетизации и сакрализации международных отношений через культурные архетипы.

Также, хотелось бы отметить, что слово «друг» часто встречается в речах Си Цзиньпина при обращении к Владимиру Путину, на что тот отвечает тем же. Например, во время тех же переговоров в видеоформате оба лидера обращались друг к другу как «亲爱的朋友» (дорогой друг) [10]. Подобная лексика не только служит средством дипломатической вежливости и демонстрации взаимного уважения на высшем уровне, но и символически подчеркивает особый характер отношений между странами — не

просто прагматическое сотрудничество, а «дружбу», выстроенную на доверии, взаимопонимании и исторической преемственности.

Таким образом, анализ речей Си Цзиньпина за период с 2013 по 2025 гг. показывает, что его взгляды на российско-китайское стратегическое партнёрство последовательно формируются через четыре ключевых аспекта: историческая преемственность, взаимное доверие, экономическое сотрудничество и обеспечение безопасности.

На протяжении всех этапов его президентства наблюдается переход от декларативного уровня к институциональной базе партнёрства, где язык служит не только средством передачи политических установок, но и инструментом легитимации союза в условиях усиливающегося геополитического противостояния с Западом.

Си Цзиньпин последовательно использует универсалистскую лексику, метафоры движения и строительства, а также риторические противопоставления, чтобы подчеркнуть долгосрочность, устойчивость и справедливость российско-китайского взаимодействия.

Политический дискурс Си Цзиньпина становится важным элементом внешней политики КНР, где Россия позиционируется как естественный партнёр в формировании многополярного мира, основанного на принципах равноправия, коллективной ответственности и общих традициях.

Список литературы

1. Аль-Баразанчи Мохаммед Ясин Мохаммед. Таксономия политического дискурса новейшего времени в контексте антропоцентрической парадигмы. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2019; Т. 19 (4). С. 384-389.
2. Олешкова А. М. Критический дискурс-анализ: теоретические основы метода. KANT. 2018; №3 (28). С. 127-131.
3. Дейк Т. А. Анализ новостей как дискурса. Москва: Прогресс, 1989.
4. Колокольникова М. Ю. Дискурс-анализ в диахроническом исследовании лексической семантики. Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2010; №1 (13). С. 106-112.
5. Председатель КНР Си Цзиньпин выступил с важной речью в Московском институте международных отношений (国家主席习近平在莫斯科国际关系学院发表重要演讲). Центральное народное правительство Китайской Народной Республики (中华人民共和国中央人民政府) URL: https://www.gov.cn/ldhd/2013-03/24/content_2360821.htm (дата обращения: 10.04.2025).
6. Выступление Си Цзиньпина на 70-й годовщине установления дипломатических отношений между Китаем и Россией (习近平在中俄建交70周年纪念大会上的讲话 (全文)). Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики (中华人民共和国外交部) URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/201906/t20190606_7946117.shtml (дата обращения: 10.04.2025).
7. Выступление Си Цзиньпина на диалоге лидеров "БРИКС+" (полный текст) (习近平在“金砖+”领导人对话会上的讲话 (全文)). Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики (中华人民共和国外交部) URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/201906/t20190606_7946117.shtml (дата обращения: 10.04.2025).
8. Новый тип; международные отношения (新型 ; 国际关系). Дипломатическая мысль Си Цзиньпина и китайская дипломатия в новую эпоху (习近平外交思想和新时代中国外交) URL: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/node_8020223.shtml (дата обращения: 10.04.2025).
9. Си Цзиньпин согласился на совместное интервью с ведущими российскими СМИ (习近平接受俄罗斯主流媒体联合采访). Синьхуа (新华网) URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2019-06/05/c_1124583530.htm (дата обращения: 13.04.2025).
10. Новогоднее соглашение о дипломатии великих держав (大国外交的新春之约). Дипломатическая мысль Си Цзиньпина и китайская дипломатия в новую эпоху

- (习近平外交思想和新时代中国外交) URL: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/2025-02/13/content_117710754.shtml (дата обращения: 13.04.2025).
11. Переговоры с Председателем КНР Си Цзиньпином. Официальные сетевые ресурсы Президента России URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76137> (дата обращения: 13.04.2025).
6. 03/24/content_2360821.htm (accessed: 04/10/2025). (In Chin.)
6. Xi Jinping's speech on the 70th anniversary of the establishment of diplomatic relations between China and Russia (full text). Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/201906/t20190606_7946117.shtml (accessed: 04/10/2025). (In Chin.)
7. Xi Jinping's speech at the BRICS+ Leaders' Dialogue (full text). Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/201906/t20190606_7946117.shtml (accessed: 04/10/2025). (In Chin.)
8. New type; international relations. Xi Jinping's Diplomatic Thought and Chinese Diplomacy in the New Era URL: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/node_8020223.shtml (accessed: 04/10/2025). (In Chin.)
9. Xi Jinping agreed to a joint interview with leading Russian media. Xinhua URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2019-06/05/c_1124583530.htm (accessed: 04/13/2025). (In Chin.)
10. New Year's Agreement on Diplomacy of the Great Powers. Xi Jinping's Diplomatic Thought and Chinese Diplomacy in the New Era URL: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/2025-02/13/content_117710754.shtml (accessed: 04/13/2025). (In Chin.)

11. Negotiations with Chinese President Xi Jinping. The official network resources of the President of Russia URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76137> (accessed: 04/13/2025). (In Russ.)

Сведения об авторах

Ветошкина Софья Алексеевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет

sofivetoshkina04@yandex.ru

Глушкова Светлана Юрьевна,

Канд. филол. наук, доцент кафедры китаведения и азиатско-тихоокеанских исследований

Казанский (Приволжский) федеральный университет

svetaelina@gmail.com

Галиуллин Марат Зуфарович,

Канд. истор. наук, доцент кафедры регионоведения и цифровой гуманитаристики
Казанский (Приволжский) федеральный университет

maratscorpion@yandex.ru

Information about the authors

Vetoshkina Sofya Alekseevna,

Kazan (Volga Region) Federal University
sofivetoshkina04@yandex.ru

Glushkova Svetlana Yurievna,

Cand.Sc. (Philology), Associate Professor of the Department of Sinology and Asia-Pacific Studies

Kazan (Volga Region) Federal University
svetaelina@gmail.com

Galiullin Marat Zufarovich,

Cand.Sc.(History), Associate Professor of the Department of Regional Studies and Digital Humanities

Kazan (Volga Region) Federal University
maratscorpion@yandex.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.10.2025.

Принята к публикации: 10.10.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.09.2025

Approved after reviewing 02.10.2025

Accepted for publication 10.10.2025

**The Concept of "Anxiety" in Chinese and Russian
Linguistic Cultures**

**Концепция «тревожность»
в китайской и русской лингвокультурах**

Мустафина Юлия Альбертовна,

Королева Анна Сергеевна

Казанский (Приволжский) федеральный
университет

Автор, ответственный за переписку:

YuAMustafina@kpfu.ru

Yulia A. Mustafina,

Anna S. Koroleva

Kazan (Volga region) Federal University,

Kazan, Russia

Corresponding author:

YuAMustafina@kpfu.ru

УДК 81 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2025-33-38](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-33-38)

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется вопрос о том, как эмоциональное состояние тревожность отражается в лексике и выражениях китайского и русского языков. Цель исследования — выявление и сопоставление сходств и различий в когнитивных моделях двух культур. Актуальность обусловлена тем, что интерес к ментальному здоровью в современном мире глобализации значительно вырос. Понимание различий в восприятии эмоций очень важно в межкультурной коммуникации. Для написания статьи были выбраны методы: метод концептуального анализа, компонентный анализ semantics, и сравнительный метод. Теоретической и методологической базой послужили работы лингвистов Дж. Лакоффа, М. Джонсона, В.Н. Телии и других. Материал исследования:

ABSTRACT

This article explores how the emotional state of anxiety is reflected in the vocabulary and expressions of the Chinese and Russian languages. The aim of the study is to identify and compare similarities and differences in the cognitive models of the two cultures. This research is relevant because interest in mental health has grown significantly in today's globalized world. Understanding differences in the perception of emotions is crucial in intercultural communication. The following methods were used to write this article: conceptual analysis, component analysis of semantics, and comparative analysis. The theoretical and methodological basis is provided by the works of linguists J. Lakoff, M. Johnson, V. Telia, and others. Research material includes explanatory, etymological, and phraseological dictionaries of the

толковые, этимологические и фразеологические словари китайского и русского языков. Результаты исследования позволили установить сходства и различия в репрезентации концепта. Тревожность раскрылась как культурно-обусловленный феномен.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, концептуальная картина мира, тревожность, китайский язык, русский язык.

Для цитирования: Мустафина Ю.А., Королева А.С. Концепция «тревожность» в китайской и русской лингвокультурах. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (4). С. 33–38 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-33-38>

Введение

От Аристотеля до второй половины 20 века исследовали природу языка и эмоций. Первой фундаментальной работой, которая открыла дорогу исследованиям связи эмоций и языка, послужила работа Чарльза Дарвина «Выражение эмоций у человека и животных». Вильгельм Вундт в своем исследовании «Психологии народов» описал связь языка с эмоциями. Он считал, что язык отражает миоощущение народа. 1960-е—1970-е годы — период первых целенаправленных исследований по лингвистики эмоций.

Книга Лакоффа и Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» стала переломным моментом в исследовании связи эмоций и языка. Авторы считают, что метафора — это когни-

Chinese and Russian languages. The results of the study revealed similarities and differences in the representation of the concept. Anxiety was revealed as a culturally determined phenomenon.

Keywords: linguoculturology, concept, anxiety, conceptual metaphor, Chinese language, Russian language.

For citation: Mustafina Yu. A., Koroleva A.S. The Concept of "Anxiety" in Chinese and Russian Linguistic Cultures. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№3). P. 33-38 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-33-38>

тивный процесс использования известной конкретной вещи для понимания неизвестной абстрактной вещи (Лакофф, Джонсон 2004, 25-68). Эмоции как раз являются таковыми. Они сложная вещь в сердцах людей, которую трудно выразить напрямую. Общая психология считает, что эмоции — это переживание отношения людей и соответствующие поведенческие реакции на объективные явления. Каждый человек, в независимости от национальности, испытывает одни и те же эмоции, хоть и с различием в интенсивности.

Эмоцию с лингвистической стороны можно выразить двумя способами: описывая физиологические выражения и с помощью метафоры.

Обсуждение

В современной лингвокультурологии одно из ключевой единицей исследований является концепт. Маслов В. А. дал такое объяснение: «...концепт — это ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом выражения — совокупность языковых средств (лексических, фразеологических и др.)» (Маслова 2007, 27). В.В. Воробьев писал, что концепт выражается в языке разными средствами: лексемы, фразеологизмами и текстами. Он отражает и формирует культурные представления народа. Совокупность концептов формирует концептуальную картину мира (Воробьев 1997, 54).

Китайская концептуальная картина мира формировалась под влиянием конфуцианства, даосизма и иероглифической письменностью. Русская же была сформирована под влиянием православия и классической литературы.

Поскольку эмоции не только переживаются, но и отражаются в языке, возникает такое понятие как «эмоциональный концепт». В китайской концептуальной картине эмоции часто подлежат контролю. В русской картине они часто занимают центральное положение и несут высокую ценность.

В исследовании рассматривается одна из комплексных эмоций — тревожность. По мнению американского психолога Кэррола Изарда данная эмоция не является фундаментальной, а лишь сопровождает «тревогу» вместе со страхом, интересом, страданием, гневом, стыдом и виной (Изард 1980, 292-316).

В китайском языке есть несколько ключевых слов, выражающих данную эмоцию: 焦虑 jiāo lǜ тревожиться (термин, который также используется в клинической психологии), 担心 dānxīn беспокоиться (о семье, друзьях и т.д.), 不安 bù'ān беспокойный (о состоянии).

现代社会很多人都面临着焦虑问题。В современном обществе многие люди сталкиваются с проблемой тревожности.

她担心自己会说错话，所以一直保持沉默。Она беспокоилась, что скажет что-то не то, поэтому оставалась молчаливой.

这种异常的安静让我感到十分不安。Это неестественная тишина заставляет меня чувствовать себя очень неспокойно.

В современном китайском словаре тревога означает стойкое, беспрчинное чувство беспокойства, внутреннего напряжения (现代汉语词典2016, 659,256,109). В китайской лингвокультуре тревожность идет в комплексе вместе со стыдом и интересом (предусмотрительность).

На периферии тревожности находятся 忧愁 yōuchóu тосковать, 恐慌 kǒnghuāng паника.

В русских толковых словарях значение слову тревожности нет. Оно произошло от прилагательного тревожный с помощью суффикса -ость. А тревожный от слова тревога (Ожегов 1994, 702). «Тревога» в русском языке произошла от праславянского корня *terv-* (рвать, резать). Изначальный смысл слова — физическое воздействие с причинением боли.

4) Перед важной встречей она чувствовала нарастающую тревожность.

5) Лекарство помогает снизить симптомы тревожности.

Её перифирия (интенсивность и оттенок) состоит из: *смятения, тоски, страха, нервозности и паники*.

Как и в китайском языке, в русском тревожность можно показать синонимами: *беспокойство, волнение, смятение и тоска*. В русской лингвокультуре тревожность идет в комплексе со *страданием и интересом* (смысл).

Описание тревожности в русском языке сопровождается такими концептуальными метафорами как: *терзать, разрывать на части, переполняться тревогой*. В китайском языке повествуют с помощью: 忐忑不安 *tǎntè bùān* испытывать крайнее волнение, 心急 *xīnjí* волноваться, 心急火燎 *xīnjí huǒliáo* гореть нетерпением.

Распространенные русская идиома «кошки скребут на душе» и китайский чэньюй 心烦意乱 *xīnfán yìluàn* «на душе беспокойство, в мыслях хаос» демонстрируют разные способы концептуализации. Семантика русского фразеологизма состоит из зооморфной и иррациональной метафор. Китайская семантика — из рациональной метафоры.

Также встречается сходство в описании беспокойного поведения «как на иголках, как на углях» 如坐针毡 *rú zuò zhēnzhān* сидеть как на подстилке из гвоздей. Оба выражения подчеркивают физиологическую остроту состояния.

Выделяя соматические признаки, можно заметить, что в обоих языках «тревожность» сопровождается лексемой *сердце*. Только в ки-

тайском языке оно идет как центр эмоций: 心烦 *xīnfán* тревога, 心急如焚 *xīnjí rú fén* сердце будто огнем объято (пылает), гореть от нетерпения, волноваться, в русском как центр переживаний: сердце не на месте, сердце сжалось.

В культурном контексте китайской лингвистике тревожность описывается как связь с долгом, гармонией, например слова 担心 *dānxīn* дословно «брать на себя сердце» и 操心 *cāoxīn* буквально «управлять сердцем» часто используются, когда хотят сказать я беспокоюсь о ком-то/чем-то. В русской — с переживаниями и неопределенностью судьбы, например: душа болит, сердце ноет.

Различаются также метафоры физического воздействия. В китайском языке эмоция связана с огнем и горением 心焦如火 *xīn jiāo rú fén*, в русском языке тревожность сопровождает холод и онемение — леденящая душу тревога.

В переживании тревожности состояние описывают таким поведением: 坐立不安 *zuòlì bùān* «невозможно спокойно ни стоять, ни сидеть», где акцент на отсутствие состояния покоя, в русском — «не может усидеть на месте» описывает неспособность сохранять статичное положение.

Если рассматривать социальный контекст, то катализатором тревожности в русской лингвокультуре служит непредсказуемость внешних обстоятельств и судьбы (неуверенность в завтрашнем дне), в китайской концептуальной картине источником является социальный контекст (страх нарушить обязательства, не соответствовать ожиданиям общества).

Заключение

Любой концепт представляет нам культуру и менталитет народа. Он показывает модель поведения человека в обществе. Концепт «тревожности» в разноструктурных языках имеет как некоторые сходства, так и принципиальные различия. Русская лингвокультура тяготеет к глубине внутреннего мира, в то время как китайская к социальной гармонии, рациональности и самоконтролю.

Данное исследование показывает, что анализ эмоциональных концептов является отличным инструментом для сопоставления разных менталитетов. Результаты могут быть использованы в межкультурной коммуникации, лингвокультурологии. Понимание различий концептуальных метафор помогает понять носителей другой культуры.

Список литературы

Книги:

1. Лакоф Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
2. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – Минск: ТетраСистемс, 2008.
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология: Теория и методы. – М.:Изд-во РУДН, 1997.
4. Изард, К. Эмоции человека: Пер. с англ. М., Изд-во Московского. ун-та, 1980.
5. 现代汉语词典 Современный китайский словарь/ 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. — 第7版. — 北京 : 商务印书馆, 2016. Редакция словаря Института языкоznания Китайской академии общественных наук. — 7-e издание. — Пекин: Commercial Press, 2016. (на кит.яз).
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — Екатеринбург: Урал-Советы, 1994.

References

1. Lakoff, J., and Johnson, M. *Metaphors We Live By*. Moscow: Editorial URSS, 2004.
2. Maslova, V. A. *Cognitive Linguistics*. Minsk: TetraSystems, 2008.
3. Vorobyov, V. V. *Culturology: Theory and Methods*. Moscow: RUDN University Press, 1997.
4. Izard, K. *Human Emotions: Trans. from English*. Moscow, Moscow University Press, 1980.
5. A Modern Chinese Dictionary/ A Modern Chinese Dictionary. — 第7版. — 北京: 商务印书馆, 2016. Editorial office of the dictionary of the Institute of Linguistics of the Chinese Academy of Social Sciences. — 7th edition. - Beijing: Commercial Press, 2016. (in Chinese).
6. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. - Ekaterinburg: Ural-Soviet, 1994.

Сведения об авторах

Мустафина Юлия Альбертовна,
ассистент
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
г. Казань, ул.Пушкина 1/55
YuAMustafina@kpfu.ru

Королева Анна Сергеевна
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
г. Казань, ул.Пушкина 1/55
anna89th@mail.ru

Information about the authors

Yulia A. Mustafina,
assistant
Kazan Federal University
Kazan, st. Pushkin 1/55
YuAMustafina@kpfu.ru

Anna S. Koroleva
assistant
Kazan Federal University
Kazan, st.Pushkin 1/55
anna89th@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2025.
Одобрена после рецензирования: 02.10.2025.
Принята к публикации: 10.10.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.09.2025
Approved after reviewing 02.10.2025
Accepted for publication 10.10.2025

**Metaphors with the lexeme «göz» in the headlines
of the Turkish media**

Фразеологизмы с компонентом «гöz»

в заголовках турецких СМИ

**Йылмаз Эльвира Рафиловна,
Магдеев Рафик Рашитович**

Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия
Автор, ответственный за переписку:
el-vira-hadieva@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0002-5649-6995>

**Elvira R. Yilmaz,
Rafik R. Magdeev**

Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia
Corresponding author:
el-vira-hadieva@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0002-5649-6995>

УДК 811.581 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2025-39-48](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-39-48)

АННОТАЦИЯ

В современном медийном пространстве заголовки новостных материалов служат не только средством привлечения внимания аудитории, но и мощным инструментом формирования общественно-политического дискурса, который включает в себя «экспрессивность в качестве конститутивного, стилеобразующего средства». Анализ фразеологических единиц с компонентом «göz» в заголовках турецких СМИ позволяет выявить модели влияние языковых конструкций на интерпретацию событий, подчеркивая культурные и социальные аспекты турецкого общественно-политического медиадискурса.

Ключевые слова. Медиалингвистика, заголовки статей, политический дискурс, турецкий язык, языковая картина мира.

ABSTRACT

In the modern media space, the headlines of news materials serve not only as a means of attracting the attention of the audience, but also as a powerful tool for shaping socio-political discourse, which includes «expressivity as a constitutional, stylistic means.» The analysis of phraseological units with a component «göz» in the headlines of the Turkish media makes it possible to identify patterns of the influence of linguistic constructions on the interpretation of events, emphasizing the cultural and social aspects of the Turkish socio-political media discourse.

Keywords. Media linguistics, article headlines, political discourse, Turkish language, and linguistic worldview.

For citation: Yilmaz E.R., Khabibullina E.K. Metaphors with the lexeme «göz» in the headlines

Для цитирования: Йылмаз Э.Р., Магдеев Р.Р. «Метафоры с лексемой «göz» в заголовках турецких СМИ». *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (4). С. 39–48 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-39-48>

В эпоху информационного изобилия заголовок становится мощным инструментом привлечения внимания читателя, формируя его первичное восприятие новости. Анализ слов с высокой метафорической нагрузкой позволяет глубже понять принципы современного турецкого медиадискурса, специфику журналистского стиля и влияние идеологических факторов на язык СМИ. Официально-политическому дискурсу современного медиапространства характерна «экспрессивность в качестве конститтивного, стилеобразующего средства» [1].

В турецком языке слово «göz» занимает особое место в метафорическом словоупотреблении, поскольку глаз как орган восприятия ассоциируется с понятиями видения (например, *göz önünde bulundurmak*), наблюдения (например, *göz altında olmak*), понимания (например), контроля (например). Анализ заголовков, включающих в себя фразеологические единицы с компонентом «göz» позволяет проследить механизмы языкового воздействия и символизации «восприятия» в речи медиа. В эпоху цифровых медиа заголовки стали ключевым элементом информационного воздействия, где использование фразеологических единиц служит усилиению эмоциональной вовлеченности аудитории и повышает манипулятивный потенциал статьи.

of the Turkish media. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№4). P.39-48 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-39-48>

Актуальность исследования обусловлена тем, что дает картину механизмов языкового влияния на общественное сознание через идеологическую окраску новостей; выявляет культурно-специфические черты формирования социально-политической позиции путем воздействия через СМИ. Также данное исследование стремится внести вклад в понимание того, как метафорические конструкции способствуют конструированию реальности в турецком информационном пространстве.

Цель исследования — анализ корпуса фразеологических единиц с компонентом «göz» в заголовках ведущих турецких СМИ за 2025 год, изучить их влияние на риторику новостей. Соответственно материалом для анализа послужили заголовки турецких газет за 2025 года, в которых присутствует фразеологические единицы с компонентом «göz». Мы их собрали методом сплошной выборки. В выборку вошли публикации из различных изданий. Среди них: проправительственные и консервативные — *Yeni Şafak*, *Sabah*, *Akşam*, *Türkiye*, *Haber Tokat*; либеральные: *Hürriyet*, *Kıbrıs Türk gazetesi*; коммунистические патриотические: *Aydınlık*; условно- независимые консервативные: *Yeni GAP*, *UrFANnatık*; оппозиционные либерально-националистические: *Sözcü*, *Odatv*; либеральные: *Hürriyet*; жёлтая пресса: *Tele1*, *Odatv*; др..

Нами были использованы контекстуальный и лексико-семантический анализ; сопоставительный анализ в рамках дискурсивной стратегии. Особое внимание уделялось типу значения слова «*göz*» (буквальное / метафорическое), синтаксической функции в заголовке и pragmatischemу эффекту.

Довольно часто наблюдаются различные трансформации фразеологических единиц в современных заголовках информационных текстов; такие изменения характерны и для турецких СМИ, они обусловлены «авторскими интенциями и могут производиться на семантическом и структурном уровнях» [2].

Заголовки СМИ демонстрируют богатое и разнообразное использование фразеологических единиц (далее — ФЕ) с компонентом «*göz*» (глаз) в турецком медиадискурсе (прил.1). Так как тексты политизированных изданий служат определенным партийным целям, для них лексического составляющего характерна «предметность словаря и употребление абстрактных существительных, поскольку политические дискуссии обычно носят теоретический характер даже в случае, если они напрямую связаны с предложенным планом действий» [3].

Анализ позволяет выделить несколько ключевых тенденций. По значению выявили 3 ключевых групп: наблюдение/внимание, эмоциональное состояние, описание анатомии человека.

1. ФЕ со значением наблюдения: «*gözü önünde*» подчеркивает публичность, шокирующую наглядность события (нападение на гла-

зах у детей); «*gözler ...da*» (взгляды устремлены на...) выражает сосредоточенное внимание общества или определенной группы на событии, персоне или месте, частотна, вариативна. Например, мы встретили следующий вариант: «*göz hapsinde*» — под пристальным наблюдением, указывает на непрерывный и жесткий контроль (США над Газой): «*göz aştırmamak*» в значении «не давать спуску, не давать возможности», указывает на жесткий, неослабевающий контроль и пресечение деятельности.

2. ФЕ со значением эмоционального состояния: шок от увиденного: «*gözüne inanamamak*»; агрессивное желание завладеть чем-то «*göz dikmek*», тут в значении позариться, положить глаз; «*gözünü korkutmak*», передает сильный испуг, деморализацию (поражение на Кипре напугало партию); «*gözü yollarda olmak/kalmak*» ждать с нетерпением, по контексту идет ожидание поддержки флотилией; «*gözünü açmak*», в значении «прозреть», «открыть глаза», по тексту призыв осознать правду, понять ситуацию; «*göz göre göre*», в данном случае состояния отторжения, неприятия и критики явного негативного процесса, у всех на виду, по контексту наблюдается критика бездействия органов местной власти, «*ağzını açır gözünü yummak*», устойчивое выражение, означающее опрометчивость, необдуманное эмоциональное высказывание, за которым следует сожаление или последствия, в контексте говориться о том, как в гневе политик высказал все, что думал о своей партии.

3. ФЕ описывающие физическое состояние, отражающие анатомические особенности: «*gözü morarmak*», синяк под глазом, прямое

описание физической травмы у И. Маска; «göz karağı», веко, прямое указание на орган, «gözlerini kaybetmek», потерять зрение, обозначение функции органа через сам орган; «göz çevresi», область вокруг глаз.

Заметим, яркость и образность фразеологических единиц привлекают внимание и создают экспрессию, тем самым завлекая адресата сообщения в контекст новостного материала. Конденсация смысла и создание жанрово-стилистического слоя помогают обозначить ключевую тему новости. Дискурсивный аспект также играет немалую роль: большинство приведенных примеров указывают на то, что автор стремится передать либо критику, либо одобрение. Фразеологизмы с компонентом «göz» являются мощным экспрессивным инструментом в турецком медиадискурсе. Их использование существенно влияет на pragmatику заголовка, делая его более привлекательным, эмоционально окрашенным и семантически насыщенным. Дальнейшее исследование частотности, контекстов употребления и идеологической окраски конкретных ФЕ в различных типах СМИ представляет значительный научный интерес для лингвистики, медиадискурс-анализа и когнитивных исследований языка.

С позиции идеологической привязки, в проправительственных СМИ (*Sabah*, *Yeni Şafak*, *Türkiye* и др.) ФЕ служат мифологизации государства. В оппозиционных (*Sözcü*, *Odatv*): ФЕ служат для критики власть/внешних врагов.

По направленности воздействия, мы можем выделить три группы: манипуляция вниманием (например, *gözler ...de*), эмоциональная

реакция (*gözü önünde*, *gözlerine inanamamak*), дискурсивная оценка (например, в негативе — *göz dikmek*, в позитиве — *göz açtırmak*). Языковые паттерны по частотности можно классифицировать следующим образом: критика оппонентов (например, *ağzını açıp gözünü yummak* (безрассудство), *göz göre göre* (халатность)), конструирование образов (*göz ditti* (враг), *göz açtırmadı* (герой), *göz hapsinde* (жертва)), призывы (*gözünü aç* (прозрение), *gözümüz yollarda* (ожидание помощи)).

Таким образом, компонент «*göz*» и его производные широко применяются в турецких газетных заголовках — как в прямом визуально-физиологическом, так и в переносном, когнитивно-оценочном значении. Исследование его употребления в текстах изданий различной политической направленности (проправительственных, оппозиционных, «жёлтой прессы» и пр.) позволяет проследить механизмы языкового воздействия и символизации «восприятия» в медиаречи. Фразеологические единицы с компонентом «*göz*» внедряются в заголовок статей с определенной целью. Во-первых, они позволяют переосмысливать абстрактные понятия через призму более конкретных, сенсорных опытов, тем самым усиливая значение отправляемого сообщения. Во-вторых, производные от классических, общепринятых метафор дают раскрыть когнитивно-оценочное значение заголовка, повышая его языковое воздействие на потенциальную аудиторию. В-третьих, выразительность заголовка «готовит» необходимый для адресанта эмоциональный фон, изначально формирующий у читателя определенное отношение к событиям.

Приложение 1.

ФЕ с компонентом «göz»	Примечание
Trump göz dikti; gündeme geldi... [4]	Göz dikmek — позариться, положить глаз. Негативная оценка, критика враждебной силы. Используется для создания образа врага.
Alman ordusu eski kışlalara göz dikti! Binlerce konut projesi tehlikede [5]	
Kıbrıs'taki hezimet AKP'nin gözünü korkuttu [6]	Gözünü korkutmak — напугать, заставить струхнуть. Негативная оценка. Цель использования: показать слабость, неуверенность и реактивность правящей партии (АКР). Усиливает нарратив о некомпетентности власти, делигитимация правящей партии.
UBP'li kardeşim gözünü aç, Türkiye destekleyerek kaybettirdi, şimdi cambaza bak dönemidir [7]	Gözünü aç — открай глаза / прозрей, призыв осознать правду, понять скрытую реальность. Функция в контексте: политическое убеждение, призыв признать ошибки, критика протурецкой позиции UBP.
CHP'ye açtı ağını yumdu gözünü! [8]	Ağını açıp gözünü yummak — опрометчиво высказаться, совершить необдуманное действие под влиянием эмоций. Функция: Дискредитация оппозиции (CHP). Подача высказывания Бурчу Кёксаль как глупой импульсивности, заслуживающей осмеяния. Так как издание проправительственное, ФЕ используется для усиление нарратива о некомпетентности оппозиции.
Dünyanın gözü İstanbul'da [9]	Gözü [yer]de olmak — внимание приковано к..., сообщается о привлечение глобального интереса. Функция: Прославление Турции. Подчеркивает международную значимость Стамбула, косвенно возвеличивая страну. Так как издание проправительственное, то ФЕ служит продвижению патриотического нарратива.
Tüm gözler yeni başkanlıkta [10]	Gözü [yer]de olmak — внимание приковано к..., подчеркивается приоритетность темы. Указывает на важность выбора руководителя агентства по развитию региона в кризисных условиях.
Bugün gözler saat 14.00'da [11]	Gözü [yer]de olmak — внимание приковано к..., подчеркивается приоритетность темы. Указывает на важность события

ФЕ с компонентом «göz»	Примечание
Gözler sınır kapılarında [12]	<p>Gözü [yer]de olmak — внимание приковано к..., гипервнимание к объекту.</p> <p>Функция: Укрепление образа «осажденной крепости». Подает границы как зону риска, оправдывая усиление контроля и милитаризацию.</p> <p>Контекст издания: Проправительственный. Национально-безопасный нарратив.</p>
Siyasetin gözü Ankara'da [13]	<p>Gözü [yer]de olmak — внимание приковано к..., концентрации внимания политиков на процессе в суде (дело СНР). Акцентирует внутрипартийные конфликты.</p>
Gözler ABD enflasyonu ve TCMB faiz kararında [14]	<p>Gözü [yer]de olmak — внимание приковано к..., фокусировка на экономических угрозах. Косвенная критика зависимости Турции от решений США и ЦБ.</p>
Okul müdürüne çocukların gözü önünde silahlı saldırı [15]	<p>Gözü önünde — на глазах у кого-либо, на ФЕ возложена функция передачи эмоциональной шокирующей детали события. Усиливает жестокость преступления (нападение при детях), вызывая общественный резонанс.</p> <p>Оппозиционное издание критикует социальную нестабильность.</p> <p>Функция: Эмоциональная шокирующая деталь. Усиливает жестокость преступления (нападение при детях), вызывая общественный резонанс.</p> <p>Контекст издания: Оппозиционный либерально-националистический. Критика социальной нестабильности.</p>
Güler Ümit'in son halini görenler gözlerine inanamadı [16]	<p>Gözlerine inanamamak — не верить своим глазам, крайнее удивление или шок от увиденного.</p> <p>Функция: Сенсационность. Шокирующие изменения во внешности известного ведущего как инструмент привлечения кликов.</p> <p>Контекст: акцент на личных драмах.</p>
Genetik mirasımız göz göre göre yok oluyor [17]	<p>Göz göre göre — нарочито, у всех на виду, используется для подчеркивания намеренного бездействия вопреки очевидности.</p> <p>Функция: Обвинение властей. Подразумевает халатность государства в сохранении культурного наследия, провоцируя возмущение.</p>
Yeni bir gözle bakın: Op. Dr. İbrahim Gözen'den akıllı mercekle ömür boyu netlik! [18]	<p>Yeni bir gözle bakmak — взглянуть по-новому, в контексте обозначает предложить инновационный подход.</p> <p>По функции: рекламный каламбур. Коммерческо-просветительский контент.</p>

ФЕ с компонентом «göz»	Примечание
Allah'tan gelen her şey başımız gözümüz üstüne [19]	Başımız gözümüz üstüne — безусловное принятие с удовольствием, с радостью. В контексте обозначает принятие божественной воли. Функция: Позитивный героизм. Ретрансляция веры и покорности судьбе как национальной добродетели (на фоне пожара).
Gözümüz yollarda, desteğinizi bekliyoruz! [20]	Gözü yollarda olmak — ждать с нетерпением, обозначает томительное ожидание помощи. Создание образа Турции как «спасителя».
Gözümüze siyah şerit çekerler [21]	Привлечение внимания к медицинским/кriminalным темам без идеологии, используется для усиления сенсационности.
Gözlüklerinden kurtulmak isterken gözlerini kaybetti [22]	
Aynadaki yorgunluk kalıcı mı? Göz çevresi yaşlanmadan nasıl korunur? [23]	
Musk'ın gözü niye morardı [24]	
Neye uğradığını şaşırıldı! Yapıştrıcı sıçrayınca kapanan göz kapağı doktor müdahaleyle açıldı [25]	
Gazze ABD'nin göz hapsinde! [26]	Göz hapsinde — под постоянным надзором. Функция: Критика США. Создает образ «всевидящего врага», что оправдывает страдания Газы и призывает к солидарности.
Ticaret Bakanlığı kaçakçılığa göz açtırmadı [27]	Göz açtırmamak — не давать шанса. Функция: Легитимация власти. Гиперболизация эффективности государства в борьбе с угрозами.

Список литературы | References

- Хабекирова З. С., Хачецурова З. К., Калашаова А. А., Шхумишихова А. Р. Общественно-политического дискурс как объект исследования современного языко-знания. Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. №4-2. С. 122-125.
- Крюкова К.С. Функционирование трансформированных пословиц в интернет-пространстве: жанровый аспект. Вестник КГУ. 2017. №2. С.130-132.
- Рюкова А. Р. Языковые средства воздействия в политическом дискурсе. Вестник Башкирск. ун-та. 2021. №4. С. 1087-1091.

4. Trump göz diki; gündeme geldi... [Электронный ресурс]. 2025. URL: <https://www.odatv.com/guncel/trump-goz-diki-gundeme-geldi-uzmanlar-tum-detaylari-ile-odatvye-anlatti-anasmaya-gerek-mi-var-gozden-kacan-tehlike-120118187?ysclid=mh4gc9y1nq98888203> (дата обращения: 28.10.2025).
5. Alman ordusu eski kışlalara göz diki! Binlerce konut projesi tehlikede [Электронный ресурс]. 2025. URL: <https://www.aydinlik.com.tr/haber/alman-ordusu-eski-kislalara-goz-diki-binlerce-konut-projesi-tehlikede-555135> (дата обращения: 01.11.2025).
6. Kıbrıs'taki hezimet AKP'nin gözünü korkuttu [Электронный ресурс]. 2025. URL: <https://www.sozcu.com.tr/kibris-taki-hezimet-akp-nin-gozunu-korkuttu-p248863> (дата обращения: 08.11.2025).
7. UBP'li kardeşim gözünü aç, Türkiye destekleyerek kaybettirdi, şimdi cambaza bak dönemidir [Электронный ресурс]. 2025. URL: <https://www.kibristurk.com/ubpli-kardesim-gozunu-ac-turkiye-destekleyerek-kaybettirdi-simdi-cambaza-bak-donemidir> (дата обращения: 20.10.2025).
8. CHP'ye açtı ağzını yumdu gözünü! [Электронный ресурс]. 2025. URL: <https://www.aksam.com.tr/guncel/chpye-acti-agzini-yumdu-gozunu-istifayla-gundemde-olan-burcu-koksal-sessizligini-bozdu/ haber-1611093> (дата обращения: 20.10.2025).
9. Dünyanın gözü İstanbul'da [Электронный ресурс]. 2025. URL: <https://www.sabah.com.tr/dunya/dunyanin-gozu-istanbulda-7449768> (дата обращения: 20.10.2025).
10. Tüm gözler yeni başkanlıkta [Электронный ресурс]. 2025. URL: <https://www.urfanatik.com/tum-gozler-yeni-baskanlikta-kriz-afet-savas> (дата обращения: 30.10.2025).
11. Bugün gözler saat 14.00'da [Электронный ресурс]. 2025. URL: <https://www.nevsehirkenthaber.com/haber/26645830/bugun-gozler-saat-1400da> (дата обращения: 30.10.2025).
12. Gözler sınır kapılarında [Электронный ресурс]. 2025. URL: <https://www.yenisafak.com/gundem/gozler-sinir-kapilarinda-4757406> (дата обращения: 30.10.2025).
13. Siyasetin gözü Ankara'da [Электронный ресурс]. 2025. URL: <https://www.sozcu.com.tr/son-dakika-siyasetin-gozu-ankara-da-chp-davasinda-kritik-gun-p252003> (дата обращения: 30.10.2025).
14. Gözler ABD enflasyonu ve TCMB faiz kararında [Электронный ресурс]. 2025. URL: <https://www.sozcu.com.tr/kuresel-piyasalar-karisik-seyretti-gozler-abd-enflasyon-ve-tcmb-faiz-kararinda-p248123> (дата обращения: 30.10.2025).
15. Okul müdürüne çocukların gözü önünde silahlı saldırı [Электронный ресурс]. 2025.

- URL: <https://www.sozcu.com.tr/okul-mudurune-cocuklarinin-gozu-onunde-silahli-saldiri-p247458?ysclid=mh4gc578yl990298194> (дата обращения: 30.10.2025).
16. Güner Ümit'in son halini görenler gözlerine inanamadı [Электронный ресурс]. 2025. URL: <https://www.tele1.com.tr/foto-galeri/turnike-programi-ile-hafizalara-kazinmistiguuner-umitin-son-halini-gorenler-gozlerine-inanamadi> (дата обращения: 30.10.2025).
17. Anadolu'nun sessiz çigliği: genetik mirasımız göz göre göre yok oluyor [Электронный ресурс] 2025. URL: <https://www.tokathaber.com.tr/video/anadolunun-sessiz-cigligi-genetik-mirasimiz-goz-gore-gore-yok-oluyor> (дата обращения: 08.11.2025).
18. Gaziantep GAP Gazetesi. Yeni bir gözle bakın: Op. Dr. İbrahim Gözen'den akıllı mercekle ömür boyu netlik! [Электронный ресурс]. 2025. URL: <https://www.gaziantepgapgazetesi.com/haber-yeni-bir-gozle-bakin-op-dr-ibrahim-gozenden-akilli-mercekle-omur-boyu-netlik-30103.html> (дата обращения: 08.11.2025).
19. Evi yandi, yangın devam ederken tepeye çıkip namaz kıldı! «Allah'tan gelen her şey başımız gözümüz üstüne» [Электронный ресурс]. 2025. URL: <https://www.turkiyegazetesi.com.tr/yasam/evi-yandi-yangin-devam-ederken-tepeye-cikip-namaz-kildi-allahtan-gelen-her-sey-basimiz-gozumuz-ustune-1136619> (дата обращения: 11.11.2025).
20. Sumud Filosu'ndan Türkiye'ye çağrı var: Gözümüz yollarda, desteğinizi bekliyoruz! [Электронный ресурс]. 2025. URL: <https://www.turkiyegazetesi.com.tr/gundem/sumud-filosundan-turkiyeye-cagri-var-gozumuz-yollarda-desteginizi-bekliyoruz-1148439> (дата обращения: 08.11.2025).
21. «Yenidoğan çetesi» üyelerinin kan dondurmak konuşmaları: Haberlere çıkarız, gözümüze siyah şerit çekerler... [Электронный ресурс]. 2025. URL: <https://www.turkiyegazetesi.com.tr/gundem/yenidogan-cetesi-uyelerinin-kan-donduran-konusmaları-haberlere-cikariz-gozumuze-siyah-serit-cekerler-1069625> (дата обращения: 12.10.2025).
22. Gözlüklerinden kurtulmak isterken gözlerini kaybetti [Электронный ресурс]. 2025. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/video/gozluklerinden-kurtulmak-isterken-gozlerini-kaybetti-42623970> (дата обращения: 08.10.2025).
23. Güncel Öztürk. Aynadaki yorgunluk kalıcı mı? Göz çevresi yaşılanmadan nasıl korunur? [Электронный ресурс]. 2025. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/mahmure/yazarlar/guncel-ozturk/aynadaki-yorgunluk-kalici-mi-goz-cevresi-yaslanmadan-nasil-korunur-42922178> (дата обращения: 08.10.2025).
24. Musk'ın gözü niye morardı [Электронный ресурс]. 2025. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/dunya/muskin-gozu-niye-morardi-42823299> (дата обращения: 08.11.2025).

25. Neye ugradığını şaşırdı! Yapıştrıcı sıçrayınca kapanan göz kapağı doktor müdahaleyle açıldı [Электронный ресурс]. 2025. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/neye-ugradigini-sasirdi-yapistirici-sicrayinca-kapanan-goz-kapagi-doktor-mudahalesyle-acildi-42791652> (дата обращения: 28.09.2025).
26. Gazze ABD'nin göz hapsinde! İHA'lar 24 saat kesintisiz devriyede [Электронный ресурс]. 2025. URL: <https://www.aydinlik.com.tr/haber/gazze-abdnin-goz-hapsinde-ihalar-24-saat-kesintisiz-devriyede-552807> (дата обращения: 08.11.2025).
27. Ticaret Bakanlığı kaçakçılığa göz açtırmadı [Электронный ресурс]. 2025. URL: <https://www.aydinlik.com.tr/haber/ticaret-bakanligi-kacakciliga-goz-actirmadi-548465> (дата обращения: 28.09.2025).

Сведения об авторах

Йылмаз Эльвира Рафиловна

к.филол.н., доцент, доцент кафедры алтазистики, тюркских и центральноазиатских исследований

Института международных отношений, истории и востоковедения

КФУ

el-vira-hadieva@yandex.ru

Магдеев Рафик Рашитович

б/с, старший преподаватель кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований

Института международных отношений, истории и востоковедения
КФУ
RaRMagdeev@kpfu.ru

Information about the Authors

Yilmaz Elvira Rafilovna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Altaic Studies, Turkic and Central Asian Studies
Institute of International Relations, History and Oriental Studies
KFU
el-vira-hadieva@yandex.ru

Magdeev Rafik Rashitovich

B.S., Senior Lecturer at the Department of Sinology and Asia-Pacific Studies
Institute of International Relations, History and Oriental Studies
KFU
RaRMagdeev@kpfu.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.10.2025.

Принята к публикации: 10.10.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.09.2025

Approved after reviewing 02.10.2025

Accepted for publication 10.10.2025

**The prospects of using the Deepseek R1 tool to teach
chinese character writing**

**Перспективы использования инструмента Deepseek R1
для обучения иероглифике китайского языка**

Фирсова Светлана Павловна¹,

Хэ Оксана Андреевна²

¹ Поволжский государственный

технологический университет,

Йошкар-Ола, Россия

² Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н.А.
Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Автор, ответственный за переписку:

svetlana_firsova@inbox.ru

https://orcid.org/0000-0003-4592-3995

Firsova S.P.¹, Khe O.A.²

¹Volga State University of Technology,

Yoshkar-Ola, Russia

² Linguistics University of Nizhny Novgorod,

Nizhny Novgorod, Russia

Corresponding author:

svetlana_firsova@inbox.ru

https://orcid.org/0000-0003-4592-3995

УДК 378.147.091.3 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2025-49-57

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены возможности применения системы DeepSeek R1 на базе искусственного интеллекта в учебном процессе по китайской иероглифике. Рассмотрен потенциал DeepSeek в лексической, коммуникативной и письменной подготовке студентов. Представлены результаты апробации экспресс-курса, сгенерированного нейросетью, и экспертная оценка материалов. Делается вывод о высокой эффективности системы в создании адаптивных заданий и ограничениях, связанных с под-

ABSTRACT

This article explores the application of DeepSeek R1, an AI-based system, in teaching Chinese logographic writing. The potential of DeepSeek for lexical, communicative, and written skills development is examined. Results of piloting an express course generated by neural networks and expert evaluations are presented. The article concludes that DeepSeek is effective in creating adaptive tasks but faces limitations in digital resource selection and requires teacher supervision for content refinement.

бором цифровых ресурсов и необходимостью участия преподавателя в корректировке контента.

Ключевые слова: искусственный интеллект, DeepSeek R1, обучение иностранным языкам, китайская иероглифика, нейросети, языковое обучение, цифровые технологии, педагогическая адаптация.

Для цитирования: Фирсова С.П., Хэ О.А. Перспективы использования инструмента Deepseek R1 для обучения иероглифике китайского языка. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (4). С. 49–57 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-49-57>

Сегодня мы наблюдаем активное преобразование социальных пространств, личных и коллективных практик, рабочих мест и характера деятельности людей под влиянием цифровых технологий (Ломовцева 2021, 84; Шамшович 2020). Массовое внедрение и развитие этих технологий в образовательных целях неизбежно меняют роль и функции участников учебного процесса — преподавателей и студентов, а также способствуют появлению новых форм педагогической деятельности (Козлова 2019, 85; Петришев 2019). Особое влияние при цифровизации оказывает изменение функции преподавателя в современном образовательном пространстве. Преподавателю приходится с одной стороны сохранять высокое качество и традиционные ценности образования, а с другой — использовать преимущества цифровых технологий и инструментов искусственного интеллекта (Ахмадов 2024; Лебедева 2023, 160; Сысоев 2019, 264).

Keywords: artificial intelligence, DeepSeek R1, foreign language learning, Chinese logographs, neural networks, language education, digital technologies, pedagogical adaptation.

For citation: Firsova S.P., Khe O.A. The prospects of using the Deepseek R1 tool to teach chinese character writing. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№4). P.49-57 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-49-57>

В связи с этим представляется интерес изучение педагогического потенциала DeepSeek R1 — интеллекта на базе ИИ, предназначенного для анализа данных с применением в различных сферах, включая обучение. В частности, в изучении иностранных языков платформа DeepSeek применяется для создания адаптивных систем, способных подстраиваться под индивидуальные потребности учащихся, анализировать их успехи и выдавать персональные рекомендации. Это существенно повышает качество и результативность обучения за счёт автоматизации и применения современных методов обработки естественного языка (NLP).

Одной из особенностей DeepSeek R1 является высокий уровень аргументированности и возможность моделирования диалогов, максимально приближенных к реальному общению с человеком. Появление подобных систем открывает новые перспективы для всех

участников образовательного процесса. Сегодня выделяются различные способы применения ИИ в обучении иностранным языкам, и в данной работе рассматривается потенциал нейросети в изучении письменности китайских иероглифов (Halaweh 2023).

При анализе взаимодействия с чат-ботом, создающим задания по китайской письменности, можно выделить два основных сценария:

- традиционный урок, на котором классические упражнения по формированию навыков заменяются соответствующими заданиями, сгенерированными нейросетью. Преподаватель контролирует ход занятия, количество и вид упражнений;
- полностью автоматизированный урок, созданный нейросетью без участия преподавателя, который в таких условиях лишь исполняет и контролирует процесс.

Рассмотрим детальнее первый подход, при котором DeepSeek генерирует отдельные упражнения на основе заданных преподавателем параметров. Поиск переводов и определений является одним из наиболее востребованных способов освоения языка с помощью ИИ. DeepSeek не только предоставляет значения слов, но и умеет переводить их в контексте, а также переводить целые предложения с транскрипцией pinyin. При этом система способна выявлять и исправлять ошибки в предложениях, объясняя их исправления.

DeepSeek также успешно применяется для создания подборок профессиональной лексики с переводом. Например, на рынке сейчас

наблюдается большой спрос на специалистов, владеющих китайским языком в областях логистики, продаж и закупок. Система генерировала список из 30 терминов для закупочной сферы, структурировав их по смысловым группам, сопровождая транскрипцией и переводом.

Кроме того, DeepSeek подходит для тренировки письменной речи через моделирование ситуативных диалогов в онлайн-формате. На основании проведенных исследований можно сделать вывод, что в эпоху цифровизации и повсеместного использования устройств для набора текста важна способность узнавать и читать иероглифы гораздо больше, чем умение писать их вручную (Чжоу Цзянь 2007, 130).

Исходя из этого выделяют две категории иероглифов:

- Минимально необходимые — те, которые обучающиеся должны уметь писать от руки;
- Второстепенные — те, для которых достаточно умения печатать их с помощью клавиатуры.

Одним из приоритетных методов изучения китайской письменности считается чтение текстов. Для освоения второстепенных иероглифов широко применяются электронные тренажёры и мобильные приложения, помогающие запоминать образы и отрабатывать использование лексики. Участие в сгенерированном ИИ ситуативном диалоге, приближенном к настоящему языковому общению, способствует развитию навыков быстрого распознавания иероглифов. Обучающиеся вводят транскрипцию pinyin,

после чего выбирают правильный иероглиф из предложенных вариантов, что стимулирует зрительное восприятие.

Система DeepSeek позволяет также тренировать навыки письма на китайском языке. По соответствующему запросу чат-бот формирует тесты в нужной стилистике, включая фразы для делового и неформального общения. При генерации текстов иногда отсутствует перевод на русский язык, что требует дополнительной работы преподавателя. Для эффективного использования данной функции рекомендовано поэтапное обучение: сначала изучение сгенерированного текста и лексики, затем отработка навыков деловой переписки и общения через создание сетевых диалогов с использованием выученных слов.

Особо ценным с точки зрения обучения иероглифики является тот факт, что в функционал DeepSeek входит распознавание рукописного текста с изображений форматов JPEG, PNG, GIF и WEBP, что можно применять для проверки домашних заданий.

Отдельное внимание уделено созданию полноценных уроков. Система способна разрабатывать подробные планы занятий как для очного, так и для дистанционного форматов, разбивая занятия на минуты и предлагая варианты домашней работы. Помимо этого, платформа поддерживает загрузку изображений рукописи для последующей проверки выполнения заданий. При запросах типа «Подробный план блока 1» или «Подробный план темы 1» DeepSeek предоставляет детальные планы, позволяющие разработать курсы до 30 уроков.

Эксперимент с созданием курса из 500 занятий показал, что на таком масштабе логика разработки блоков и тем теряется. Например, в последнем блоке рассматривалась эволюция базовых символов 日 (солнце), 月 (луна), 山 (гора). Такой масштаб был заявлен для тестирования возможностей ИИ.

В рамках исследования был разработан экспресс-курс из четырёх занятий, полностью сгенерированный DeepSeek без участия преподавателя в планировании. Разработка курса и оценка его эффективности базировались на модели ADDIE.

Ключевые параметры курса:

- Целевая аудитория — магистранты;
- Основной учебный материал — лексика HSK-1;
- Формат занятий — 40 минут онлайн;
- Цели — развитие чтения, письма, говорения, аудирования;
- Домашние задания после каждого урока;

Создание входного и выходного тестирования для контроля прогресса.

Экспертная оценка плана и тестов, выполненная преподавателями с разнообразным стажем и опытом работы, показала:

- Высокие оценки за структуру урока — $9,09 \pm 1,76$;
- Интерактивность — $8,82 \pm 1,66$;
- Применяемые методы — $8,91 \pm 1,58$.

Наиболее значимыми факторами успешности обучения оказались педагогическая поддержка (коэффициент 0,90) и критерии оценивания (0,88). Низкие оценки получили

адаптивность уроков ($6,55 \pm 1,29$) и анализ аудитории ($7,45 \pm 1,57$), что указывает на необходимость большего внимания к индивидуализации и гибкости содержания.

На подготовительном этапе выявились проблемы с подбором рабочих ссылок на цифровые ресурсы. DeepSeek мог предложить подборки инструментов, но не всегда формировал рабочие ссылки на тексты и аудиоматериалы. Преподавателю приходилось самостоятельно искать и подбирать соответствующие материалы для уроков.

Также отдельно стоит отметить, что преподавателю требовалось самому готовить визуальные карточки с иероглифами, иллюстрации, коммуникативные задания и тесты.

Пилотное внедрение курса прошло дистанционно в мини-группе с корректировками. Обратная связь показала удобство методики, сбалансированность теории и практики, а также комфортный ритм подачи материала.

На основании проведенного многоуровневого исследования, интегрировавшего методы экспертной оценки, глубинного интервьюирования и анализа пользовательской обратной связи, сформулированы следующие выводы, характеризующие эффективность цифровых решений в области обучения иероглифике:

1. Установленные системные преимущества цифровых образовательных форматов:

Выявлен значительный потенциал генеративных ИИ-технологий (на примере DeepSeek) в проектировании логически последовательного и дидактически релевантного

учебного контента, характеризующегося высокими показателями интерактивности.

Обнаружено, что ЦИ обеспечивают беспрецедентные возможности визуальной презентации и интерактивного взаимодействия с иероглифическим материалом, что принципиально недостижимо в рамках традиционных форматов обучения.

2. Детерминанты успешной имплементации цифровых решений:

Системность и логическая целостность архитектуры учебных материалов (показатель экспертной оценки: 9.0/10) идентифицированы как ключевой фактор дидактической эффективности.

Высокий уровень интерактивности и визуализации учебного контента (8.9/10) коррелирует с показателями академической вовлеченности и удовлетворенности пользователей.

Оптимальное балансирование теоретических и практических компонентов (верифицировано данными пользовательских отчетов) способствует формированию устойчивых навыков.

Минимизация когнитивного барьера входа (индикатор CES $\rightarrow \min$) вследствие эргономичности интерфейсных решений.

3. Критические лимиты и потенциальные риски цифровизации:

Системный дефицит адаптивности (интегральный показатель 6.6/10) детерминирует невозможность полноценной реализации парадигмы персонализированного обучения в

рамках существующих цифровых решений.

Структурный дисбаланс контентного наполнения, выражющийся в недостаточном объеме упражнений на автоматизацию иероглифических навыков и усвоение грамматических конструкций.

Технологическая зависимость, проявляющаяся в необходимости перманентной модернизации инструментария и контентного наполнения.

Потенциальные когнитивные риски, связанные с возможной перегрузкой обучающихся при недостаточной градации сложности и отсутствии адекватной адаптации учебного материала.

Настоящее исследование позволяет констатировать, что несмотря на то, что цифровые решения демонстрируют значительный потенциал в трансформации образовательного процесса, их эффективность носит детерминированный характер и требует преодоления выявленных системных ограничений для достижения устойчивых педагогических результатов.

Выводы исследования, полученные на основе обратной связи, подчеркивают высокий, но ограниченный потенциал DeepSeek для языкового проектирования. ИИ генерирует структурированные и полезные материалы с оценкой 8,5/10, особенно эффективные для изучения иероглифики и практики диалогов. Тем не менее, выявлены ограничения в адаптивности (6,55/10), подборе актуальных материалов и необходимости ручной корректировки около 40% контента.

Таким образом, ИИ представляет собой перспективный вспомогательный инструмент на этапе проектирования курсов, однако не может полностью заменить роль преподавателя. Основные вызовы связаны с индивидуализацией обучения и поддержанием актуальности материалов, что требует дальнейших разработок.

В завершение отметим, что достоинства цифровых решений включают лаконичность, вариативность и наглядность материалов, круглосуточный доступ к ресурсам, оперативную обратную связь между участниками, мультимедийное сопровождение уроков, а также эффективный контроль знаний с помощью электронных тестов (Кантуганова 2024, 475).

Несмотря на все преимущества таких технологий, они служат дополнительным ресурсом в обучении. Основой остаётся работа с учебной литературой под руководством опытного педагога. Комплексное использование цифровых инструментов в обучении китайской иероглифике предлагает принципиально новые возможности для повышения качества образования.

Список литературы

1. Ломовцева Н. В., Заречнева К. М., Ушакова О. В., Ярина С. Ю. Терминологический словарь цифровой дидактики. Екатеринбург: РГППУ; Ажур, 2021. – 84с.
2. Шамшович В.Ф., Фаткуллин Н.Ю., Сахарова Л.А., Глушкова Л.М. Цифровая трансформация образования // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия:

- Экономика . 2020. №1 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-obrazovaniya> (дата обращения: 14.09.2025).
3. Козлова Н.Ш. Цифровые технологии в образовании // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. №1/40. – С.83-91
4. Петришев И.О. Цифровая педагогика как фактор повышения качества образовательных услуг в РФ // МНКО. 2019. №6 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-pedagogika-kak-faktor-povysheniya-kachestva-obrazovatelnyh-uslug-v-rf> (дата обращения: 14.09.2025)
5. Ахмадов А.У., Батчаева З.Б. Цифровые технологии в образовании: возможности и проблемы глазами педагогов // Проблемы современного педагогического образования. 2024. №85-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-v-obrazovanii-vozmozhnosti-i-problemy-glazami-pedagogov> (дата обращения: 14.09.2025).
6. Лебедева, В.Р. Современные интернет-ресурсы по обучению иностранному языку, их основные понятия и функции // Молодой ученый. – 2023. – №12 (459). – С. 159-163.
7. Сысоев П.В. Информационные и коммуникационные технологии в лингвистическом образовании: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / П. В. Сысоев. — Москва, 2019. — 264 с.
8. Halaweh M. ChatGPT в образовании: стратегии ответственного использования. // Cont. Ed. Technology. 2023. Т. 15. №2. Статья № ep421. URL: <https://doi.org/10.30935/cedtech/13036>
9. 周健. 汉字教学理论与方法 /周健。—北京:北京大学出版社, 2007. 132 c. (Чжоу Цзянь. Теория и практическая методика преподавания иероглифики. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2007. 132 c.) (на кит. яз.).
10. Кантуганова, Л.Ф. Цифровые образовательные технологии как фактор конкурентоспособности высшего образования // Russian Journal of Management. - 2024. - № 12. - С. 473-479.

References

1. Lomovtseva N.V., Zarechnova K.M., Ushakova O.V., Yarina S.Yu. Terminological Dictionary of Digital Didactics. Yekaterinburg: RGPU; Azhur, 2021. 84 p. (In Russ.)
2. Shamshovich V.F., Fatkullin N.Yu., Sakharova L.A., Glushkova L.M. Digital transformation of education. Bulletin of USPTU. Science, Education, Economics. Series: Economics. 2020, no. 1(31). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-obrazovaniya> (accessed: 14.09.2025). (In Russ.)
3. Kozlova N.Sh. Digital technologies in education. Bulletin of the Maikop State Technological University. 2019, no. 1/40, pp. 83-91. (In Russ.)

4. Petrishev I.O. Digital pedagogy as a factor in improving the quality of educational services in the Russian Federation. International Scientific Review. 2019, no. 6(79). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-pedagogika-kak-faktor-povysheniya-kachestva-obrazovatelnyh-uslug-v-rf> (accessed: 14.09.2025). (In Russ.)
5. Akhmadov A.U., Batchaeva Z.B. Digital technologies in education: opportunities and problems through the eyes of teachers. Problems of Modern Pedagogical Education. 2024, no. 85-4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-v-obrazovaniyu-vozmozhnosti-i-problemy-glazami-pedagogov> (accessed: 14.09.2025). (In Russ.)
6. Lebedeva V.R. Modern internet resources for foreign language teaching: basic concepts and functions. Young Scientist. 2023, no. 12 (459), pp. 159-163. (In Russ.)
7. Sysoev P.V. Information and Communication Technologies in Linguistic Education. Moscow, 2019. 264 p. (In Russ.)
8. Halaweh M. ChatGPT in education: Strategies for responsible implementation. Contemporary Educational Technology. 2023, vol. 15, no. 2, article ep421. <https://doi.org/10.30935/cedtech/13036>
9. Zhou Jian. Chinese Character Teaching Theory and Methods. Beijing: Peking University Press, 2007. 132 p. (In Chin.)
10. Kantuganova L.F. Digital educational technologies as a factor in the competitiveness of higher education. Russian Journal of Management. 2024, no. 12, pp. 473-479. (In Russ.)

Сведения об авторах

Фирсова Светлана Павловна,

Канд. пед. наук, доцент

Поволжский государственный технологический университет

Россия, Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3

svetlana_firsova@inbox.ru

Хэ Оксана Андреевна,

Ассистент кафедры

Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова

Россия, Нижегородская область,
г. Нижний Новгород, ул. Минина 31А
khe.oxana@gmail.com

Information about the authors

Firsova Svetlana Pavlovna

Ph.D. in Pedagogy, Associate Professor

Volga State University of Technology

3 Lenin Sq., Yoshkar-Ola, Mari El Rep., Russia

e-mail svetlana_firsova@inbox.ru

Khe Oksana Andreyevna

Department assistant

Linguistics University of Nizhny Novgorod

31A Minin St., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Obl., Russia

e-mail khe.oxana@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.10.2025.

Принята к публикации: 10.10.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.09.2025

Approved after reviewing 02.10.2025

Accepted for publication 10.10.2025

Reflection of linguocultural component in the translation of titles of children's books

Отражение лингвокультурного компонента при переводе заглавий детских книг с турецкого на русский

Манькова Лиана Ильнуровна

Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия

Автор, ответственный за переписку:

Liana-23-23@mail.ru

http://orcid.org/0000-0002-3492-061X

Liana I. Man'kova

*Kazan (Volgaregion) Federal University,
Kazan, Russia*

Corresponding author:

Liana-23-23@mail.ru,

http://orcid.org/0000-0002-3492-061X

811.512.161 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2025-58-64](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-58-64)

АННОТАЦИЯ

В последние годы набирают популярность детские художественные произведения, переведенные с турецкого языка на русский. Турецкие авторы становятся все более узнаваемыми, их произведения читают взрослые, в том числе изучающие турецкий язык как иностранный, а также дети. Традиция авторских художественных текстов в Турции появилась не так давно, а сегодня литература этой страны, близкой для России не только географически, может порадовать и удивить даже самых опытных читателей. Турецкая Республика, будучи динамично развивающимся государством, и имеющее богатое культурное наследие, уделяет серьезное внимание использованию потенциала культуры в продвижении национальных интересов в международной арене. Среди всех переводимых книг особое

ABSTRACT

In recent years, children's fiction translated from Turkish into Russian has been gaining popularity. Turkish authors are becoming more and more recognisable, their works are read by adults, including those studying Turkish as a foreign language, as well as by children. The tradition of author's fiction texts in Turkey appeared not so long ago, and today the literature of this country, close to Russia not only geographically, can please and surprise even the most experienced readers. The Republic of Turkey, being a dynamically developing state and having a rich cultural heritage, pays serious attention to using the potential of culture in promoting national interests in the international arena. Among all translated books, children's literature occupies a special place. This article will deal with the issue of translating titles of children's books from Turkish into Russian. The title

место занимает детская литература. В этой статье будет рассматриваться вопрос перевода заглавий детских книг с турецкого на русский язык. Заглавие — первое слово и ключевое обращение автора к читателю. Заглавие порой может уместить в 2-3 слова весь объём книги. Переводчики могут тратить на обдумывание заглавия порой больше времени, чем на перевод текста книги. По этой причине перевод заглавия можно выделить в отдельную проблему перевода. Далее в статье будет говориться о компетенциях, которыми должен обладать переводчик, о необходимом объеме знаний в области лингвокультурологии, для успешного перевода заглавия книги, отражающего содержание произведения.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепты, детская литература, турецкая литература, перевод, культурный код, турецкий язык.

Для цитирования: Манькова Л.И. Отражение лингвокультурного концепта при переводе заглавий детских книг. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (4). С. 58–64 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-58-64>

В 2005 году Министерство культуры и туризма Турции запустило проект под названием TEDA, ориентированный на зарубежные интеллектуальные круги и заинтересованный в публикациях издательства, целью которой является «перевод, издание и распространение произведений искусства, культуры и художественной литературы на многие языки мира с турецкого языка» (www.ktb.gov.tr). TEDA —

is the first word and the key address of the author to the reader. The title can sometimes fit the whole volume of a book in 2-3 words. Translators may spend more time thinking about the title than translating the text of the book. For this reason, the translation of the title can be singled out as a separate translation problem. The article will further discuss the competences that a translator should possess, the necessary amount of knowledge in the field of linguocultural studies to successfully translate the title of a book reflecting the content of the work.

Keywords: linguoculturology, concepts, children's literature, Turkish literature, translation, cultural code, Turkish language.

For citation: Mankova L.I. Reflection of linguocultural component in the translation of titles of children's books. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№4). P. 58-64 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-58-64>

программа поддержки, в том числе финансовой, для издательств разных стран, готовых перевести, издать и популяризировать произведения художественной литературы Турции на государственные языки этих стран. Данная программа предоставляет возможность познакомиться с турецким культурным и литературным наследиями. Таким образом, турецкие писатели продолжают выходить на мировой

книжный рынок становятся узнаваемыми во многих странах. В промежутке 2005 – 2021 гг. Турция получила около 4000 заявок из 87 стран мира, включая Австрию, Болгарию, Македонию, Финляндию, Иран, Бразилию, Россию, Казахстан. Интерес у зарубежной аудитории вызвали художественные, поэтические произведения и исторические исследования. На сегодняшний день в рамках данного проекта читатели обрели 3050 произведений, переведенных с турецкого языка. Особое место среди вышеупомянутых произведений занимают детские книги на турецком языке и их перевод на русский язык (www.ktb.gov.tr).

Детская литература является значимой частью общей художественной литературы и следует важной, незаменимой миссии. Однако, нам часто кажется, что детская литература проще взрослой, она не обременена глубиной, тонким психологизмом, сложностью образов и событий. Даже если это действительно так, задача переводчика не становится проще. Детская литература задает переводчику особые правила игры. Как перед писателем, так и перед переводчиком детской литературы с иностранного языка встает уникальная задача — вспомнить, как мыслят дети, учиться пользоваться их языком и знаками. Важно понимать, что заинтересует ребенка, что привлечет его внимание, а что оттолкнет; важно передавать шутки так, чтобы они понравились ребенку и заставили улыбнуться. Маленьких детей, как правило, нисколько не интересуют эпитеты, им нужны не качества, но действия. (Чуковский 2022). Поэтому задача перевода детской художественной литературы — проникнуться дет-

ским взглядом и не превратить интересную сказку или рассказ в нудный пересказ событий. Задача переводчика — заинтересовать читателя, начиная с названия книги. Хорошее название — половина коммерческого успеха книги. Покупая книгу, читатель основывается прежде всего на её оформлении, а не на содержании. По этой причине, работа переводчика над названием чрезвычайно важна. Ниже проведём анализ перевода названия детских книг, которые появились на рынке за последние несколько лет.

Популярными являются книги Нур Домбайджи «Девочка с растрёпанными волосами и её сумбурный дневник» (тур. *Saçaklı kızın pasaklı günlüğü*) (Домбайджи 2021). Словарь турецкого лингвистического общества (*Türk DilKurumu(TDK)*) (sozluk.gov.tr) выдаёт несколько значений слова *saçak*:

1) «*Bazı giyim eşyalarında veya döşemeliklerde kumaş kenarlarına dikilen süslü iplikten püskül: perdenin saçağı*». ‘Бахрома, пришитая к краям покрываала или некоторых видов одежды: бахрома шторы’.

2) «*Havlu, hali vb.nin kenarı boyunca sarkan püskül*». ‘Кисточки, свисающие по углам полотенца, ковра и тд.’.

3) «*Bir yapının herhangi bir bölümünü güneş ve yağmurdan korumak için, o bölümden dışarı taşan ve altı boşta olarak yapılan bölüm*». ‘Выступающая свисающая вниз часть крыши для защиты от солнца и дождя’.

Изучив вышеуказанные варианты перевода слова *saçak*, приходим к заключению, что

при переводе прилагательного *rosaçaklı*, образованного из существительного *saçak* добавлением словаобразовательного аффикса *-lı* (с чем-то; имеющий что-то), переводчик выбрал поистине витиеватый, неочевидный вариант перевода к слову «растрапанный», который имеет прямой аналог *'dağınık, darmadağınık'*.

Стоит рассмотреть и второе представляющее интерес слово из названия книги — *pasaklı*. Снова обратившись к TDK, (sozluk.gov.tr) получаем результат:

«*Pasaklı- kılığının veya eşyasının düzgün ve temiz olmasına özenmeyip düzensizlik içinde yaşayan (kimse); çapaçul, etekserpen*». ‘Тот, кто не умеет держать свои вещи в порядке и чистоте, неряха, грязнуля.’ Таким образом, название «*Saçaklı kızın pasaklı günlüğü*», (Dombayıcı, 2023) имеющее буквальный перевод на русский язык ‘Неряшливый дневник девочки с волосами — бахромой’ переведён как «Девочка с растрёпанными волосами и её сумбурный дневник». Убеждаемся в том, что в переводе названия детских книг не уместен буквальный перевод, а важны подбор выразительных аналогов, передающих смысл и полное погружение переводчиком в контекст, по своей сути воссоздание нового названия, отражающего суть исходного произведения.

Следующее произведение, вызывающее интерес с точки зрения перевода названия — «Мальчик с угрюмым лицом» (Домбайджи 2018) (*'Asıksuratlı çocuk'*) (Dombayıcı 2021) того же автора. «*Asık suratlı*» на сайте TDK (sozluk.gov.tr) имеет следующий перевод: *'Kızgınlığını, öfkesini ve hoşnutsuzluğunu yüzüne*

sert bir anlam vererek belirten, öfkeli görünüşlü yüzü olan; çatık yüzlü, çatık çehreli, çatık suratlı, eğri çehreli, eğri yüzlü', то есть «тот, кто выражает свой гнев, ярость и недовольство, придавая своему лицу суровое выражение, имеет сердитое, хмурое, скривлённое лицо». Согласно этому описанию, можно сделать вывод о том, что название книги с турецкого языка на русский переведено корректно с точки зрения общего смысла несмотря на то, что *asık suratlı* (тур.) является фразеологизмом и имеет буквальный перевод «с провисшим лицом», а у слова «угрюмый» есть прямой перевод на турецкий язык — *somurtkan*. Однако стоит заметить, что читатели в рецензии к книге пишут «Мне не нравится слово «угрюмый», предпочитаю «серъезный», и возможно стоило бы «смягчить» оценочное «Мальчик с угрюмым лицом» на «Мальчик с серьёзным лицом», которое является нейтральным описанием главного героя истории.

За последние несколько лет стали популярными книги турецкой писательницы Тюлин-Козикоглу. Ниже в статье проведём анализ перевода заглавия упомянутой книги «Всё получится» (Козикоглу 2019) (*'Pes etmek yok'*) (Kozikoglu 2024) в переводе Евгении Ларионовой.

Аффикс *-mak/mek yok*, присоединяясь к глагольной основе, придаёт ему мотивирующий смысл или предостерегает от чего-то, например *«ağlamak yok!»* — не плакать! Название *'Pes etmek yok'* в дословном переводе призывает не сдаваться. Однако, после прочтения самой книги, где по сюжету маленькая девочка сама того не подозревая достигает своей цели, вариант переводчика «Всё получится!»

оказывается поучительным и правильным.

На основе проанализированных вариантов перевода, можно утверждать, что переводчик подбирает лаконичный вариант передачи названия, чтобы выделить произведение из массы других и не исказить смысл; отражает суть произведения, соответствует жанру, чтобы попасть в целевую аудиторию, старается возбудить интерес, но не выдать тайны. При условии выполнения этих критерииев, перевод названия книги можно считать успешным.

Таким образом, перевод детской литературы — понятие неоднородное, так как переводчик сталкивается как с произведениями для самых маленьких, так и литературой, адресованной подросткам. В каждой категории есть свои особенности перевода. Например, в литературе для самых маленьких большое значение имеет внутренняя ритмика произведения, так как первые рассказы воспринимаются на слух от взрослых, это значит, что текст должен именно «звучать». Важно понимать, что ребёнок мыслит не совсем так, как мы, взрослые. [Иванов 2021, 35]. При переводе детской литературы переводчик передает смысловую нагрузку доступными для детей фразами, которые позволяют свободно следовать за мыслями автора. Подростковая литература же изобилует сленговой лексикой. Переводчику необходимо найти правильный тон, подобрать выражения, не теряя настроения оригинала произведения, чтобы войти в доверие к читателю, выбор чуждой лексики может сделать книгу неинтересной и ненужной. Среди переводчиков детской литературы существуют разные мнения: стоит

ли полностью адаптировать произведение или сохранить национальный контекст? Ведь культурные различия и особенности могут быть неизвестны читателю — как в таком случае сделать чужой мир близким для читателя? Часто культурные особенности переносятся на знакомую для аудитории почву. Например, «Алису в стране чудес» Льюиса Кэрролла переводили на разные языки множество раз. В самом начале она было «Соней в стране дива», где все английские атрибуты были перенесены в абсолютно русский контекст. В наши дни все же подобная русификация избегается, самые удачные переводы — те, где удалось сохранить национальный колорит и сделать историю понятной ребенку и другому читателю, выдержав характер писателя. Главное в переводе художественной литературы, в частности, детской — передать истинный дух книги, оказать то же эмоциональное воздействие, что и оригинал. Однако художественные средства не должны быть идентичными изначальному произведению — они должны вызывать те же ощущения и вызывать у читателя тот же интерес.

Для практической теории перевода детская литература представляет большой интерес. Некоторые считают жанр детской литературы забавными историями, которые помогают научить ребенка писать и читать. Однако, для переводчиков и лингвистов детская литература — отличный пример использования науки о переводе. В мировой же культуре книги для детей занимают любопытную позицию. Причина кроется в том, что основная масса детских произведений — это переводная литература. Эти книги любят миллионы людей. С их

помощью многие открывают для себя много нового. Здесь присутствует не только понятная ребенку лексика, но и всевозможные приемы по созданию образов. Самый распространенный пример — говорящие фамилии и имена. Переводчику требуется передать все средства стилистической окраски. Лексика должна быть понятна каждому ребенку. Также нужно учитывать, для какого детского возраста переводится произведение. Если этого не сделать, и в тексте появятся слишком сложные сравнения и выражения, ребенок не будет воспринимать их в должной мере.

Переводчик однозначно должен использовать творческий подход при работе с книгами для детей. При этом, если перевод получится удачным, возрастают шансы, что произведение займет в принимающей культуре центральное положение. Переводчик должен в полной мере представлять себе особенности языка оригинала, быть хорошо знаком с культурой и историей, ведь понятие «культура» — историческое; (Воробьев 2008, 21) менталитетом страны, язык которой используется в оригинале книги, осведомлен в части концептов лингвокультурологии, а также уметь адаптировать текст для целевой аудитории.

Список литературы

1. Сайт Министерства Культуры и Туризма Турции. URL: <https://www.ktb.gov.tr/>
2. Чуковский Корней. *Высокое искусство*. С.-Петербург: Азбука, 2022
3. 3.Домбайджы Нур. *Девочка с расстрёпанными волосами и её сумбурный дневник*. Нур-Султан: Фолиант, 2021.
4. 4.Онлайн-словарь турецкого языкового общества TDK. URL: <https://sozluk.gov.tr/>
5. 5.Dombayıcı Nur. *Saçaklı kızın pasaklı günlüğü*. İstanbul: DamlaYayın evi; 2018. (На тур.яз.)
6. Домбайджы Нур. *Мальчик с угрюмым лицом*. Нур-Султан: Фолиант, 2018.
7. Dombayıcı Nur. *Asık suratlı çocuğ*. İstanbul: DamlaYayın evi; 2022.(На тур.яз.)
8. Иванова А., Лашук С., Язык как игра. М.: МИФ, 2020.
9. Козикоглу Тюлин. *Всё получится*. Нур-Султан: Фолиант, 2019.
10. Kozikoğlu Tülin. *Pes etmek yok*. İstanbul: Kitapyurdu; 2024.(На тур.я)
11. Воробьев В.В. *Лингвокультурология*. М.: Изд-во РУДН, 2008.

References

1. Website of the Ministry of Culture and Tourism of Turkey. URL: <https://www.ktb.gov.tr/>

2. ChukovskyKorney. *High art.S.* Petersburg:Azbuka, 2022. (In Rus.,).
3. DombaycıNur. *The Messy Diary of a girl with fringers.* İstanbul: DamlaYayınevi; 2021. (In Turkish).
4. TDK online dictionary of Turkish language society. URL: <https://sozluk.gov.tr/>
5. Dombaycı Nur. *The Messy Diary of a girl with fringers.* İstanbul: DamlaYayınevi; 2018. (In Turkish).
6. Dombaiy Nur. *A boy with a sullen face.* Nur-Sultan:Foliant, 2018. (In Rus.,).
7. Dombaycı Nur. *A boy with a sullen face.* İstanbul: DamlaYayınevi; 2022. (In Turkish).
8. Ivanova A., Lashuk S., *Language as a game.* M.: MIF, 2020. (In Rus.,)
9. KozikogluTulin. *You will make it.* Nur-Sultan: Foliant, 2019. (In Rus.,)
10. KozikoğluTülin. *You will make it.* İstanbul: Kitapyurdu; 2024. (In Turkish).
11. Vorobyev V.V. *Linguoculturology.* Moscow: PFUR Publishing House, 2008. (In Rus.,).

Information about the author

Mankova Liana Ilnurovna,

Senior lecturer

Kazan (Volga region) Federal University

420111, Russia, Tatarstan, Kazan,

Pushkina, 1/55

Liana-23-23@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.10.2025.

Принята к публикации: 10.10.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.09.2025

Approved after reviewing 02.10.2025

Accepted for publication 10.10.2025

Сведения об авторе

Манькова Лиана Ильнуровна,

Ст. преподаватель

Казанский федеральный университет

420111, Россия, Татарстан, Казань, Пуш-

кина, д. 1/55

Liana-23-23@mail.ru

**The tradition of joint celebration by Russia and China
of the anniversaries of victory in the Great Patriotic War
and the Second World War**

**Традиция совместного празднования Россией и Китаем
юбилеев Победы в Великой Отечественной войне
и во Второй мировой войне**

Белоглазов Альберт Владиславович

Казанский (Приволжский) федеральный
университет

Автор, ответственный за переписку:

Albert.Beloglazov@kpfu.ru

Albert V. Beloglazov

*Kazan (Volga region) Federal University,
Russia*

Corresponding author:

Albert.Beloglazov@kpfu.ru

УДК 327 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2025-65-79](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-65-79)

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются совместные празднования Россией и Китаем юбилеев Победы в Великой Отечественной войне и во Второй Мировой войне на современном этапе взаимоотношений (2015-2025 гг.). Выявляются общие черты и особенности мероприятий в Москве и в Пекине, исследуются договорённости, достигнутые «на полях», определяется их значение для развития российско-китайских отношений.

Ключевые слова: международные отношения, дипломатия, Китайская Народная Республика, Российская Федерация, саммит, переговоры, Великая Отечественная война, Вторая мировая война.

ABSTRACT

The article examines the joint celebrations by Russia and China of the anniversaries of Victory in the Great Patriotic War and World War II at the present stage of relations (2015-2025). The author identifies common features and features of events in Moscow and Beijing, examines the agreements reached on the sidelines, and determines their significance for the development of Russian-Chinese relations.

Keywords: international relations, diplomacy, People's Republic of China, Russian Federation, summit, negotiations, Great Patriotic War, World War II.

For citation: Beloglazov A.V. The tradition of joint celebration by Russia and China of the anniversaries of victory in the Great Patriotic War and

Для цитирования: Белоглазов А.В. Традиция совместного празднования Россией и Китаем юбилеев Победы в Великой Отечественной войне и во Второй мировой войне. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (4). С. 65–79 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-65-79>

the Second World War. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№4). P. 65-79 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-65-79>

Введение

В 2025 году Россия и Китай отметили 80-летие Победы в Великой Отечественной войне и Победы над милитаристской Японией во Второй мировой войне. И в Москве, и в Пекине прошли грандиозные торжества, которые взаимно посетили лидеры двух стран.

В.В. Путин и Си Цзиньпин одновременно руководят Россией и Китаем в последние 12 лет, с 2013 года. За этот период наши страны трижды отмечали юбилей победы в Великой Отечественной войне и во Второй мировой войне - 70, 75 и 80 лет соответственно. Однако в 2020 году массовых совместных торжеств не было в связи с пандемией коронавируса, вызвавшей особенно серьезные карантинные ограничения в КНР. Поэтому рассмотрим четыре события – празднование 70-летия и 80-летия Победы в Москве и в Пекине соответственно. Что общего и особенного было в празднованиях? Какие совместные договорённости были достигнуты на полях этих мероприятий? Какое значение имели они для развития российско-китайских отношений? На эти вопросы призыва на ответить настоящая статья.

Празднование 70-летия Победы в Великой Отечественной войне в мае 2015 года

8 мая 2015 года Си Цзиньпин прибыл в Москву на празднование Дня Победы, и в тот же день состоялись обстоятельные российско-китайские переговоры. В начале встречи В.В. Путин заявил, что «мы очень рады видеть наших китайских друзей в дни, когда весь народ России отмечает Победу в Великой Отечественной войне. В результате Второй мировой войны Советский Союз и Китай оказались наиболее пострадавшими государствами, поскольку у нас погибло наибольшее количество граждан — как в Советском Союзе, так и в Китайской Народной Республике» [1].

А Си Цзиньпин в ответном слове подчеркнул: «сегодня наконец-то сбылась моя давняя мечта. Благодарю за ваш радушный приём. ... Это, конечно, великий праздник» [1]. Действительно, это было первое участие нового китайского лидера в торжествах в Москве в честь Великой Победы. И мы видим, что Председателю КНР был оказан максимально радушный приём. Во время Парада Победы 9 мая он сидел на трибуне рядом с Президентом РФ. В параде

приняли участие более 16 тысяч военнослужащих, 194 единицы бронетехники, 143 самолета и вертолета. Впервые на Параде появились новые боевые машины на платформах «Армата», «Бумеранг» и «Курганец-25», а также пусковые установки подвижного ракетного комплекса «Ярс». Все происходящее вызвало большой интерес у Председателя КНР.

А по взглядам на войну, победу в ней и на современное ее восприятие в мире лидеры России и Китая продемонстрировали полное единодушие. Они подчеркнули, что «Россия и Китай как основные державы-победительницы во Второй мировой войне, основатели Организации Объединённых Наций и постоянные члены Совета Безопасности ООН будут твердо отстаивать итоги Второй мировой войны, выступать против попыток отрицания, искажения и фальсификации ее истории, защищать авторитет ООН, решительно осуждать действия, направленные на обеление фашизма, милитаризма и их пособников и очернение освободителей, делать все возможное для того, чтобы не допустить повторения трагедии мировой войны» [2].

Однако вернемся к повестке российско-китайских переговоров. Одним из центральных пунктов стал вопрос об участии России и ее союзников в китайских логистических мегапроектах. 2015 год стал судьбоносным для обоих государств. С 1 января начал свою деятельность Евразийский экономический союз. В нем на начало мая состояло четыре члена — Россия, Белоруссия, Казахстан и Армения. И как-раз во время празднования Дня Победы был принципи-

ально решен вопрос о досрочном присоединении к союзу Киргизии после переговоров В.В. Путина с ее президентом Алмазбеком Атамбаевым.

А Китай, официально заявивший об Экономическом поясе шелкового пути и Морском шелковом пути еще в 2013 году, именно в 2015 году принял решение совместить их в «Один пояс один путь» и презентовал карту и концепцию нового проекта на Экономическом форуме в Бояо в марте этого года. При этом изначально через Россию предполагалось провести лишь часть первого из пяти планируемых маршрутов, от казахстанской границы до Белоруссии. Россия выступила с предложениями переформатировать китайский проект с учетом ее обширных возможностей, уже имеющихся инфраструктурных объектов и логистических маршрутов, таких, как Транссиб, БАМ и Северный морской путь.

Потому одним из двух основных документов, принятых по итогам переговоров, стало Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути». В нем были заявлены восемь направлений сотрудничества, включавшие расширение торговли, реализацию крупных совместных инвестиционных проектов, укрепление взаимосвязанности в сферах логистики и транспортной инфраструктуры, обеспечение взаимной совместимости правил и норм регулирования, создание благоприятной среды для роста малых и средних предприятий, содействие увеличению расчетов в национальных валютах, укрепление сотрудничества финансовых

институтов, продвижение кооперации в многосторонних региональных и глобальных форматах [3]. Позже на основе этих договоренностей была сформирована Комиссия по сопряжению Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути.

Еще более обширным было второе Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества. В нем были подробно отражены все аспекты двустороннего сотрудничества, а также совместная работа в многосторонних форматах. Так, большое внимание уделялось взаимодействию в ООН, ШОС, БРИКС, «Группе двадцати». Кроме того, определялись общие подходы к урегулированию конфликтов, прежде всего, в Афганистане и в Сирии [2].

Наряду с этими Заявлениями в ходе переговоров были подписаны еще 32 двусторонних документа: от Меморандума о взаимопонимании и сотрудничестве в рамках реализации проектов строительства железнодорожной линии Элегест – Кызыл – Курагино и Дальневосточного порта до Протокола о намерениях в научно-техническом сотрудничестве между Объединенной судостроительной корпорацией и Huawei Technologies Co.Ltd [4].

Таким образом, первое совместно празднование юбилея Победы показало, наряду с общими подходами к общему историческому наследию, готовность использовать мероприятие для расширения и углубления двусторон-

него сотрудничества, гармонизации международных инициатив обоих государства и «сверки часов» по наиболее значимым проблемам современности.

Празднование 70-летия Победы над японским милитаризмом в сентябре 2015 года.

2 сентября 2015 года В.В. Путин пришел в Пекин с двухдневным визитом для участия в торжествах, посвященных Семидесятой годовщине Победы во Второй мировой войне, а также для переговоров по многим вопросам российско-китайского сотрудничества. Накануне приезда он дал большое интервью агентству Синьхуа, где произнес фразу, ставшую лейтмотивом визита: «Россия и Китай придерживаются схожих взглядов на причины, историю, итоги Второй мировой войны. Для наших народов священны и память о ней, и её уроки. Это трагическое прошлое взвывает к нашей общей ответственности за судьбы мира, к осознанию того, к каким страшным последствиям может привести разрушительная идеология собственной исключительности и вседозволенности. Именно эти идеи питали нацизм и милитаризм. И мы обязаны не допустить их возрождения и распространения» [5].

Удивительно, но долгие годы в Китае не было официального праздника по случаю дна Победы. Лишь 27 февраля 2014 года решением 12-ой сессии Постоянного Комитета Всекитайского собрания народных представителей был учрежден новый государственный праздник:

3 сентября как День победы китайского народа в антияпонской войне [6]. Во многом это была инициатива Председателя КНР Си Цзиньпина. Он же произнес в 2014-2015 годах ряд речей, переосмысливших участие Китая в войне и его вклад в победу. Официально было признано наибольшее количество жертв войны, понесенных китайским народом — 35 миллионов человек, а также обоснован тезис, что Китай своей борьбой позволил Советскому Союзу избежать войны на два фронта. При этом признавалась важность военно-технической помощи Советского Союза Китаю на начальном этапе войны и значимость вклада Красной Армии в ее завершение при разгроме Квантунской армии Японии в Манчжурии. Это еще больше сблизило наши страны.

Основное же выступление Си Цзиньпина было как раз на параде 3 сентября, где он, подчеркивая наибольший вклад наших стран в Победу, отметил: «число погибших и раненых в войне достигло 100 млн человек, в том числе 35 млн погибших и раненых в Китае и 27 млн жертв в СССР. Не допускать повторения трагедий — лучшая память тех, кто пали за свободу, справедливость и мир, дань памяти зверски убитым в войне» [7].

На торжествах российскому Президенту были оказаны такие же почести, как и Си Цзиньпину в Москве. На трибуне на площади Тяньаньмэн он находился рядом с Председателем КНР во время Парада. Военнослужащих на Параде было меньше, чем в Москве — 12 тысяч человек, в том числе рота Почётного караула 154-го отдельного Преображенского комендантского полка Западного военного округа РФ

[8]. При этом техники было значительно больше: 500 единиц танков, самоходных артиллерийских установок, бронетранспортеров, а также межконтинентальных баллистических ракет «Дунфэн-5» и «Дунфэн-31». Воздушную часть парада составили около 200 самолетов и вертолетов [9].

В тот же день состоялись российско-китайские переговоры, в ходе которых был утвержден большой пакет документов. Десять Соглашений, Меморандумов и Протоколов были подписаны в присутствии лидеров членами делегаций на расширенных переговорах, в том числе и ряд документов о межрегиональном сотрудничестве и инфраструктурных объектах в приграничных регионах, таких, как мост и канатная дорога через Амур в районе городов Благовещенск и Хэйхэ. В форме обмена нотами были заключены Соглашения об открытии генеральных консульств России в Харбине и в Ухани, а также генеральных консульств Китая во Владивостоке и в Казани. Кроме того, в присутствии лидеров руководителями хозяйствующих субъектов обоих государств было подписано еще семнадцать соглашений. Так, например, унитарное предприятие «Почта России» договорилась о сотрудничестве с Группой компаний «Почта Китая», «Банк ВТБ» — с Государственным банком развития Китая, ОАО «Российские железные дороги» — с китайским холдингом «China Yingkou Port Group», а НК «Роснефть» — с китайской компанией «Chem China Petrochemical Corporation» [10].

Интересно, что в том же месяце Си Цзиньпин и В.В. Путин приехали в Нью-Йорк на юбилейную семидесятую Генеральную Ассамблею

ООН. Си Цзиньпин на ней повторил уже для всего мирового сообщества тезисы, выкристаллизовавшиеся в речах на параде в Пекине и на приеме после него. Так, он отметил, что «Китай, будучи главным театром военных действий в Азии, принес в жертву 35 миллионов человеческих жизней в сражении против милитаристской Японии, и нанес ее главным силам сокрушительный удар. Китай не только спас страну и китайский народ от порабощения, но и оказал мощную поддержку силам сопротивления, воюющим на Европейском и Тихоокеанском театрах военных действий. Таким образом, наша страна внесла исторический вклад в общемировую победу над фашизмом» [11].

Таким образом, совместное празднование Юбилея победы и первый в истории Парад победы на площади Тяньаньмэн позволили Китаю сформулировать, популяризировать внутри страны и представить мировому сообществу новое видение исторических событий, позиционируя себя как активного борца не только с японским милитаризмом, но и с мировым фашизмом. А встреча двух лидеров традиционно использовалась для плодотворных переговоров на полях торжественных мероприятий и подписания десятков новых соглашений.

Празднование 70-летия Победы в Великой Отечественной войне в мае 2025 года

Вечером 7 мая 2025 года Председатель КНР Си Цзиньпин прибыл в Москву по приглашению Президента России для участия в торжествах по случаю 80-летия победы Советского

Союза в Великой Отечественной войне.

Утром 8 мая В.В. Путин и Си Цзиньпин начали переговоры в Московском Кремле. Главы двух государств подробно обменялись мнениями по китайско-российским отношениям и основным международным и региональным проблемам и единодушно согласились неуклонно углублять стратегическое сотрудничество для содействия стабильному развитию китайско-российских отношений на высоком уровне; совместно продвигать правильный взгляд на историю Второй мировой войны, защищать авторитет и статус Организации Объединенных Наций и гарантировать международную справедливость.

Переговоры начались в узком составе, а после к лидерам двух стран присоединились члены правительства, руководители министерств и ведомств. С российской стороны их было 14 человек, включая министра иностранных дел С.В. Лаврова, министра обороны А.Р. Белоусова, министра финансов А.Г. Силуанова и пятерых вице-премьеров — Д. В. Мантурова, Т.А. Голикова, А.В. Новака, Ю.П. Трутнева и Д.Н. Чернышенко. Китайская сторона была представлена тридцатью членами руководства партии и правительства [12]. В общей сложности российско-китайские переговоры продолжались 10 часов.

Речь, с которой выступил Си Цзиньпин на этих переговорах, демонстрировала еще большее сближение и взаимопонимание наших стран, в том числе и по историческим вопросам: «Восемьдесят лет назад народы Китая и России пошли на великие жертвы, одержали великие

победы и внесли исторический вклад в поддержание мира во всем мире и дело прогресса человечества, вошедшее в анналы истории. В настоящее время, перед лицом международного одностороннего подхода и травли со стороны могущественных держав, Китай вместе с Россией выполнит свои особые обязанности как мировая держава и постоянный член Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, выполнит свои обязанности и совместно будет приводить правильный взгляд на историю Второй мировой войны, защищать авторитет и статус Организации Объединенных Наций и решительно отстаивать результаты победы во Второй мировой войне, решительно защищать Китай и Россию» [13].

Главы государств двух стран заслушали отчеты руководителей пяти межправительственных комиссий двух стран о сотрудничестве в различных областях. Основные результаты, выводы и перспективы нашли отражение в двух центральных документах, принятых по итогам переговоров: Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в новую эпоху в ознаменование 80-летия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, Победы китайского народа в Войне сопротивления японской агрессии и образования Организации Объединенных Наций [14] и Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики по глобальной стратегической стабильности [15].

Наряду с ними было пописано еще 25 Договоров, Соглашений и Меморандумов по отдельным направлениям сотрудничества России и Китая. — о поддержке международного права, защите инвестиций, биологической безопасности, ветеринарному и фитосанитарному контролю, о сотрудничестве в области цифровой трансформации и цифровой экономики, в области кинематографа, освоения космоса, развития СМИ и т.д. [16].

Не случайно во время выхода к прессе Си Цзиньпин подвел итоги целого периода сотрудничества, которое оценил весьма высоко: «Последние десять лет были годами большой турбулентности и изменений в международной обстановке, а также годами больших успехов в развитии китайско-российских отношений. Вместе мы были свидетелями постоянной консолидации и углубления политического взаимного доверия между Китаем и Россией, а также расцвета в различных областях сотрудничества между двумя странами» [17].

А 9 мая на Параде Победы Си Цзиньпин вновь был главным гостем и сидел на трибуне справа от российского Президента. В Параде вновь, как и в 2015 году, участвовали 16 тысяч военнослужащих, в том числе и представители тридцати иностранных государств, включая китайских солдат и офицеров. Проход техники открывали легендарные танки Т-34 времён Второй мировой войны. Китайский гость внимательно наблюдал и за демонстрацией современной военной техники: боевых машин пехоты БМП-2 и Курганец-25, танков Т-72Б3М, Т-80БВМ и Т-90М «Прорыв», разведывательных машин, машин медицинской эвакуации

и ракетных комплексов, в том числе Искандер-М и С-400. Впервые были представлены беспилотные летательные аппараты Ланцет и Герань-2. Завершился парад пролётом истребителей Су-30СМ и МиГ-29 из пилотажных групп Русские витязи и Стрижи.

После Парада Си Цзиньпин отдал дань уважения погившим советским воинам, возложив венок вместе с В.В. Путиным и другими лидерами государств к могиле неизвестного солдата в Александровском саду [18].

Таким образом, празднование восьмидесятилетнего Юбилея Победы в Великой Отечественной войне продолжило традиции, заложенные десять лет назад. Китайский лидер не только вновь стал центральным гостем праздничных мероприятий, но провел еще более длительные и насыщенные переговоры с российским лидером как в двустороннем формате, так и с участием обширных делегаций обоих государств. Давление, усиливающееся со стороны западных стран и на Россию, и на Китай все эти десять лет подталкивало их к более тесному сближению. И потому, подводя итог, обе стороны обоснованно высоко оценили текущее состояние отношений и наметили планы на дальнейшее углубление сотрудничества.

Празднование 80-летия Победы над японским милитаризмом в сентябре 2025 года.

31 августа 2025 года В.В. Путин прибыл в Китай для участия в Саммите ШОС в Тяньцзине и для празднования 80-летия победы над милитаристской Японией в Пекине.

Учитывая такую обширную и насыщенную программу, он встречался с Председателем КНР Си Цзиньпином неоднократно. Беседы и выступления на полях ШОС подробно рассматривать не будем, и остановимся на традиционных переговорах, сопровождающих празднование каждого из четырех юбилеев.

Они состоялись 2 сентября 2025 года в Доме Народных собраний в Пекине. В начале переговоров Си Цзиньпин отметил, что китайско-российские отношения выдержали испытание меняющимися международными тенденциями и создали модель отношений великих держав с постоянным добрососедством и дружбой, всеобъемлющим стратегическим сотрудничеством, взаимной выгодой и взаимовыгодным сотрудничеством. Он подчеркнул, что Китай готов поддерживать тесные контакты с Россией на высоком уровне, поддерживать развитие и активизацию деятельности друг друга, своевременно координировать свои позиции по вопросам, затрагивающим коренные интересы и основные озабоченности двух стран, и способствовать более активному развитию китайско-российских отношений [19].

А В.В. Путин, начиная переговоры, заявил, что «наше решение, как и десять лет назад, в 2015 году, совместно отметить в Москве и в Пекине юбилей Великой Победы имеет особое значение. Это дань уважения подвигу наших народов, народов России и Китая в годы Второй мировой войны, подтверждение ключевой роли наших стран в достижении победы на европейском и азиатском театрах военных действий, свидетельство общей готовности

отстаивать историческую правду и справедливость» [20].

Как и в Москве в мае, двусторонние переговоры в узком составе переросли в расширенный формат. Только на этот раз делегации были гораздо более многочисленными. Так с российской стороны участвовали 36 человек, не только руководители министерств и ведомств, но и главы хозяйствующих субъектов — госкорпораций, крупных компаний, банков. В частности, присутствовали руководители Газпрома, Роснефти, Ростеха, Роскосмоса, НОВАТЭКа, Мираторгга, Сбербанка, ВТБ, ВГТРК и т.д. И это прекрасно иллюстрировало направления сотрудничества, которым предполагалось придать импульс на этих переговорах.

И действительно, результаты были отражены в 22 Договорах, Соглашениях, Меморандумах и Протоколах, подписанных в ходе переговоров. Они затрагивали здравоохранение, сельское хозяйство, приграничное сотрудничество, ветеринарный и фитосанитарный контроль, атомную энергетику, космическую сферу, межвузовское сотрудничество, взаимодействие СМИ [21].

Однако наибольший интерес как в наших двух странах, так и у мирового сообщества вызвали четыре соглашения «Газпрома» и Китайской национальной нефтегазовой корпорации (CNPC). Основным стало Соглашение о стратегическом сотрудничестве, серьезно углубляющем взаимодействие. Также был подписан юридически обязывающий меморандум о строительстве газопровода «Сила Сибири 2» от месторождений в Западной Сибири до Китая,

а также его продолжения — транзитного газопровода через Монголию «Союз Восток». Одновременно была достигнута договоренность о существенном увеличении поставок по газопроводу «Сила Сибири» [22].

На другой день, 3 сентября, В.В. Путин принял участие в грандиозных тожествах на площади Тяньаньмэнь. На Параде он все время находился справа от Председателя КНР, на месте центрального почетного гостя. Это было самое масштабное мероприятие из всех четырех, рассмотренных в статье. В нем приняли участие 40 тысяч военнослужащих и более 500 единиц военной техники. Среди них было немало новейших вооружений - палубные самолеты и истребители четвертого поколения, беспилотные интеллектуальные и противобеспилотные аппараты, а также передовые ракеты, в том числе гиперзвуковые.

Так, КНР впервые продемонстрировала свои стратегические силы ядерной триады. Особенное впечатление на военных экспертов произвела межконтинентальная ракета DF-5C с радиусом поражения, охватывающим всю планету. Были и другие гиперзвуковые ракеты — YJ-21, DF-17 и DF-26D [23]. В конце мероприятия в небо были выпущены 80 тысяч воздушных шаров и стаи голубей, символизирующих мир.

Таким образом, Китай, проводя свой второй Парад победы, постарался превзойти по масштабам, размаху, количеству участников и техники все, бывшие до сих пор. Что же касается импульса, приданного российско-китайским отношениям в дни юбилейных тор-

жеств, его трудно переоценить. Стороны не только зафиксировали высочайший в истории уровень взаимоотношений, но и наметили планы по многом направлениям сотрудничества — от поставок сырья до глобальной стратегической стабильности.

Заключение

Подводя итоги, мы видим, что Россия и Китай в последние десять лет совместно отмечали юбилеи великих побед в Великой Отечественной войне и во Второй мировой войне. Общим в них было то, что:

- Россия и Китай устами своих лидеров провозглашали верность исторической памяти, дань уважения народам наших стран, прошедших через великие испытания, борьбу с фальсификацией истории.
- В.В. Путин и Си Цзиньпин не только взаимно посещали торжественные мероприятия в России и в Китае, но и становились центральными почетными гостями на них, особенно на Парадах Победы.
- Стороны использовали юбилейные торжества как повод интегрировать исторические подходы и сверить часы по международной повестке.
- Лидеры России и Китая «на полях» юбилейных торжеств неизменно проводили переговоры как в узком, так и в расширенном форматах, и подписали десятки важных документов.

Но было и одно отличие в российских и китайских мероприятиях. В России к каждому

юбилейному мероприятию подготавливали Совместные заявления лидеров России и Китая. Таковых было по два в 2015 и в 2025 годах, подписанных в Москве. Китай же в ходе переговоров сентября 2015 и сентября 2025 годов не предложил подписать ни одного совместного Заявления. Отчасти это объясняется тем, что переговоры в Москве проходили на полгода раньше, чем в Пекине и уже отражали все совместные подходы и установки, актуальные на текущий момент истории.

Однако это не принципиально. В целом, на примере этих четырех событий мы видим, что полноценно сложилась добрая традиция по совместному празднованию юбилеев победы, которая еще более сближает наши страны и, безусловно, будет продолжена в будущем.

Список литературы

1. Начало встречи с Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином 8 мая 2015 года URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49431> (Дата обращения: 13.09.2023)
2. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4969> (Дата обращения: 13.09.2025)
3. Совместное заявление Российской

- Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути URL: // <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (Дата обращения: 13.09.2025)
4. Документы, подписанные по итогам российско-китайских переговоров 8 мая 2015 года URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4972> (Дата обращения: 13.09.2025)
5. Интервью информационным агентствам ТАСС и «Синьхуа». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/50207> (Дата обращения: 13.09.2025)
6. Румянцев Е.Н. Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина. — М. — Синосфера. - 2016. - С. 510.
7. Полный текст выступления Си Цзиньпина на юбилейном торжестве по случаю 70-летия Победы в Войне сопротивления китайского народа японским захватчикам и Мировой антифашистской войне. URL: https://russian.news.cn/2015-09/04/c_134590053.htm (Дата обращения: 13.09.2025)
8. Военный парад в честь 70-й годовщины Победы китайского народа в войне сопротивления Японии и окончания Второй мировой войны. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50224> (Дата обращения: 13.09.2025)
9. В Пекине завершился военный парад в честь 70-летия победы во Второй мировой войне URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2230923> (Дата обращения: 13.09.2025)
10. Документы, подписанные по итогам российско-китайских переговоров 3 сентября 2015 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5009> (Дата обращения: 13.09.2025)
11. Си Цзиньпин. Выступление в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН 28 сентября 2015 г., г. Нью-Йорк // Си Цзиньпин. Внешняя политика современного Китая (2013-2023 гг.). Избранные речи, выступления и статьи - Алматы. - Экспертный клуб «Один пояс и один путь». - 2024. - С. 28.
12. Участники беседы с Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином 8 мая 2025 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6307> (Дата обращения: 13.09.2025)
13. 习近平同俄罗斯总统普京会谈 (Переговоры Си Цзиньпина с Президентом России Владимиром Путиным). URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202505/content_7022992.htm Дата обращения: 13.09.2025)
14. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в новую эпоху

- в ознаменование 80-летия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, Победы китайского народа в Войне сопротивления японской агрессии и образования Организации Объединенных Наций. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6309> (Дата обращения: 13.09.2025)
15. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики по глобальной стратегической стабильности. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6310> (Дата обращения: 13.09.2025)
16. Документы, подписанные и принятые по итогам переговоров Президента Российской Федерации В.В. Путина и Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6308> (Дата обращения: 13.09.2025)
17. 习近平同俄罗斯总统普京共同会见记者 (Си Цзиньпин и Президент России Владимир Путин совместно встретились с журналистами). URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202505/content_7023014.htm (Дата обращения: 13.09.2025)
18. 习近平出席俄罗斯纪念苏联伟大卫国战争胜利80周年庆典 (Си Цзиньпин принял участие в праздновании в России 80-летия победы Советского Союза в Великой Отечественной войне). URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202505/content_7023145.htm (Дата обращения: 13.09.2025)
19. 习近平同俄罗斯总统普京会谈 (Переговоры Си Цзиньпина с Президентом России Владимиром Путиным). URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202509/content_7038783.htm (Дата обращения: 13.09.2025)
20. Российско-китайские переговоры. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77902> (Дата обращения: 13.09.2025)
21. Документы, подписанные в рамках официального визита Президента Российской Федерации В.В. Путина в Китайскую Народную Республику. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6380> (Дата обращения: 13.09.2025)
22. Эксперт оценила возможность увеличения поставок по «Силе Сибири». URL: <https://ria.ru/20250917/gazoprovod-2042377696.html> (Дата обращения: 13.09.2025)
23. Путин принял участие в юбилейном военном параде в Пекине. URL: <https://ria.ru/20250903/parad-2039227834.html> (Дата обращения: 13.09.2025)

References

1. Nachalo vstrechi s Predsedatelem Kitajskoj Narodnoj Respubliki Si Czin'pinom 8 maya 2015 goda URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49431> (Data obrashcheniya: 13.09.2023)
2. Sovmestnoe zayavlenie Rossijskoj Federacii

- i Kitajskoj Narodnoj Respubliki ob ugleblenii vseob"emlyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodejstviya i o prodvizhenii vzaimovygodnogo sotrudnichestva URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4969> (Data obrashcheniya: 13.09.2025)
3. Sovmestnoe zayavlenie Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki o sotrudnichestve po sopryazheniyu stroitel'stva Evrazijskogo ekonomiceskogo soyuza i Ekonomiceskogo poyasa SHelkovogo puti URL: // <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (Data obrashcheniya: 13.09.2025)
4. Dokumenty, podpisанные по итогам российско-китайских переговоров 8 мая 2015 года URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4972> (Data obrashcheniya: 13.09.2025)
5. Interv'yu informacionnym agentstvam TASS i «Sin'hua». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/50207> (Data obrashcheniya: 13.09.2025)
6. Rumyancev E.N. Vnuttrennyaya i vneshnyaya politika Si Czin'pina. — M. — Sinosfera. — 2016. - S. 510.
7. Polnyj tekst vystupleniya Si Czin'pina na yubilejnomy torzhestve po sluchayu 70-letiya Pobedy v Vojne soprotivleniya kitajskogo naroda yaponskim zahvatchikam i Mirovoj antifashistskoj vojne. URL: https://russian.news.cn/2015-09/04/c_134590053.htm (Data obrashcheniya: 13.09.2025)
8. Voennyj parad v chest' 70-j godovshchiny Pobedy kitajskogo naroda v vojne soprotivleniya Yaponii i okonchaniya Vtoroj mirovoj vojny. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50224> (Data obrashcheniya: 13.09.2025)
9. V Pekine zavershilsya voennyj parad v chest' 70-letiya pobedy vo Vtoroj mirovoj vojne URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2230923> (Data obrashcheniya: 13.09.2025)
10. Dokumenty, podpisанные по итогам российско-китайских переговоров
11. 3 sentyabrya 2015 goda. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5009> (Data obrashcheniya: 13.09.2025)
12. Si Czin'pin. Vystuplenie v hode debatov na 70-j Genassamblee OON 28 sentyabrya 2015 g., g. N'yu-Jork // Si Czin'pin. Vneshnyaya politika sovremennoj Kitaya (2013-2023 gg.). Izbrannye rechi, vystupleniya i stat'i - Almaty. - Ekspertnyj klub «Odin poyas i odin put'». - 2024. - S. 28.
13. Uchastniki besedy s Predsedatelem Kitajskoj Narodnoj Respubliki Si Czin'pinom 8 maya 2025 goda. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6307> (Data obrashcheniya: 13.09.2025)
14. 习近平同俄罗斯总统普京会谈 (Peregovory Si Czin'pina s Prezidentom Rossii Vladimirom Putinym). URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202505/content_7022992.htm (Data obrashcheniya: 13.09.2025)

15. Sovmestnoe zayavlenie Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki o dal'nejshemуглубленииотношенийvseob"emlyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodejstviya v novuyu epohu v oznamenovanie 80-letiya Pobedy Sovetskogo Soyuza v Velikoj Otechestvennoj vojne, Pobedy kitajskogo naroda v Vojne s protivleniya yaponskoj agressii i obrazovaniya Organizacii Ob"edinennyh Nacij. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6309> (Data obrashcheniya: 13.09.2025)
16. Sovmestnoe zayavlenie Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki po global'noj strategicheskoj stabil'nosti. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6310> (Data obrashcheniya: 13.09.2025)
17. Dokumenty, podpisанные и принятые по итогам переговоров Президента Российской Федерации В.В. Путина и Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6308> (Data obrashcheniya: 13.09.2025)
18. 习近平同俄罗斯总统普京共同会见记者 (Si Czin'pin i Prezident Rossii Vladimir Putin sovmestno vstrelis' s zhurnalistami). URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202505/content_7023014.htm (Data obrashcheniya: 13.09.2025)
19. 习近平出席俄罗斯纪念苏联伟大卫国战争胜利80周年庆典 (Si Czin'pin prinyal uchastie v prazdnovanii v Rossii 80-letiya pobedy Sovetskogo Soyuza v Velikoj Otechestvennoj vojne). URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202505/content_7023145.htm (Data obrashcheniya: 13.09.2025)
20. 习近平同俄罗斯总统普京会谈 (Peregovory Si Czin'pina s Prezidentom Rossii Vladimirom Putinym). URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202509/content_7038783.htm (Data obrashcheniya: 13.09.2025)
21. Rossijsko-kitajskie peregovory. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77902> (Data obrashcheniya: 13.09.2025)
22. Dokumenty, podpisанные в рамках официального визита Президента Российской Федерации В.В. Путина в Китайскую Народную Республику. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6380> (Data obrashcheniya: 13.09.2025)
23. Ekspert ocenila vozmozhnost' uvelicheniya postavok po «Sile Sibiri». URL: <https://ria.ru/20250917/gazoprovod-2042377696.html> (Data obrashcheniya: 13.09.2025)
24. Putin prinyal uchastie v yubilejnomyoennom parade v Pekine. URL: <https://ria.ru/20250903/parad-2039227834.html> (Data obrashcheniya: 13.09.2025)

Сведения об авторах

Белоглазов Альберт Владиславович,

канд. ист. наук, доцент

Кафедра международных отношений, ми-
ровой политики и дипломатии

Казанский (Приволжский) федеральный
университет

Albert.Beloglazov@kpfu.ru

Information about the Authors

Albert V. Beloglazov,

Cand. Sc. (History), Associate Professor

Department of international relations, world
politics and diplomacy

Kazan (Volga region) Federal University

Albert.Beloglazov@kpfu.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.10.2025.

Принята к публикации: 10.10.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.09.2025

Approved after reviewing 02.10.2025

Accepted for publication 10.10.2025

The changing China of the second half of the 19th century on the pages of the magazine "Proceedings of the Imperial Geographical Society"

Изменяющийся Китай второй половины XIX века на страницах журнала «Известия Императорского Географического Общества»

**Благодер Юлия Гариеvна,
Гаевская Инна Ивановна,
Руденко Юлия Евгеньевна**

Кубанский государственный технологический
университет, Краснодар, Россия
Автор, ответственный за переписку:
blagoder_1@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5257-1188>

**Yulia G. Blagoder,
Inna I. Gaevskaya,
Yulia E. Rudenko**

*Kuban State Technological University,
Krasnodar, Russia*

The author responsible for the correspondence:
blagoder_1@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5257-1188>

УДК 94(470) | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2025-78-89](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-78-89)

АННОТАЦИЯ

В работе представлены результаты анализа статей о Китае отечественных и зарубежных исследователей, размещенных на страницах журнала «Известия Императорского Русского Географического Общества». Направленность журнала определила тематику публикаций: доклады по этнографии и географии, обзоры российской и зарубежной новейшей литературы, отзывы о монографиях, статьях и новых географических картах. Авторы статей на страницах журнала подвергли анализу известия о дислокации военных сил, специфике сельскохозяйственной деятельности, географических и климатических факторах отдель-

ABSTRACT

The paper presents the results of an analysis of articles about China by Russian and foreign researchers published in the journal *Izvestiya* of the Imperial Russian Geographical Society. The journal's focus determined the topics of the articles, which included reports on ethnography and geography, reviews of recent Russian and foreign literature, and reviews of monographs, articles, and new geographical maps. The authors of the articles analyzed information about the military forces, agricultural practices, and geographical and climatic factors in different regions of China. This information was later used for organizing research and commercial expeditions. Special attention is paid

ных регионов Китая. В будущем эти сведения были использованы при организации научно-исследовательских и коммерческих экспедиций. Особое внимание уделяется характеристики изменений в экономике и социальной сфере, которые происходили в Китае во второй половине XIX века. Отмечается роль российских научно-просветительских организаций (Императорское Русское Географическое Общество) в развитии отечественного китаеведения, распространении знаний о Китае среди российской общественности — читателей журналов. Кроме того, указано, что деятельность Императорского Русского Географического Общества способствовала привлечению внимания образованной провинциальной публики Российской империи к изучению своего региона. В перспективе это имело своим результатом введение в научный оборот ранее неопубликованных исторических источников. В XX веке они стимулировали развитие российской исторической науки.

Ключевые слова: Российская империя, Китай, образ Китая, Императорское Русское Географическое Общество, «Известия Императорского Русского Географического Общества», китаеведение.

Для цитирования: Благодер Ю.Г., Гаевская И.И., Руденко Ю.Е. Изменяющийся Китай второй половины XIX века на страницах журнала «Известия Императорского Географического Общества». *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (4). С. 80–89 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-80-89>

to the characteristics of the changes in the economy and social sphere that took place in China in the second half of the 19th century. The article highlights the role of Russian scientific and educational organizations (the Imperial Russian Geographical Society) in the development of Russian sinology and the dissemination of knowledge about China among the Russian public, including readers of magazines. Additionally, it is noted that the activities of the Imperial Russian Geographical Society contributed to attracting the attention of the educated provincial public of the Russian Empire to the study of their region. This, in turn, led to the introduction of previously unpublished historical sources into scientific circulation. In the 20th century, these sources played a significant role in the development of Russian historical scholarship.

Keywords: Russian Empire, China, image of China, Imperial Russian Geographical Society, «News of the Imperial Russian Geographical Society», Sinology.

For citation: Blagoder Yu.G., Gaevskaya I.I., Rudenko Yu.E. The Changing China of the Second Half of the 19th Century on the pages of the journal "News of the Imperial Geographical Society". *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№4). P. 80-89 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-80-89>

В 1865 г., 160 лет назад, Императорское Русское Географическое Общество (далее ИРГО) начинает издавать сборники «Известия» (Благодер 2011, 15), представлявшие научной общественности разностороннюю информацию, в первую очередь, по этнографии и географии, но также, например, по метеорологии, астрономии, демографии и т.п., содержащие обзоры отечественной и зарубежной новейшей литературы, критику и отзывы о монографиях, статьях. Обязательной частью сборников была публикация и новых географических карт.

На страницах этого издания были размещены более сотни китаеведных работ российских и иностранных исследователей. Российские ученые-путешественники, военные, члены Православной миссии в Пекине, знакомили соотечественников с результатами своих исследований Китая, публикуя их в изданиях ИРГО (Березовский 1892, 406-408; Из Ханькоу 1883, 130; Кери 1888, 41-64; Краевский 1869, 100-136; Об экспедиции 1885, 86; Об экспедиции 1884, 204; Об экспедиции 1885, 235; Певцов 1880, 435-457; Певцов 1889, 97-104; Поездка 1868, 264-287; Поездка 1877; Поездка 1865, 90; Пржевальский 1877, 264-329; Пржевальский 1871, 140-149; Северцов 1869; Сорокин 1885, 113-130; Сосновский 1876, 143-175; Сосновский 1876, 86-106; Экспедиция 1889).

Подданные Российской империи, посещая Китай, общались с местными жителями — представителями различных социальных слоев, наблюдали за их бытовым укладом, изучали различные виды хозяйственной деятельности, верования. Особое внимание исследователи

уделяли анализу как глубоких, так и незначительных изменений, которые происходили в экономической и социальной сфере. Благодаря кропотливой работе на протяжении десятилетий формировались этнические образы и выразительные личностные характеристики.

Исследователь Азии Ю.А. Сосновский в опубликованных на страницах «Известий Императорского Русского Географического Общества» (далее «Известия ИРГО») работах отмечал, что китайская культура, язык и письменность остаются для большей части представителей образованного мира понятиями весьма расплывчатыми, малознакомыми (Сосновский 1876, 145). Устойчивым было мнение о том, что постичь загадку иероглифов европейцам невозможно. К слову, именно незнание китайских законов и местных диалектов осложняло продвижение иностранцев вглубь территории империи Цин. Большую помочь в преодолении этих лингвистических и правовых препятствий оказывали соотечественники — торговцы, осевшие в Китае в более ранний период (Русские 1865, 149). Кроме того, существенную поддержку представителям Российской империи оказывали лица, связанные с Пекинской духовной миссией (Русской духовной миссией в Пекине): священнослужители и ее светские члены (Труды 1865, 96; Труды 1866, 272-273).

Авторы очерков анализировали известия, связанные с подготовкой вооруженных сил страны, особенностями ведения сельскохозяйственной деятельности, природными, географическими и метеорологическими факторами ряда регионов Китая, с целью использования в будущем этих данных при планировании

экспедиций научно-исследовательского и торгового характера. Редакционная коллегия «Известий ИРГО» отдавала предпочтение информации: во-первых, поступающей от авторов, лично посещавших Китай; во-вторых, обладающей просветительской значимостью.

«Известия» не шли на поводу у читателей, которые ждали публикации статей, позволяющих в очередной раз погрузиться в экзотику Востока. Научное издание показывало трансформации, происходящие в Китае во второй половине XIX в., демонстрировало уникальные образцы культурного наследия. Важным представляется тот факт, что специфика Китая была представлена в тесной связи с современными направлениями творчества. Так, на страницах «Известий ИРГО» можно было познакомиться с сюжетами произведений китайской литературы (Китайская 1876, 272; Новости 1870, 35). Таким образом, читатель, с одной стороны, ощущал этнокультурные различия своей родной и китайской культур, но, в то же время, с другой, – родственные проблемы, возникающие в межличностных отношениях представителей любой культуры, единство бытовых проблем. Стоит отметить, что в публикациях присутствует желание ряда авторов подчеркнуть типичные черты, присущие восточному образу жизни, особенно те, которые были непривычны для представителя русской культуры, тяготевшего к западной традиции.

Анализ издания показывает преобладание разноплановых статей, тематически друг с другом не связанных. Объясняет данную особенность ряд обстоятельств: во-первых, авто-

ры статей, как правило, являлись либо путешественниками-любителями, малознакомыми с достижениями современной науки, либо специалистами в конкретной области, что побуждало их не затрагивать те области, в которых они не располагали глубокими познаниями; во-вторых, свою роль играла тематическая специализация периодических изданий Общества.

Ряд публикаций «Известий ИРГО» отражает этапы формирования европейской синологии. Благодаря этой группе публикаций Китай представлял перед российскими читателями, зафиксированный не только в работах соотечественников, но и в работах представителей великих держав: Великобритании, Франции. Переводились китайские тексты, соответствующие тематике журнала исследования британского консула в Нючжуане Т. Медоуза, французского миссионера А. Давида, английского чиновника А.Р. Маргэри и военного медика Р. Ренни (Венюков 1876, 272; Воспоминание 1866, 73; Гельмерсен 1869, 138-211).

Среди российских исследователей не было единомыслия, так как допускались ошибки и погрешности. Это было связано с недостаточной сформированностью во второй половине XIX в. географических представлений о восточном соседе Российской империи, что требовало от ученых активных действий для корректировки результатов наблюдений своих соотечественников и зарубежных коллег.

Издания ИРГО были нацелены на популяризацию научного знания, поэтому публиковались статьи о развитии науки стран Востока. Они отмечали то, как китайцы эффективно

совершенствовали свои познания в астрономии, метеорологии, географии, по-прежнему считая изучение классических конфуцианских книг приоритетным (Метеорология 1883, 130; Новейшие 1871, 417; Скачков 1872, 105-120). В своих исследованиях опровергали тезис европейцев о том, что китайцы представляют собой объединение варварских племен. В тот период это было необходимо, так как российская интеллигенция, идеализировавшая Европу и европейский образ жизни, вторила им и не хотела воспринимать образ обновленного Китая.

Исследования Китая отличали своеобразие научных методов, обособленность в рамках собственной культуры, пристальное внимание к картографии, статистическим описаниям, поверхностный анализ достижений представителей иных народов. Следует учитывать, что китайская традиция имела свои собственные ценности и методы исследования, которые не всегда совпадали с европейскими. Утверждать, что китайцы не любят исследований, основанных на известных данных, значит игнорировать богатую историю китайской науки, которая включала в себя значительные достижения в математике, астрономии, медицине и других областях научного знания и практики.

Благодаря лаконичным, но ёмким публикациям «Известий ИРГО» (объемом всего 1-25 страниц), российский читатель второй половины XIX века мог увидеть в Китае не просто страну, а могущественную торговую империю, создающую диковинные товары, чьи секреты производства ревниво оберегались от европейского любопытства. Словно нити шелка, торго-

вые пути связывали Поднебесную с далекими азиатскими и европейскими землями, сплетая их в единую экономическую сеть, где Россия занимала важное место. Мало кто мог оспорить мнение, что земледелие и система мелиорации достигли в Китае такого совершенства, какое отсутствует в Европе. Самобытная обрабатывающая промышленность поражала воображение. Организация труда, разделение производств на мельчайшие операции и калейдоскоп ремесел вызывали неподдельное изумление. Отдельные китайские города, такие как Шанхай, Кяхта, Ханькоу и другие, словно магниты, притягивали к себе торговые потоки, превращаясь в шумные межгосударственные центры. Россияне, посещавшие эти города, были ошеломлены многолюдием и той кипучей энергией, которая пульсировала в их стенах. В этой стране, как отмечали очевидцы, торговля основана на разумных началах. Русское купечество, везущее сукно, стекло, посуду, медные изделия, сахар и часы, встречало радушный прием заинтересованного местного населения. Однако, наряду с выгодой, купцов ждали и испытания: хитрость местных торговцев, ухабистые дороги, децентрализованная финансовая система, позволявшая провинциальным властям устанавливать свои налоги и попустительствовать чиновничьему произволу.

Взор исследователей, подобно магниту, притягивали, прежде всего, географические открытия и описания. Стремясь соткать обобщенный образ Китая, до 1891 года они обходили стороной острые политические углы, словно опасаясь нарушить хрупкий баланс. Подробнейшим образом описывались лишь те события,

где Россия играла непосредственную роль, словно прожектор высвечивая лишь знакомые контуры. Российский читатель, внимая «Известиям», видел перед собой картину неспокойного Китая, сотрясаемого внутренними буяями. Презрение к покоренным народам возвращало семена восстаний, с которыми одряхлевшее цинское правительство уже не могло совладать (Гейнс 1866, 75-96; Лин-цзе-сюй 1870, 143-145). Угасание маньчжурской власти, нищета коренного населения, бесчинства иноzemных предпринимателей — все это вскипало в кotle народного гнева, вынуждая правительство обратить внимание на чиновников, способных предложить варианты решения назревших проблем, и, робко, заимствуя европейский законодательный опыт, начинать реформы в стране (Международное 1865, 136). Обращает на себя внимание обстоятельство, что даже в самый критический момент трансформации Китая, отечественные исследователи Поднебесной, верили в жизнеспособность страны, в отличие от зарубежных скептиков. Уже упоминавшийся исследователь Азии Ю.А. Сосновский видел в ней «очень живучий организм», страну, поражающую «высокой степенью развития практических сторон жизни народа и такими задатками интеллектуальных сил, которые в состоянии конкурировать с иными нациями» (Экспедиция 1876, 143-154).

Стараясь не допустить распространения информации о нестабильном политическом равновесии в стране, власти Поднебесной ограничивали попадание иностранцев в отдельные регионы. Кажущийся незначительным формализм чиновников помогал сохранить лицо им-

перии, престиж императора, видимость стабильности ситуации. Публикации ИРГО помогали заглянуть во внутреннюю жизнь азиатской империи, скрытую от взгляда иностранцев. Сотрудники «Известий» прилагали усилия, чтобы по крупицам собрать такого рода информацию. Здесь на помощь приходили переводы свидетельств китайских авторов. Российская читающая публика получала возможность заочно «посетить» блистательные чертоги летней императорской резиденции, узкие улочки древней столицы, полуразрушенные кумирни, затерянные в глухи провинциальных поселений (Попов 1865, 82-98).

В конце XIX в. возрос интерес к целенаправленному научному изучению Китая. Фокус внимания в этнографических описаниях Поднебесной сместился к низшим слоям китайского общества, в некоторой степени игнорируя жизнь аристократов и высшего чиновничества. Это было следствием стремления получить всесторонний и адекватный образ страны. Сыграла свою роль и доступность такого рода информации. Путевые заметки путешественников, наполненные описаниями исторических событий, появившиеся впервые географические, картографические, метеорологические данные, этнографические материалы — все это привело к развенчанию мифа о Китае как неисследованной стране-сказке.

Столичные научные общества были известны всей Российской империи. Члены ИРГО активно взаимодействовали с составителями выпусков региональных журналов и газет, их владельцами, рассматривая их как эффективных распространителей научных знаний среди

широкой аудитории, особенно на окраинах страны (Первая 1865, 120). Участие в деятельности научно-просветительских организаций позволяло провинциальной интеллигенции следить за передовыми научными изысканиями и открытиями, создавать новые научные коллективы, организовывать экспедиции, публиковать результаты своих исследований. К началу XX столетия благодаря им были введены в научный оборот ранее неопубликованные исторические источники о современном развитии империи Цин, представлены научному сообществу описания успехов и недостатков реформаторской политики, проводимой в этой стране. Это дало повод российским ученым и государственным деятелям обратить внимание на опыт восточного приграничного государства и продолжить дальнейшие исследования.

Список литературы

1. Благодер Ю.Г. Трансформация образа Китая в сознании российского дореволюционного общества. Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011; 1. С. 15-22.
2. Березовский М.М. Вести из путешествия по Китаю. Известия ИРГО. 1892; Т. 28. С. 406-408.
3. Из Ханькоу в Чун-чинг. Известия ИРГО. 1883; Т. 19. С.130.
4. Кери А.Д. Путешествие вокруг Китайского Туркестана и вдоль северной границы Тибета. Известия ИРГО.1888; Т. 24. С. 41-64.
5. Краевский Я.И. О Среднем Тянь-Шане. Известия ИРГО. 1869; Т. 5. С. 100-136.
6. Об экспедиции Г.Н. Потанина в Китай. Известия ИРГО. 1885; Т. 21. С. 86.
7. Об экспедиции Н.М. Пржевальского в Тибет. Известия ИРГО. 1884; Т. 20. С. 204.
8. Об экспедиции Н.М. Пржевальского в Тибет. Известия ИРГО. 1885; Т. 21. С. 235.
9. Певцов М.В. Краткий очерк путешествия по Монголии и Внутреннему Китаю. Известия ИРГО. 1880; Т. 16. С. 435-457.
10. Певцов М.В. Результаты астрономических наблюдений для определения географического положения мест и измерений барометром высот в северо-западной Чжунгари. Известия ИРГО. 1889; Т. 25. С. 97-104.
11. Поездка Валиханова в Кашгар. Известия ИРГО. 1868; Т.4. С. 264-287.
12. Поездка г. Матвеева в Западный Китай. Известия ИРГО. 1877; Т. 13.
13. Поездка из Забайкалья на Амур через Маньчжурию. Известия ИРГО. 1865; Т.1. С. 190.
14. Пржевальский Н.М. От Кульджи до Тянь-Шаня и Лоб-нор. Известия ИРГО. 1877; Т. 13. С. 264-329.
15. Пржевальский Н.М. От Кяхты до Пекина. Известия ИРГО. 1871; Т.7. С. 140-149.
16. Северцов Н.А. Об исследованиях, произведенных им в Тянь-Шане в 1867 г. Известия ИРГО. 1869; Т. 5.
17. Сорокин Н.Н. Путешествие по русскому Тянь-Шаню в 1884 г. Известия ИРГО. 1885; Т. 21. С. 113-130.

18. Сосновский Ю.А. Экспедиция в Китай 1874–1875 гг. Известия ИРГО. 1876; Т. 12. С. 143–175.
19. Сосновский. О путешествии в Китай. Известия ИРГО. 1876; Т. 12. С. 86–106.
20. Экспедиция братьев Грумм-Гржимайло в Тянь-Шаньский оазис и на Лоб-нор. Известия ИРГО. 1889; Т. XXV.
21. Русские в Центральной Азии. Известия ИРГО. 1865; Т. 1. С. 146–188.
22. Труды членов Пекинской духовной миссии. Известия ИРГО. 1865; Т. 1. С. 96.
23. Труды Э. Бретшнейдера. Известия ИРГО. 1876; Т. 12. С. 272–273.
24. Китайская библиография. Известия ИРГО. 1876; Т. 12. С. 272.
25. Новости в китайской литературе. Известия ИРГО. 1870; Т. 6. С. 29–44.
26. Венюков М.В. Путешествие Маргэри по Китаю. Известия ИРГО. 1876; Т. 12. С. 272.
27. Гельмерсен П.А. О путешествии англичанина Мэдоуза в Маньчжурии. Известия ИРГО. 1869; Т. 5. С. 138–211.
28. Воспоминание о Пекине. Известия ИРГО. 1866; Т. 2. С. 73.
29. Метеорология в Китае. Известия ИРГО. 1883; Т. 19. С. 130.
30. Новейшие исследования в Китае по части естественной истории. Известия ИРГО. 1871; Т. 7. С. 417–421.
31. Скачков К.А. О состоянии астрономических наблюдений в Китае. Известия ИРГО. 1872; Т. 8. С. 105–120.
32. Гейнс А.К. О восстании мусульманского населения в Западном Китае. Известия ИРГО. 1866; Т. 2. С. 75–96.
33. Лин-цзе-сюй, виновник первой войны Англии с Китаем. Известия ИРГО. 1870; Т. 6. С. 143–145.
34. Международное право на китайском языке. Известия ИРГО. 1865; Т. 1. С. 136.
35. Экспедиция в Китай Сосновского в 1874 г. Известия ИРГО. 1876; Т. 12. С. 143–154.
36. Попов А.Ф. Рассказ китайца о поездке в Жэ-хэ, летнюю резиденцию китайских богдыханов. Известия ИРГО. 1865; Т. 1. С. 82–98.
37. Первая газета в Амурском крае. Известия ИРГО. 1865; Т. 1. С. 120.

References

1. Blagoder Yu.G. Transformation of the image of China in the consciousness of the Russian pre-revolutionary society. Scientific problems of humanitarian research. 2011; 1. pp. 15-22.
2. Berezovsky M.M. News from a trip to China. Izvestiya IRGO. 1892; Vol. 28. pp. 406-408.
3. From Hankow to Chun-ching. Izvestiya IRGO. 1883; Vol. 19. p.130.
4. Keri A.D. Journey around Chinese Turkestan

- and along the northern border of Tibet. Izvestiya IRGO. 1888; Vol. 24. pp. 41-64.
5. Kraevsky Ya.I. About the Middle Tien Shan. Izvestiya IRGO. 1869; Vol. 5. pp. 100-136.
6. About G.N. Potanin's expedition to China. Izvestiya IRGO. 1885; Vol. 21. p. 86.
7. On the expedition of N.M. Przhevalsky to Tibet. Izvestiya IRGO. 1884; Vol. 20. p. 204.
8. About the expedition of N.M. Przhevalsky to Tibet. Izvestiya IRGO. 1885; Vol. 21. p. 235.
9. Pevtsov M.V. A brief sketch of a journey through Mongolia and Inner China. Izvestiya IRGO. 1880; Vol. 16. pp. 435-457.
10. Pevtsov M.V. The results of astronomical observations to determine the geographical location of places and measurements by a height barometer in northwestern Zhungaria. Izvestiya IRGO. 1889; vol. 25. pp. 97-104.
11. Valikhanov's trip to Kashgar. Izvestiya IRGO. 1868; Vol. 4. pp. 264-287.
12. G. Matveev's trip to Western China. Izvestiya IRGO. 1877; Vol. 13.
13. A trip from Transbaikalia to Amur through Manchuria. Izvestiya IRGO. 1865; Vol. 1. p. 190.
14. Przhevalsky N.M. From Kuldzha to Tien Shan and Lob-nor. Izvestiya IRGO. 1877; Vol. 13. pp. 264-329.
15. Przhevalsky N.M. From Kyakhta to Beijing. Izvestiya IRGO. 1871; vol. 7. pp. 140-149.
16. Severtsov N.A. On the research he carried out in Tien Shan in 1867. Izvestiya IRGO. 1869; Vol. 5.
17. Sorokin N.N. Journey through the Russian Tien Shan in 1884. Izvestiya IRGO. 1885; Vol. 21. pp. 113-130.
18. Sosnovsky Yu.A. Expedition to China in 1874-1875. Izvestiya IRGO. 1876; Vol. 12. pp. 143-175.
19. Sosnovsky. About a trip to China. Izvestiya IRGO. 1876; Vol. 12. pp. 86-106.
20. The expedition of the Grumm-Grzhimailo brothers to the Tien Shan oasis and Lob-nor. Izvestiya IRGO. 1889; Vol. XXV.
21. Russians in Central Asia. Izvestiya IRGO. 1865; Vol. 1. pp. 146-188.
22. Proceedings of members of the Beijing Ecclesiastical Mission. Izvestiya IRGO. 1865; Vol. 1. P.96.
23. The works of E. Bretschneider. Izvestiya IRGO. 1876; Vol. 12. pp. 272-273.
24. Chinese bibliography. Izvestiya IRGO. 1876; Vol. 12. pp. 272.
25. News in Chinese literature. Izvestiya IRGO. 1870; Vol. 6. pp. 29-44.
26. Venyukov M.V. Margaery's journey through China. Izvestiya IRGO. 1876; Vol. 12. pp. 272.
27. Helmersen P.A. About the journey of the Englishman Meadows in Manchuria. Izvestiya IRGO. 1869; Vol. 5. pp. 138-211.
28. Remembrance of Beijing. Izvestiya IRGO. 1866; Vol. 2. p. 73.
29. Meteorology in China. Izvestiya IRGO. 1883; Vol. 19. pp.130.
30. The latest research in China on natural history. Izvestiya IRGO. 1871; vol. 7. pp. 417-421.
31. Skachkov K.A. About the state of astronomical observations in China. Izvestiya IRGO. 1872; Vol. 8. pp. 105-120.
32. Gaines A.K. About the uprising of the Muslim population in Western China. Izvestiya IRGO. 1866; Vol. 2. pp. 75-96.
33. Lin-tse-xu, the culprit of the first war between England and China. Izvestiya IRGO.

- 1870; Vol. 6. pp. 143-145.
34. International law in Chinese. Izvestiya IRGO. 1865; Vol. 1. p. 136.
35. Sosnovsky's expedition to China in 1874. Izvestiya IRGO. 1876; Vol. 12. pp. 143-154.
36. Popov A.F. A Chinese man's story about a trip to Zhehe, the summer residence of the Chinese bogdykhans. Izvestiya IRGO. 1865; Vol. 1. pp. 82-98.
37. The first newspaper in the Amur Region. Izvestiya IRGO. 1865; Vol. 1. P. 120.

Сведения об авторах

Благодер Юлия Гариеvна

Д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории
Кубанский государственный технологический университет
г. Краснодар, ул. Московская, 2
blagoder_1@mail.ru

Гаевская Инна Ивановна

к-т ист. наук, доцент, доцент кафедры истории
Кубанский государственный технологический университет
г. Краснодар, ул. Московская, 2
innagaevskaya@yandex.ru

Руденко Юлия Евгеньевна

Кубанский государственный технологический университет
г. Краснодар, ул. Московская, 2
urudenko132@gmail.com

Information about the authors

Blagoder Yulia Garievna

D.Sc. (History), Docent, Professor of the Department of History
Kuban State Technological University
Krasnodar, Moskovskaya str., 2
blagoder_1@mail.ru

Gaevskaya Inna Ivanovna

Cand.Sc. (History), Docent, Associate Professor of the Department of History
Kuban State Technological University
Krasnodar, Moskovskaya str., 2
innagaevskaya@yandex.ru

Rudenko Yulia Evgenievna

Kuban State Technological University
Krasnodar, Moskovskaya str., 2
urudenko132@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.10.2025.

Принята к публикации: 10.10.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.09.2025

Approved after reviewing 02.10.2025

Accepted for publication 10.10.2025

The legacy of S.E. Malov and his scientific journeys to the Chinese Turkestan (1909–1911 and 1913–1915): on the 145th anniversary of his birth and the 110th anniversary of his expeditions*

Наследие С.Е. Малова и его научные путешествия в Китайский Туркестан (1909–1911 гг. и 1913–1915 гг.): к 145-летию со дня рождения и 110-летию завершения экспедиций**

Валеев Рамиль Миргасимович¹,

Валеева Роза Закариевна², Лю Лицю³,

Мартынов Дмитрий Евгеньевич⁴,

Шарафутдинов Геннадий Раисович⁵

^{1,2,4}Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

⁵Казанский инновационный университет

им. В. Г. Тимирясова, Казань, Россия

³Нанкинский университет науки и технологий, Нанкин, КНР

Автор, ответственный за переписку:

valeev200655@mail.ru

Ramil M. Valeev¹,

Roza Z. Valeeva²,

Liqiu Liu³,

Dmitry E. Martynov⁴,

Gennady R. Sharafutdinov⁵

^{1,2,4}Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

⁵Kazan Innovative University, Kazan, Russia

⁴Nanjing University of Science and Technology, Nanjing, PRC

Corresponding author:

valeev200655@mail.ru

УДК 94(470) | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2025-90-98](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-90-98)

АННОТАЦИЯ

В январе 2025 г. исполнился 145-летний юбилей выдающегося знатока древнетюркских рунических и уйгурских памятников, истории,

ABSTRACT

January 2025 marks the 145th birthday of the renowned expert in ancient Turkic runic and Uighur monuments, history, language, and culture

* The research was conducted with the support of a grant from the Science and Technology Fund of the Republic of Tatarstan for the financing of fundamental and exploratory research and in accordance with the Strategic Academic Leadership Program of Kazan (Volga Region) Federal University. accessed January 21, 2025

** Исследование проведено при поддержке гранта Фонда науки и технологий Республики Татарстан по финансированию фундаментальных и поисковых исследований и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

языка и культуры тюркоязычных народов и уникального педагога-турколога. Истоки его академической биография и классического наследия связаны с двумя известными научными путешествиями в Западный Китай (1909–1911 гг. и 1913–1915 гг.), профессора и члена-корреспондента АН СССР Сергея Ефимовича Малова. В 2025 г. отмечается еще одна памятная дата — 110-летие со дня завершения его туркестанской экспедиции и 104 годовщина нереализованной поездки в третий раз в западный Китай. Научная командировка С. Е. Малова была органично вплетена в историю отечественных и зарубежных научных и гуманитарных исследований и открытий важного геополитического и историко-культурного пространства Центральной Азии конца XIX – первых десятилетий XX в.

Ключевые слова: Россия, Восток, Центральная Азия, Китайский Туркестан, тюркология, С. Е. Малов, научное путешествие.

Для цитирования: Валеев Р.Г., Валеева Р.З., Лю Лицю, Мартынов Д.Е., Шарафутдинов Г.Р. Наследие С.Е. Малова и его научные путешествия в Китайский Туркестан (1909–1911 гг. и 1913–1915 гг.): к 145-летию со дня рождения и 110-летию завершения экспедиций. *Современные востоковедческие исследования* 2025; Том 7 (4). С. 90-98 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-90-98>

of Turkic-speaking peoples, who was also a unique teacher Turkologist. The origins of his academic biography and classical legacy are associated with two famous research journeys to Western China (1909–1911 and 1913–1915) made by the Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences, Professor Malov. In 2025, two more memorable dates are also celebrated in Russia — the 110th anniversary of the scholar's Turkestan expedition and the 104th anniversary of his unrealized third trip to Central China. The scientific mission of S.E. Malov was organically woven into the history of Russian and foreign scientific and humanitarian research, as well as the discoveries of the important geopolitical and historical-cultural space of Central Asia in the late 19th — early decades of the 20th cc.

Keywords: Russia, East, Central Asia, Chinese Turkestan, Turkic studies, S.E. Malov, research journey.

For citation: Valeev R.M, Valeeva R.Z., Liu Liqu, Martynov D.E., Sharafutdinov G.R. The legacy of s.e. Malov and his scientific journeys to the Chinese Turkestan (1909–1911 and 1913–1915): on the 145th anniversary of his birth and the 110th anniversary of his expeditions. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№4). P.90-98 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-90-98>

Введение

В плеяде классиков советской и современной российской и евразийской тюркологии член-корреспондент АН СССР (РАН) (1939 г.) и профессор С. Е. Малов (4 (16) января 1880 г. – 6 сентября 1957 г.)¹ занимает важное место: в летопись науки он вошел как уникальный специалист в области тюркского языкознания, письменных и материальных памятников тюркской цивилизации. В первой половине XX в. российский и советский лингвист, востоковед-тюрколог, крупный специалист в области тюркского языкознания и письменных памятников С. Е. Малов сыграл неоценимую роль в истории отечественной и европейской классической тюркологии, изучения истории и культуры народов Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР.

Результаты

В XIX – начале XX в. востоковедение, в том числе китаеведение и центральноазиатское направление, включая Восточный и Русский Туркестан приобретает подлинно научный, комплексный, просветительский и гуманистический характер. Во многом тюркология, китаеведение и монголоведение были ключевой основой образования и науки о Востоке и Центральной Азии, в том числе о тюркском мире и народах в России и зарубежных тюркских этносах.

Приват-доцент Казанского (в 1916–1922 гг.) и профессор Санкт-Петербургского университетов С.Е. Малов (чл.-корр. АН СССР с 1939 г.) — выдающаяся личность в истории дореволюци-

онной и советской отечественной академической ориенталистики, особенно казанского и санкт-петербургского центров тюркологии и востоковедения. Он сыграл важную роль в изучении истории и культуры древних и современных тюркоязычных государств и обществ Китайского Туркестана и в целом Центральной Азии.

Изучение тюркской цивилизации, ее духовной составляющей в древности, Средневековье и современности органично стало базой его научного и гуманистического творчества, начиная с истоков туркестанских путешествий. Он был одним из родоначальников советской классической тюркологии, в частности классической уйгурстики. С. Е. Малов выполнил свою гуманитарную миссию в социалистическом тюркском языковом строительстве, письменности и литературном языке, а также в развитии новой культуры тюркоязычных народов СССР, России и современных государств Центральной Азии.

В первой четверти XXI в. тема наследия С. Е. Малова, сформулированная его ближайшим учеником Э.Р. Тенишевым (1921–2004), остается актуальной: «Это предмет монографического исследования, включающего и анализ творческого пути ученого, и неторопливое размышление об эпохе и научном деятеле, его характере, интересах и наклонностях» [6, с.26].

В отечественной и зарубежной историографии и науковедении отсутствуют полноценные монографические исследования, фундаментальные труды, связанные с изданием избранных сочинений С. Е. Малова.

¹ Об основных этапах биографии и творчества см. [5][6][8][9].

Академическая и прикладная линия научного и просветительского изучения древних и современных тюркских языков и историко-культурного наследия народов Евразии — ключевая в творчестве С. Е. Малова, начиная с дореволюционного этапа в Казани, Петербурге и полевых исследований. Его наследие — яркое подтверждение глубокого интереса российского государства и общества к этническому и культурному наследию тюркских сообществ Волго-Уральского региона, Сибири, Китайского Туркестана, Западного Китая и в целом Центральной Азии. Особенno выделяются экспедиционные, лингвистические, литературоведческие, историко-этнографические направления изысканий в творчестве С. Е. Малова. Тюркологическое творчество отразило динамичную специализацию академической и прикладной дисциплины, посвященной тюркской этнокультурной общности.

Перспективным остается направление поиска, систематизации и введения в научный и общественный оборот из российских научных, культурных и архивных центров фондов², собраний и материалов, особенно эпистолярного наследия, посвященных биографии и наследию С. Е. Малова и его близких учителей и учеников, коллег-востоковедов и современников. Активная научно-исследовательская, педагогическая и общественная деятельность С. Е. Малова внесла огромный вклад в российскую и европейскую ориенталистику и тюркологию XIX–XX вв. [4].

Академический и общественный статус С. Е. Малова ярко представлен в следующих этапах его профессиональной деятельности, в целом освещенных в разнообразных публикациях: казанский (1880–1904 гг.), санкт-петербургский и экспедиционный (петроградский) (1904–1916 гг.), казанский (1916–1922 гг.) и основной петроградский (ленинградский) (1922–1957 гг.), насыщенный активной преподавательской, научной и общественной деятельностью.

Архивные фонды объективно освещают профессиональный востоковедческий путь С. Е. Малова, который включает следующие должности: помощник библиотекаря тюркского отдела Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук (1909–1915 гг.), приват-доцент Казанского университета (1916–1922 гг.), профессор Высшего института народного образования в Казани (1918–1922 гг.), профессор Северо-Восточного археологического и этнографического института (1917–1921 гг.) и Восточной академии в Казани (1921–1922 гг.), преподаватель (1922–1929 гг.), профессор ЛГУ им. А. А. Жданова (1934–1939 гг., 1945–1948 гг.), профессор Центрального института живых восточных языков в Ленинграде (1923–1927 гг.), профессор Ленинградского восточного института им. А. С. Енукидзе при ЦИК СССР (1927–1938 гг.), старший ученый специалист (1935–1937 гг.), руководитель Кабинета тюркских языков (1937–1951 гг.), заведующий сектором языков народов СССР Института языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР (1951–1957 гг.) и др.

² Особый интерес представляет личный фонд С. Е. Малова в Санкт-Петербургском филиале архива РАН [4]. Фонд поступил в этот академический архивный центр из Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР в 1981 г., будучи передан вдовой С. Е. Малова – А. М. Маловой в 1969 г.

С.Е. Малов стал «деятельным участником трех важных этапов в развитии российской тюркологии»: 1) эпохи В.В. Радлова, когда заметным явлением стало «собирание материалов по тюркским языкам, их публикация, изучение, опыты сравнительно-исторических и сравнительных исследований, классификаций, исследование древних тюркских памятников»; 2) послеоктябрьского периода активного социалистического языкового строительства (создание письменности и литературного языка, подготовка кадров тюркологов, «изучение малоизвестных или неизвестных...тюркских языков» и др.); 3) теоретического и прикладного изучения «отдельных тюркских языков, а также всей семьи» [5, с. 574–575].

Особо выделяется жизненный этап (1904 – 1915 гг.), который включил насыщенные биографические факты и события и становление ученого-востоковеда — профессиональный рост в период учебы на арабо-персидско-турецко-татарском разряде Восточного факультета Санкт-Петербургского университета (становление талантливого воспитанника, 1904–1909 гг.), работа библиотекарем в Музее антропологии и этнографии Российской академии наук, уникальные научные путешествия в Китайский Туркестан и Северо-Западный Китай и формирование базы оригинальных источников (1909–1911 гг. и 1913–1915 гг.) [1, с. 167–175; 7, с. 29–39]. Именно в эти годы в деятельности С. Е. Малова сформировались основы изучения бесписьменных и письменных тюркских языков, исследования и издания

древнетюркских памятников и в целом сравнительно-исторического изучения тюркоязычного духовного наследия Китайского Туркестана и Центральной Азии.

С 1908 г. полевые исследования открыли особую страницу в биографии 28-летнего тюрколога и истории отечественных и европейских тюркологических научных экспедиций в Сибирь. По инициативе академика В. В. Бартольда С. Е. Малов был направлен в экспедицию в Томскую и Енисейскую губернии для сбора и изучения языка и этнографических материалов татар и шорцев³. Данная экспедиция сыграла ключевую роль в подготовке к туркестанским путешествиям 1909 – 1915 гг.

В 1909–1912 гг. путешественник опубликовал свои предварительные уникальные отчеты по итогам путешествия в Северо-Западный Китай и напечатал оригинальные лингвистические, этнографические и источниковедческие статьи, посвященные тюркским народам Синьцзяна — желтым уйгурам, саларам и лобнорцам.

Обращаясь к опубликованному наследию С.Е. Малова по итогам данного периода путешествий, лишь выделим его публикацию в журнале «Живая старина» (1912 г.), посвященную феномену уйгурского шаманства «около городов Суджоу, Готей, Ганьджоу» провинции Ганьсу [2, с. 61–74]. В статье представлена оригинальная этнографическая панорама — легенды о происхождении шаманства у желтых уйгуров, образ шамана, «божества и шаманское

³ В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф.148. оп. 1. Д. 47) сохранился отчет о командировке С.Е. Малова в Томскую губернию в 1908 г.

моление», «священные животные и очищение скота», «поминование предков» и др.

Особый интерес представляют фотографии обыденной жизни желтых уйгур и других жителей Китайского Туркестана. Тема шаманства среди тюркских народов была представлена и в последующие годы в его научной деятельности. Оригинальный комплекс музейного наследия С. Е. Малова составляет разнообразный материал его предметной (вещевой), визуальной и письменной коллекции в Кунсткамере⁴ и в других научных и культурных центрах России.

Самым бесценным научным открытием С. Е. Малова по итогам путешествий стало приобретение, а в дальнейшем и публикация совместно с академиком В. В. Радловым буддийского памятника в уйгурском переводе «Сутра золотого блеска» (буддийский священный текст махаяны) в 8 томах. Это исследовательское событие стало важным рубежом в истории отечественной и зарубежной уйгуристики и тюркологии.

С X в. этот письменный памятник был известен в уйгурской версии как «Алтун ярык». Сегодня своеобразным рубежом в научной биографии С. Е. Малова и в истории российской и европейской тюркологии и уйгуристики остается открытие и приобретение различных частей списка данной рукописи в селении Вуншигу (провинция Ганьсу) в марте 1910 г. Эти списки рукописи «Алтун ярык» были особо важны как памятник домусульманской буддийской

культуры тюрков, написанный на уйгурском языке. В 1913–1917 гг. С. Е. Малов совместно с академиком В. В. Радловым напечатали тексты уйгурского памятника, став первооткрывателями в мировой тюркологии и туркестанских научных открытий начала XX в.

Путешествия С.Е. Малова в Китайский Туркестан, организованные «Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях» (1903–1923 гг.), совпали с известными туркестанскими экспедициями С.Ф. Ольденбурга (1909–1910 гг., 1914–1915 гг.) и других европейских учёных.

Несомненный интерес для дальнейшего изучения представляют экспедиционные материалы, хранящиеся в личном фонде С. Е. Малова в Санкт-Петербургском филиале архива РАН: это фольклорные, лингвистические и этнографические записи, сделанные во время экспедиций по Туркестану (1910–1914 гг.), отчеты об экспедициях в Кашгарию (1915 г.) и др.

Профessor С.Е. Малов в рукописи 1949 г., оценивая итог научной экспедиционной деятельности (только в 1967 г. эта рукопись была опубликована его учеником Э.Р. Тенишевым) [3] писал: «Я счастлив, что являюсь первым тюркологом, бывшим у желтых уйгур и изучившим их языки. Это уже одно составляет большую ценность, позволяю думать, моих записей, не касаясь их качества. Если же принять во внимание, что среди почти всех довольно

⁴ В фондах Кунсткамеры представлены онлайн уникальные фотоколлекции (всего 111) периода экспедиций С.Е. Малова, посвященные уйгуром, саларам, доланам и лоптукам. См.: Малов Сергей Ефимович (04 (16)

сходных между собой тюркских языков язык желтых уйгуров, впервые попадающий в научный обиход, представляет крупные особенности...» [3, с. 5–6].

Творчество и наследие С. Е. Малова следует оценить как эпоху в истории российской и мировой тюркологии. Его деятельность в дореволюционный и советский периоды олицетворяла феномен комплексной и междисциплинарной тюркологической науки и центрально-азиатских штудий, имеющей огромное научное, прикладное и духовное значение. Сегодня особенно актуален человеческий и научный подвиг профессора С. Е. Малова в исследовании историко-культурного пространства Евразии.

Литература

1. Воробьев-Десятовский В.С. Коллекция тибетских документов на дереве, собранная С.Е. Маловым // Ученые записки Института востоковедения. – Том VI. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1953. – С. 167–175. – URL: https://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_publications&Itemid=75&pub=380
2. Малов С.Е. Остатки шаманства у желтых уйгуров // Живая старина. – 1912. – Т. XXI. Вып. 1. – С. 61–74. – URL: <http://antropollogica.com/pdf/malov.pdf>
3. Малов С.Е. Язык желтых уйгуров. Тексты и переводы / Ответ. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, ГРВЛ, 1967. – 219 с.
4. Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПб АРАН). Ф. 1079.
5. Сергей Ефимович Малов. Некролог. Библиография основных работ С.Е. Малова / Е.И. Убяярова // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. – 1957. – Т. XVI. Вып. VI. – С. 574–578.
6. Тенишев Э.Р. С.Е. Малов – исследователь современных тюркских языков // Тюркологический сборник. 1975. – М.: Наука, ГРВЛ, 1978. – С. 26–33. – URL: https://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/journals/p_ts_1975_1978_03_tenishev.pdf
7. Vorobyova-Desyatovskaya M. I. The Malov Collection of Manuscripts in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies // Manuscripta Orientalia. – St. Petersburg – Helsinki, 1995. – Vol. 1. № 2. October. – P. 29–39. – URL: https://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/journals/p_mo_1_2_1995_05_vorobyova-desyatovskaya.pdf
8. Малов Сергей Ефимович // Биобиблиографический словарь отечественных тюр-

Vol. 7: <https://www.ximalaya.com/sound/809850640> (Дата обращения: 15.09..2025)

Vol. 8: <https://m.ximalaya.com/sound/809687782> (Дата обращения: 15.09.2025)

Видео-спецпроект: <https://m.ximalaya.com/sound/864797882> (Дата обращения: 15.09.2025)

Vol. 9: <https://m.ximalaya.com/sound/809861968> (Дата обращения: 15.09..2025)

Видео-спецпроект: <https://m.ximalaya.com/sound/872685247> (Дата обращения: 15.09..2025)

кологов : дооктябрьский период / под ред. и с введ. А.Н. Кононова. 2-е изд., перераб. – М.: Наука, 1989. – С. 154–155.

9. Малов С. Е. // Милибанд С.Д. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. 2-е изд., перераб. и доп. Кн. II: М–Я. – М.: Наука, 1995. – С. 16–18.

References

1. Vorob'ev-Desyatovskij V.S. Kollekciya tibetskikh dokumentov na dereve, sobrannaya S.E. Malovym // Uchenye zapiski Instituta vostokovedeniya. – Tom VI. – M.-L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1953. – S. 167–175. – URL: https://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_publications&Itemid=75&pub=380
2. Malov S.E. Ostatki shamanstva u zheltyh ujgurov // ZHivaya starina. – 1912. – T. XXI. Vyp. 1. – С. 61–74. – URL: <http://antropologica.com/pdf/malov.pdf>
3. Malov S.E. YAzyk zheltyh ujgurov. Teksty i perevody / Otvet. red. E.R. Tenishev. –M.: Nauka, GRVL, 1967. – 219 s.
4. Sankt-Peterburgskij filial arhiva RAN (SPb ARAN). F. 1079.
5. Sergej Efimovich Malov. Nekrolog. Bibliografiya osnovnyh rabot S.E. Malova / E.I. Ubryatova // Izvestiya AN SSSR. Otd. literatury i yazyka. – 1957. – T. XVI. Vyp. VI. – S. 574–578.
6. Tenishev E.R. S.E. Malov – issledovatel' sovremennyyh tyurkskikh yazykov // Tyurkologicheskij sbornik. 1975. – M.: Nauka, GRVL, 1978. – S. 26–33. – URL: https://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/journals/p_ts_1975_1978_03_tenishev.pdf
7. Vorobyova-Desyatovskaya M. I. The Malov Collection of Manuscripts in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies // Manuscripta Orientalia. – St. Petersburg – Helsinki, 1995. – Vol. 1. № 2. October. – P. 29–39. – URL: https://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/journals/p_mo_1_2_1995_05_vorobyova-desyatovskaya.pdf
8. Malov Sergej Efimovich // Biobibliograficheskij slovar' otechestvennyh tyurkologov : dooktyabr'skij period / pod red. i s vved. A.N. Kononova. 2-е изд., перераб. – М.: Nauka, 1989. – S. 154–155.
9. Malov S. E. // Miliband S.D. Biobibliograficheskij slovar' otechestvennyh vostokovedov s 1917 g. 2-е изд., перераб. i dop. Kn. II: M–YA. – M.: Nauka, 1995. – S. 16–18.

Сведения об авторах

Валеев Рамиль Миргасимович,

докт. ист. наук, профессор

кафедра китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований

Казанский (Приволжский) федеральный университет

valeev200655@mail.ru

Валеева Роза Закареевна,

канд. пед. наук, доцент

декан факультета иностранных языков и межкультурной коммуникации, зав.

кафедрой иностранных языков в профессиональной сфере

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова

valroz@inbox.ru

Лю Лицю,

канд. ист. наук, доцент

Нанкинский университет науки и технологий (КНР)

liqiu_2018@163.com

Мартынов Дмитрий Евгеньевич,

докт. ист. наук, профессор,

кафедра китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований

Казанский (Приволжский) федеральный университет

dmitrymartynov80@mail.ru

Шарафутдинов Геннадий Раисович,

кафедра иностранных языков в сфере международных отношений Казанский (Приволжский) федеральный университет

genesharafut@mail.ru

Information about the Authors

Ramil M. Valeev,

Doctor of Sciences (History), Professor

Department of Sinology and Asian-Pacific Studies

Kazan (Volga Region) Federal University

Ramil.Valeev@kpfu.ru

Roza Z. Valeeva,

Candidate of Pedagogical Sciences,

Associate Professor,

Dean, Faculty of Linguistics and International

Communication

Kazan Innovative University

valroz@inbox.ru

Liqiu Liu,

Candidate of Historical Sciences, Assoc. Prof.

Nanjing University of Science and Technology (China)

liqiu_2018@163.com

Dmitry E. Martynov,

Dr. Sc., Professor

Department of Chinese and Asian-Pasific Studies

Kazan (Volga region) Federal University

dmitrymartynov80@mail.ru

Gennady R. Sharafutdinov,

Cand. Sc. (History)

Department of Foreign Languages in the Field of International Relations,

Kazan (Volga Region) Federal University

genesharafut@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.10.2025.

Принята к публикации: 10.10.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.09.2025

Approved after reviewing 02.10.2025

Accepted for publication 10.10.2025

**BRICS in search of renewable energy sources
(China, India and South Africa).**

**БРИКС в поисках возобновляемых источников энергии
(на примере КНР, Индии и ЮАР)**

**Гришин Яков Яковлевич,
Балакин Дмитрий Александрович**
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
Автор, ответственный за переписку:
dimbalakin73@gmail.com

**Yakov Ya. Grishin,
Dmitry A. Balakin**
Kazan (Volga region) Federal University, Russia
Corresponding author:
dimbalakin73@gmail.com

УДК 327.8 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2025-99-111](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-99-111)

АННОТАЦИЯ

В последнее время много разговоров идет о так называемой зеленой энергетике», которую климатические лоббисты навязывали по всему миру. Нанося тем самым значительный ущерб национальным интересам особенно малых стран. Что было положено в основу данной энергетики? Ничто иное как категорический отказ от традиционных источников энергии. Причем все усилия направлялись в первую очередь на то, чтобы освободиться от российской зависимости в поставках углеродов. Точка отсчета начинается с 2014 г. Так называемая «зеленая революция» коснулась и США. Трамп, не успев стать вторично ее президентом, делает заявление о чрезвычайной энергетической ситуации в стране для того, чтобы нарастить

ABSTRACT

Recently, there has been a lot of talk about the so-called green energy, which climate lobbyists have been pushing around the world. Thereby causing significant damage to the national interests of especially small countries. What was the basis of this energy? Nothing more than a categorical rejection of traditional energy sources. Moreover, all efforts were aimed primarily at getting rid of Russian dependence on carbon supplies. The starting point begins in 2014. The so-called "green revolution" has also affected the United States. Trump, before becoming its president for the second time, makes a statement about the emergency energy situation in the country in order to increase mining and thereby lower energy prices, that is, we are talking about oil, gas, coal, which

добычу полезных ископаемых и тем самым снизить цены на энергоносители, то есть речь идет о нефти, газе, угле, которые сторонники «зеленой революции» считали страшнейшим злом. Им делается шаг в поддержку реального сектора экономики. Одновременно Трамп подписывает указ о выходе из Парижского соглашения 2015г. Что интересно, США все время активно стимулировали Европу в использовании ВИЭ (в первую очередь солнечную и ветровую энергию). Но сами в эту авантюру влезать не торопились, хотя при Байдене климатическое лобби толкало страну в том направлении. Возникает вопрос. Что делать? Либо слепо следовать указаниям Брюсселя, либо в интересах национальной экономики использовать традиционные источники энергии и одновременно заниматься, где это возможно ВИЭ. Это особенно касается развивающихся стран, которые Запад опутал своими сетями, проводя неоколониалистскую политику в собственных интересах. Ему удалось сохранить с 60-х годов XX века контроль над своими бывшими владениями, изменив лишь форму подчинения. Сторонников «зеленой энергетики» вроде можно и понять. Они как бы проявляют заботу о сохранении окружающей среды. И переход к ВИЭ позволит решить эту проблему. Но десятилетний опыт на практике показал, что этот путь нелегкий, да и дорогостоящий. Тем не менее, учитывая все большее и убыстряющееся сокращение невозобновляемых источников энергии, за счет их исчерпания, жизнь заставляет искать им альтернативу: гидроресурсы, атомная энергетика, биоресурсы, солнечная и ветровая энергия. Есть понимание, что ВИЭ в будущем

supporters of the "green revolution" considered the worst evil. They are taking a step towards supporting the real sector of the economy. At the same time, Trump signs a decree withdrawing from the 2015 Paris Agreement. Interestingly, the United States has been actively encouraging Europe to use renewable energy sources (primarily solar and wind energy). But they were in no hurry to get involved in this adventure, although under Biden the climate lobby was pushing the country in that direction. A question arises. What to do? Either blindly follow the instructions of Brussels, or in the interests of the national economy, use traditional energy sources and at the same time engage in renewable energy wherever possible. This is especially true of developing countries, which the West has entangled in its networks, pursuing a neo-colonialist policy in its own interests. He managed to maintain control over his former possessions since the 60s of the XX century, changing only the form of subordination. Supporters of "green energy" can be understood. They seem to be concerned about preserving the environment. And the transition to renewable energy sources will solve this problem. But ten years of practical experience has shown that this path is not easy and expensive.

Nevertheless, given the increasing and accelerating reduction of non-renewable energy sources due to their exhaustion, life forces us to look for alternatives to them: hydro resources, nuclear energy, bioresources, solar and wind energy. There is an understanding that renewable energy sources will play an increasingly important role in supplying a country with electricity in the future. All BRICS members are more or less engaged in the search for new renewable energy sources,

будут играть все большую роль в снабжении той или иной страны электроэнергией.

Все члены БРИКС в той или иной степени занимаются поиском новых возобновляемых источников энергии несмотря на то, что на этом пути стоит немало проблем. Об этом мы и поведем речь в данной статье, делая упор на солнечную и ветровую энергетику.

Ключевые слова: международные отношения, возобновляемые источники энергии, БРИКС, солнечная и ветровая энергия, декарбонизация, Индия, КНР, ЮАР.

Для цитирования: Гришин Я.Я., Балакин Д.А. БРИКС в поисках возобновляемых источников энергии (на примере КНР, Индии и ЮАР). *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (4). С. 99–111 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-100-111>

В 5 странах БРИКС работают в сфере ВИЭ. Интересующие нас солнечная и ветровая энергия развиваются усиленными темпами. Их мощности превосходят ЕС и США вместе взятые. На первом месте находится КНР из-за большого прироста. Здесь ежегодное развитие намного превышает развитие Запада.

Вообще Китай лидирует в мире по электроэнергии, производя более 6143 млрд. квтч. Естественно, пока на ведущих позициях находятся угольные ТЭС (более 800 ГВт), далее ГЭС (280 ГВт). Самая мощная гидростанция в мире построена в КНР под названием «Три ущелья» (Синься) на реке Янцзы (провинция Ху-

despite the fact that there are many problems along the way. This is what we will talk about in this article, focusing on solar and wind energy.

Keywords: international relations, renewable energy sources, BRICS, solar and wind energy, decarbonization, India, China, South Africa.

For citation: Grishin Ya.Ya., Balakin D.A. BRICS in search of renewable energy sources (China, India and South Africa). *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№4). P.99-111 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-100-111>

бей). Ее установленная мощность превосходит все построенные АЭС. Она равна 22,55 ГВт. Атомные же станции дают 15,7 ГВт.

Если же говорить об ВИЭ, то по установленным мощностям страна занимает первое место в мире — 1161 ГВт (ЕС – 507 ГВт, США -352 ГВт). Ветровая энергия составляет 91,4 ГВт, более чем в 5 раз превосходит с 2012 г. АЭС. По этому показателю уже в 2010 г. КНР опередила США и стала лидером по установленной мощности ветрогенераторов, пройдя порог 40 ГВт.

В конце 2024 г. в КНР сошел с конвейера в городском округе Яньчэн (провинция Цзянсу, Восточный Китай) самый мощный в мире

плавучий ветрогенератор мощностью 20 МВт. Диаметр ротора ветротурбины, самостоятельно разработанной КНР, достигает 260 метров. А ее ометаемая площадь — 55,1 тыс. кв.м. (Это 7 стандартных футбольных полей).

Среднегодовая выработка электроэнергии новой установкой может достигать 62 млн. КВт ч. Этого достаточно, чтобы обеспечивать электричеством 37 тыс. семей в течение года. Причем это новый генератор позволит ежегодно экономить 25 тыс. тонн стандартного угля и сокращать выбросы углекислого газа на 62 тыс. тонн. Благодаря полупогруженной плавучей платформе и системе швартовки ветрогенератор способен распространить сферу выработки ветроэнергии на более широкое морское пространство.

Установка может быть размещена в районах с различной морской глубиной, обеспечивая наилучшие решения для освоения глубоководных ветроэнергетических ресурсов.

Что касается солнечной энергии, то здесь показатели скромнее. Тем не менее ее вырабатывается больше в течение 3 лет, чем атомными станциями и составляет 18 ГВт.

В КНР начинают осваивать океан. Здесь запущена первая в мире промышленная плавучая электростанция, размещенная на морской воде. Она демонстрирует, что границы использования солнечной энергии можно расширять. Проект реализован в Циндао (провинция Шаньдун) на площади более 60000 кв.м. Мощность станции 7,5 МВт. Она установлена прямо на поверхности морской воды и уже начала давать электричество. Солнечные панели крепятся на

плавучих платформах способных выдерживать высокие волны и устойчиво работать при сильном ветре. Инфраструктура СЭС защищена от коррозии и оборудована системой дистанционного мониторинга. Это позволяет контролировать работу станции в режиме реального времени. Морская вода охлаждает солнечные панели, позволяя повышать генерацию на 5-8% по сравнению с традиционными установками на суше. В 2024 г. общая выработка энергии солнца и ветра составила 18,5% общего баланса.

В этом же году в КНР принимается Закон об энергии. В соответствии с ним государство поддерживает приоритетное развитие и использование ВИЭ. Вводится в эксплуатацию система накопления энергии (без учета ГАЭС) общей мощностью 42,37 ГВт. Это больше, чем было построено за все предыдущие годы. Появляются тепловые аккумуляторы способные хранить тепло неделями. Как очевидно. КНР является сторонником энергоперехода на ВИЭ, проявляя при этом разумный подход.

В Индии, как и КНР также проявляется большой интерес к ВИЭ. Здесь еще в 70-е годы XX в. начались исследования их ресурсов, чтобы сократить зависимость от ввода ископаемого топлива. А в 80-годы в стране ВИЭ стали заниматься уже валютную.

В 1992 г. в Индии (первой в мире) создается Министерство нетрадиционных источников энергии. (с 2006 г. Министерство новой и возобновляемой энергии). В первую очередь внимание обращается на энергию солнца. Ее посчитали самой дешевой в мире. Следовательно, она должна стать приоритетным

направлением в производстве электричества. Стимулом развития солнечной энергии в Индии стал 2010 г., когда запускается Национальная солнечная миссия им. Д. Неру. В ней имелось задание на 10 лет — подключить к сети солнечной энергии 20 ГВт. Оно претворяется в жизнь уже в 2018 г. Через год в стране создается Национальный фонд чистой энергии. В его рамках Индийскому агентству по развитию ВИЭ и при участии банков выдаются кредиты на проекты. Процент ставки составлял 10-11%, что было на 2-3% меньше рыночного.

В 2014 г. появляются проекты сверхмегапарков солнечной энергии. Каждый из них должен был иметь мощность 500 ГВт. Как правило он представляет большую земельную территорию, на которой располагаются инфраструктурные объекты. В 2015 г. утверждается Национальная политика в области офшорной (прибрежной) ветровой энергии.

Осенью сего года в Дели проходит Индо-Африканский саммит. На нем премьер-министр Моди выдвигает предложение создания Международного солнечного альянса, которое поддерживается. Он начинает действовать как международная, межправительственная организация со штаб-квартирой Гу-ругром, вблизи Дели. Задача ее — мобилизация к 2030 г. 1 трлн. дол. для инвестиций. Индия внесла 1 млрд. рупий в качестве первоначального фонда Альянса, который поддержала 121 страна.

С учетом потребности в обеспечении доступности энергоносителей, в том числе в энергетически бедных регионах страны, в Индии в 2015-2016 гг. реализуется проект «Зеленый

энергетический коридор», подразумевающий создание разветвленной инфраструктуры для транспортировки электроэнергии от объектов генерации на основе ВИЭ в семи индийских штатах [Government of India, 2023 с.]. Проект намечалось закончить в текущем (2025) году. Весной 2020 г. Моди провозглашает национальную программу «Самостоятельная, самодостаточная Индия», что не означало замыкание от всего мира. В 2021 г. появляется проект стимулирования производства солнечных модулей (602 млн. дол.). Одним из действенных стимулов являлось освобождение от таможенной пошлины на импортное оборудование.

В 2022 г. реализация многих проектов откладывается из-за задержки поставок и нехватки материалов. Тем не менее в бюджет на вышеозначенный год показатель увеличили до 100 ГВт. Компании, покупающие солнечную энергию, получили от Центрального правительства компенсации в виде определенного процента более дорогой электроэнергии, получаемой за счет угля.

Как показал опыт Индии, выгоднее строить солнечные парки. В марте 2023 г. ее правительство одобрило возведение семи таких парков общей мощностью 3730 МВт. «Было заявлено о намерении добавлять по 50 ГВт мощностей возобновляемых источников энергии ежегодно в течение пяти лет и достичь цели в 500 ГВт мощностей возобновляемых источников энергии к 2030г.» Таким образом, на практике стал осуществляться проект, созданный в 2014 году.

Вместе с 25 солнечными парками планируется создание солнечных городов. Всего их

должно быть 60. Этот грандиозный проект осуществляется в пустынных районах Южной и Центральной Индии. Одним из крупнейших парков является Бходла в Раджостхане (мощность 2245 МВт на площади свыше 5700 га (14000 акров) в пустыне Тар. Запущенный в 2015 г. он играет важную роль в стратегии Индии по развитию ВИЭ. Для его создания потребовалось свыше 10 млн. фотоэлектрических панелей. При его сооружении создается около 10 тыс. прямых и косвенных рабочих мест во время строительства и эксплуатации. А также улучшается качество и надежность электроснабжения в регионе. Однако возведение таких объектов тормозит нехватка площадей. Они становятся дефицитом. Все чаще возникают конфликты с местным населением, сельхозпроизводителями.

В Индии земли находятся в ведении штатов, где имеют место бюрократические механизмы. Процесс оформления занимает 6-9 месяцев. В ряде штатов в отношении распределения земли отсутствует федеральная политика. Отсюда появляется необходимость переноса СЭС на реки и водохранилища, на приграничные каналы, строительства их на плаву. Причем плавающие станции имеют как свои плюсы, так и минусы. К плюсам относится использование новых технологий. Благодаря охлаждению производительность панелей повышается на 12,5%. Испарение воды водоема снижается на затененности, препятствует возрождению водорослей.

К минусам следует отнести высокую стоимость СЭС. Она выше стоимости на 50% наземных станций, усложняется их техобслуживание.

Контакт модуля и кабеля с водой влечет риск коррозии металла. Помимо нехватки площадей, как мы уже видели, существует импортная зависимость от технологий, прежде всего китайских. Чтобы ее решить вводится схема производственного стимулирования, в соответствии с которой следует развивать отечественное производство. Необходимо решать и проблемы пошлин на модули, комплектующие детали. Не всегда распределительные компании, без указания причин, используют энергию из ВИЭ, а отдают предпочтение ТЭС с более дешевой энергией, что ведет иной раз к падению интереса к реализации части новых проектов в сфере ВИЭ.

И тем не менее солнечная и ветровая энергия в Индии получат свое развитие. Формируется и институциональная система стимулирования внедрения ВИЭ бизнесом. «В феврале-мае 2023 г. Индийское агентство по развитию возобновляемых источников энергии и Министерство новых и возобновляемых источников энергии осуществили ряд мер, в частности снижение регуляторных, административных и финансовых барьеров для производителей солнечных фотоэлектрических модулей, направленных на наращивание внутреннего производства солнечных фотоэлектрических модулей». В 2023 г. в стране было добавлено более 24,5 ГВт солнечной энергии. Однако львиная доля выработки энергии в стране приходится на ТЭС, работающих на угле, а их доля выбросов составляет 70%. Тем не менее количество использования угля растет. В 2022 г. оно составляло 73,1%, что на 12,4% больше 2021 г. Вместе с тем у ТЭС, работающих на ископаемом топливе, производительность выросла на

11,2% (самые высокие темпы за три последних десятилетия).

Если КНР преуспела в развитии возобновляемых источников энергии (особенно солнечной и ветровой), Индия стремится к этому (не без труда), то ЮАР не может в этом похвастаться. В 2018 г. здесь ВИЭ дали 11% энергии. Угольные ТЭС — 65%, нефть — 18%, газ — 3%. АЭС — 2%, геотермальные источники — 1%.

Дело в том, что Запад проявил к этой стране, которая занимает первое место в Африке и седьмое в мире по добыче угля, коварство и ложь. И тем не менее она сталкивается с дефицитом, причем остройшим, нехватки электроэнергии. Его масштабы таковы, что в первой половине февраля 2023 г. президент страны Рамофоса вынужден был ввести режим национального энергобедствия. Возникает простой вопрос. Почему? Ведь ЮАР имеет ТЭС на угле, которая почти полностью закрывает энергопотребности страны. Одна лишь государственная компания «Эском» обеспечивает потребности в энергии 90% и 30% энергии на африканском континенте. Ответ на него тоже не сложный. Руководство ЮАР поддалось льстивым, а как оказалось чуть позже, желчным уговорам Запада о переходе на ВИЭ. И начиная с 2010 года идет сокращение инвестиций в угле-промышленную структуру, а также на модернизацию электростанций. По своей глупости оно отказалось от своего конкурентного преимущества — угольной промышленности и ТЭС.

Результат не замедлил себя ожидать. Экономика ЮАР, как ведущая на континенте, в 2012 г. уступила свои позиции Нигерии. Де-

градация угольной промышленности была рукоизборной. К ней следует добавить жесткие ограничительные меры в период пандемии. Все это, по сути дела, остановило флагмана экономики ЮАР, ее горнорудную промышленность. Фактически руководство страны, кинувшись в углеродную нейтральность, похоже было на своеобразного самоубийца, если иметь в виду структуру производства энергии страны. Несмотря на все старания энергоперехода в 2023 г. выработка электроэнергии на 84,1% падала на уголь, 4,2% на ядерную энергетику (АЭС «Куберг»), на ТЭС — 3,1%, на нефть- 1,7%. На ВИЭ же пришлось около 7% (4,1% ветер, 2,7%- солнце). И это в такой солнечной стране как ЮАР.

На что польстилось руководства ЮАР? В 2021 г. на конференции ООН по вопросам изменения климата в Глазго оно заявило о переходе страны в зону «зеленой энергетики».

В ее ходе так называемая Группа международных партнеров (ГМП) (ЕС. Франция, Германия, Великобритания, США) взяли на себя обязательство выделить 8,5 млрд. долл. на энергопереход. Энергопереход закрепляется в 2022 г. (ноябрь) на КС-27 в Египте. Президент ЮАР Рамофоса передает главам правительств из ГМП инвестиционный план справедливого энергоперехода. Т.е. это была своеобразная дорожная карта.

Через год в Дубае (КС-28) План, представленный ЮАР, получает одобрение. Здесь к ГМП присоединяются Дания и Голландия в силу чего обязательства Запада вырастают до 11,6 млрд. долл. Кроме того, на Конференции утверждают Регистр грантов справедливого

энергоперехода. В нем отслеживается как были потрачены средства, выделяемые на цели энергоперехода. В 2024 г. дополнительные взносы внесли Испания, Швейцария и Канада, что увеличило размер обязательств до 13.9 млрд. долл. Много ли это или мало? Если учитывать необходимость строительства ЛЭП (14. тыс. км), а также потребности в аккумуляторных батареях для хранения энергии в те периоды, когда отсутствует солнце и ветер, то общая стоимость энергоперехода (по оценкам специалистов) возрастает до более 100 млрд. долл. Т.е. 13.9 млрд. долл., представленные Западом покрывают не такую большую долю требуемых средств. Где взять остальные — 87 млрд. долл.? Запад советует поискать их у инвесторов. Плюс он даже заявленные средства не предоставлял в полном объеме. До сих пор в стране строили в год не более 1,4 тыс. км ЛЭП. По простому расчету ЮАР потребуется 10 лет (как минимум) при наличии финансовых средств, чтобы покрыть всю страну сетью ЛЭП.

Возникает еще один вопрос. Что делать в так называемый переходный период домохозяйствам и промышленным предприятиям? 13% южноафриканцев не имеют доступа к электричеству. У переходного проекта есть гранты, причем бесплатные и безвозмездные. Но вся беда в том, что они составляют лишь 6% финансирования энергоперехода ЮАР. Посмотрим по странам. У Франции они занимают 0.4%. у Великобритании — 2%, у ЕС — 8,7%, у Германии — 15,9%. Полученные льготные, коммерческие и экспортные кредиты требуется возвращать. При этом с процентами — что составляет 94% всего финансирования.

Отсюда вытекает простой вывод. Запад финансирует ЮАР не с позиций благотворительности, а с позиций алчности и корысти. Гранты с лихвой перекрываются процентами по кредитам. Западники не плохо загребают на их «благотворительности», на «защите природы». Интересно отметить, что кредиты на энергопереход, выдаваемые ЮАР, сразу же возвращаются в страны, которые их ссудили. Так, в Германии получателем средств являются (часто) немецкий госбанк (KFW). Американцы переправляют деньги аудиторской и консалтинговой компании «Делойт», а также национальным лабораториям Минэнерго страны. Дания помогает конфедерации Датской промышленности, Датскому энергетическому агентству, Датскому техническому университету и т.д.

Вызывают вопросы и цели, на которые тратятся деньги. Приходящие инвестиции не идут на строительство инфраструктуры для ВИЭ. Ведь можно построить «ветряк» или солнечную панель, а как обойтись без ЛЭП, которых, как мы уже показали, не хватает. А существующая инфраструктура заточена на передачу угольной энергетики, которая концентрируется в других районах ЮАР.

Вместе с тем финансирование с лихвой идет на «Консультативные услуги», разработку стратегии энергоперехода и т.д. Многие проекты находятся на первоначальной стадии. От Запада идут многочисленные обещания, а в стране происходят веерные отключения электричества. Ежедневные издержки исчисляются в 51 млн. долл.

Безумные шаги привели к таким плачевным результатам. А ведь в ЮАР хорошо работает

АЭС «Кубег». Сегодня энергия атома переживает второе рождение, ибо это источник, причем мощнейший бесперебойной выработки электроэнергии, плюс к тому чистой. В данном случае возникает вопрос: есть ли выход из создавшегося положения? Конечно есть. Однако здесь требуется политическая воля руководства страны, наличие иного партнера, а также инвестиций в необходимых размерах.

А партнером у ЮАР может быть Россия, которая никогда не отворачивалась ни от угольных, ни от атомных электростанций. Тем более она имеет уникальный опыт строительства АЭС и модернизации ТЭС. Отметим, что российские компании одни из первых в мире занимаются модернизацией электростанций на угле. У нас есть высококвалифицированные кадры энергетиков способных обучать партнеров, в том числе и африканских. Однако нужна четкая стратегия работы в Африке, с привлечением специалистов африканцев. А также широкомасштабные меры гос. поддержки. Кроме того, необходимо изучать опыт КНР на африканском направлении. Буквально за 20 лет она превратилась в основного торгового партнера континента и входит в число основных инвесторов. Секрет очень прост. Руководящая роль КПК, многое взявшая из опыта СССР.

«Вот и нам не грех опереться на достижения наших великих предков. Тем более в Африке помнят о решающем вкладе Советского Союза в победу Национально-освободительных движений» - подчеркивает М. Образцова.

Приводимые примеры говорят об определенных достижениях в первую очередь КНР,

Индии в сфере солнечной и ветровой энергии.

Вместе с тем у ВИЭ имеются и недостатки. Во-первых, низкий коэффициент использования установленной мощности, во-вторых, очень низкая плотность энергии и которая не годится для промышленности, только для домохозяйств, в-третьих, пока еще не созданы технологии аккумулирования, которые позволили бы держать энергию свыше 24-40 часов, хотя разработки в этом направлении ведутся. ВИЭ не обеспечивает стабильность снабжения энергией. А тем более теплом. Они пока не могут заменить традиционные источники, уступают им. И жизнь заставляет вновь обращаться к углю, газу, нефти, атомной энергии. Специалисты считают, что в ближайшие годы «зеленая энергетика» не сможет заменить традиционную.

Тем временем население в разных регионах планеты сталкивается с нехваткой электроэнергии. На сегодня более 1 млрд. человек не имеет постоянного доступа к простой электрической лампочке. В немалой степени на это повлияло и усугубило ситуацию Парижское соглашение по климату 2015 года. В соответствии с ним следовало закрывать тепловые станции, работающие на угле и заменять их ВИЭ, становиться участником «зеленой революции».

Однако для осуществления на первый взгляд благого пожелания требуется время и не малое, необходим переходный период. 10 прошедших лет показали, что «зеленая энергетика» не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Ибо на ее пути стоит немало проблем, препятствий о которых мы уже частично вели речь и поведем ее далее.

Как известно, для производства солнечной и ветровой энергии, необходимы редкоземельные металлы и другие полезные ископаемые: в том числе никель, кобальт, цинк, фосфор, кремний, литий, добыча которых совсем не безвредна. Таким образом, увеличение их производства ведет одновременно к росту и негативных явлений, влияющих на окружающую среду. Возьмем Южную Америку, здесь в ряде стран компании, производящие литий, расходуют воду, что ставит под угрозу местную флору и фауну, а также и сельское хозяйство. Есть данные ООН: чтобы произвести 1 тонну лития здесь путем извлечения и обработки рассола требуется почти 2 тыс. тонн воды, в том числе пресной. Для производства кобальта также требуется большое количество воды и энергии. 70% его добывают в Конго, цепочки поставок из этой страны неустойчивые в силу сложной внутренней обстановки. Помимо всего литиевые аккумуляторы не прочны, их хватает ненадолго, и емкость которых со временем снижается. Для ВИЭ необходима также медь, а она подорожала на 70%, транспортные же расходы возросли в 5 раз.

Непростой вопрос для развития солнечной и ветровой энергии это комплектующие. Они в дефиците. Приходится их приобретать за рубежом. Удовольствие от этого не дешевое. В Индии, например, в 2015-2020 годах стоимость импортного оборудования только для СЭС составила 12,93 млрд. долл. Закупки делались в КНР и составляли 85% потребностей. Отсюда задача – снижение импортной зависимости в первую очередь за счет отечественного производства. Чем в последнее время и занимаются в стране.

При развитии солнечной и ветровой энергии следует иметь в виду, что оборудование СЭС и ВИЭ изнашивается со временем и требуется замена турбин, солнечных панелей и т.д. Возникает вопрос об утилизации изношенного оборудования. Турбины ветряков на 90% поддаются переработки. Но стекловолоконные лопасти либо отправляют на свалку, либо сжигают. Они могут превышать 100 м в длину и составляют большую часть отходов ветрогенераторов. Если взять солнечные панели, то они не перерабатываются, ибо их сложно разбирать, а входящие в их состав литиевые батареи практически не поддаются переработке. На свалках их скапливается сотни тонн. Идет поиск оптимальных вариантов. Так лопасти турбин начинают делать из бальсы, а сердечники лезвий из синтетической пены, что обходится дешевле.

Кроме того, считается, что чем больше ветряки сильнее ветер, тем больше можно получить энергии. Поэтому стали нередко строить т.н. ветропарки. То есть на определенной территории концентрируется значительное число ветряков. Однако их эффективность зависит от скорости и силы ветра, его направления. К этому следует добавить и наступление штилей. Европа это испытала на себе в 2021 г., когда ветер перестал дуть, что привело к снижению выработки энергии ветряными турбинами. В Англии производство ветровой энергии упало с 28% до 3%. Помимо этого, от работающих турбин исходит интроверзум, он не слышим человеком. Но его слышат животные, птицы, что ведет к их дезориентации, начиная с пчел и заканчивая летучими мышами. Только в США на полях ежегодно погибают свыше

254 тыс. птиц. Однако оппоненты данной цифры считают, что это число незначительно, ибо только в лапы кошек попадает более 2,5 млн. птиц в год, не говоря уже о их гибели на дорогах.

Даже если это и так, то сравнение в данном случае не корректно. Ибо с возведением новых ветротурбин, более мощных, гибель птиц не уменьшится, а наоборот будет увеличиваться. Плюс следует учитывать потери в тех странах, где ветровая энергия в почете. Следовательно, количество жертв будет увеличиваться неизмеримо. Помимо гибели птиц, как показывает опыт ВЭС, они влияют на разгон и перенаправление потоков ветра. Как следствие, под удар попадает растительный мир. Может высушиваться природа целых регионов. Если выработка турбинами электроэнергии зависит от силы ветра, то у СЭС от времени суток. Солнечная энергия недоступна ночью. Не следует забывать и об облачности и пасмурности погоды. Кроме того, их эксплуатация показала, что во время грозы не редко выпадает град, наносящий ущерб солнечным панелям. В ясные же солнечные дни может быть избыток электроэнергии. Куда ее подавать? Для развития солнечной и ветровой энергии требуются земли, где размещать СЭС и ВЭС. А их территории больше, чем для размещения новых электростанций. В силу того, что передавать энергию на большие расстояния мы еще не научились, поэтому невозможно поставить огромное количество солнечных панелей, например, в Сахаре и отправить электричество скажем в Европу. Это особенно актуально для густонаселенных и аграрных стран, где стоимость электроэнергии высока, а земля на вес

золота. Приобретение земли связано с конкуренцией с сельхозпроизводителями. Крупнейшая в мире солнечная электростанция «Великая солнечная стена» в КНР занимает большую площадь – 43 кв.км, а установленная мощность всего 1,5 ГВт. Панели нельзя ставить в лесу, требуется соответствующий ландшафт, а в Европе он занят сельхозугодьями. Следовательно, приходится размещать парки в пустынных районах или на воде, создавая плавучие СЭС. Однако стоимость возрастает на 50%, осложняется техобслуживание, контакт модулей с водой влечет риск коррозии металлоконструкций.

Говоря о Китае, мы показали первый опыт строительства СЭС на море, где вышеозначенные проблемы вроде бы решены китайскими учеными. Однако требуется время, чтобы убедится в надежности созданной СЭС.

С позиций оптимистов и рьяных защитников ВИЭ все вышеозначенные проблемы решаются: т.е. – утилизируются компоненты ВИЭ, растет добыча редкоземельных металлов, гибель птиц и происходит, но не в значительных масштабах, чтобы поднимать тревогу и т.д. Но куда деться от того, что энергия от ВИЭ нестабильна? Погода переменчива, создаются значительные колебания в объеме генерирующей энергии. Электросеть не может зависеть от перепадов. Она должна быть сбалансированной в реальном времени. Плюс возникают вопросы с хранением энергии, с ее передачей без потерь и т.д. Очевидно требуются резервные мощности, например, газовые турбины, гидроаккумулирующие станции. Необходимо внедрять

автоматизацию, усиливать линии электропередач и т.д.

Отрицать негативные последствия ВИЭ, о которых говорилось выше, вряд ли стоит. Их надо решать совместными усилиями. Следует изучать последствия нагрева воздуха над огромными СЭС, ветровых потоков, идущих от ВЭС. Очевидно, не случайно произошел коллапс с отключением электроэнергии в ряде европейских стран в 2024 г., обесточив огромные территории, транспортные средства (ж. д., метро), средства связи и т.д.

Навязывание декарбонизации — путь в никуда. Пока даже солнечная энергия дает 9% всей выработки энергии. Необходим разумный, взвешенный подход. И здесь свое слово должны сказать высокопрофессиональные специалисты, ученые.

Список литературы

1. Дорохин К.М., Сахаров А.Г. Политика Индии в области смягчения последствий изменения климата: трудности и перспективы. // Вестник международных организаций. 2023. №1. Т.18.
2. Indias solar tutuie. Documenti first international second septem 2020. // URU // <https://www.pv magazine India>.
3. Канлиф Ф. Трамп не одолеет БРИКС. // Советская Россия. 2025. 12 июля.
4. Крупнейшая солнечная станция в мире // Ecotek. 2023. 23 июля.
5. Мостепанов А., Сушин А., Чигарев Б. Проблемы энергоперехода и энергобезопасности. // Energopolis.ru
6. Образцова М. Однажды в Африке. // Завтра. 2025. № 6, февраль.
7. Сахаров А.Г. Прогресс стран БРИКС в достижении климатических и экологических целей повестки 2030. // Вестник международных организаций. 2024. Т.19. № 7.
8. Сидоров Вл. Энергетика Индии. Итоги 2024 года и перспективы. //zenen.ru.2025. 2.03.
9. Севастьянов П., Шунков В. Мнимые и реальные проблемы ветровой энергии. НТ. Энергия. Ng.ru.2022. 7 февраля.
10. Трампа напугало заявление Путина на саммите БРИКС. // Советская Россия. 2025. 10 июля. Шаг в будущее. // Правда. 2024. 23 октября.
11. Основные проблемы интеграции ВИЭ в энергосистему. // Ek. top. ru. 2025. 9 мая.

References

1. Dorohin K.M., Saharov A.G. Politika Indii v oblasti smyagcheniya posledstvij izmeneniya klimata: trudnosti i perspektivy. // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij. 2023. №1. T.18.
2. Indias solar tutuie. Documenti first international second septem 2020. // URU // <https://www.pv magazine India>.
3. Kanlif F. Tramp ne odoleet BRIKS. // Sovetskaya Rossiya. 2025. 12 iyulya.

4. Krupnejshaya solnechnaya stanciya v mire // Ecotek. 2023. 23 iyulya.
5. Mostepanov A., Sushin A., Chigarev B. Problemy energoperekhoda i energobezopasnosti. // Energopolicy.ru
6. Obrazcova M. Odnazhdy v Afrike. // Zavtra. 2025. № 6, fevral'.
7. Saharov A.G. Progress stran BRIKS v dostizhenii klimaticeskikh i ekologicheskikh celej povestki 2030. // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij. 2024. T.19. № 7.
8. Sidorov Vl. Energetika Indii. Itogi 2024 goda i perspektivy. // zenen.ru. 2025. 2.03.
9. Cevast'yanov P., SHunkov V. Mnimye i real'nye problemy vetrovoj energii. NT. Energiya. Ng.ru. 2022. 7 fevralya.
10. Trampa napugalo zayavlenie Putina na sammite BRIKS. // Sovetskaya Rossiya. 2025. 10 iyulya.
11. SHag v budushchhee. // Pravda. 2024. 23 oktyabrya.
12. Osnovnye problemy integracii VIE v energosistemu. // Ek. top. ru. 2025. 9 maya.

Сведения об авторах

Яков Яковлевич Гришин

д.и.н., профессор

Институт международных отношений,
истории и востоковедения

Казанский (Приволжский) федеральный
университет

Дмитрий Александрович Балакин

ст. преподаватель

Институт международных отношений,
истории и востоковедения

Казанский (Приволжский) федеральный
университет

dimbalakin73@gmail.com

Information about the Authors

Yakov Ya. Grishin,

Doctor of Historical Sciences, Professor

Institute of International Relations, History
and Oriental Studies

Kazan (Volga Region) Federal University

Dmitry A. Balakin

senior lecturer

Institute of International Relations, History
and Oriental Studies

Kazan (Volga Region) Federal University

dimbalakin73@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.10.2025.

Принята к публикации: 10.10.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.09.2025

Approved after reviewing 02.10.2025

Accepted for publication 10.10.2025

Critique of Eurocentrism: The Sinological Position of S. M. Georgievsky

Критика евроцентризма: синологическая позиция С. М. Георгиевского

Ло Сюэсинь

Институт Северо-восточных азиатских
исследований Цзилиньского университета

luoxuexin739@gmail.com

Luo Xuexin

Institute of Northeast Asian Studies,
Jilin University

luoxuexin739@gmail.com

УДК 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2025-112-122](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-112-122)

АННОТАЦИЯ

Статья рассматривает научную позицию русского синолога С.М. Георгиевского, который во второй половине XIX века выступил против господствующего западоцентризма в синологии. В своих трудах и полемиках с современниками он опровергал стереотип о «застое» Китая, высоко оценивал конфуцианство как источник духовного и социального развития и положительно воспринимал модернизационные реформы позднецинской эпохи. С. М. Георгиевский подчеркивал самостоятельность и прогрессивный потенциал китайской цивилизации, предвидя её возрастающую роль в мировой истории. Его исследования сохраняют значимость и сегодня, способствуя переосмыслению цивилизационного диалога Востока и Запада.

ABSTRACT

The article examines the scholarly position of the Russian sinologist S. M. Georgievsky, who in the second half of the 19th century opposed the prevailing Eurocentrism in sinology. In his works and polemics with contemporaries, he refuted the stereotype of China's "stagnation," highly valued Confucianism as a source of spiritual and social development and positively assessed the modernization reforms of the late Qing era. S. M. Georgievsky emphasized the independence and progressive potential of Chinese civilization, foreseeing its growing role in world history. His research remains significant today, contributing to a rethinking of the civilizational dialogue between East and West.

Keywords: S. M. Georgievsky; Eurocentrism; Confucianism; modernization of China; progress.

Ключевые слова: С. М. Георгиевский; западоцентризм; конфуцианство; модернизация Китая; прогресс

Для цитирования: Ло Сюесинь. Критика евроцентризма: синологическая позиция С. М. Георгиевского. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (4). С. 112–122
<https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-112-122>

For citation: Luo Xuexin. Critique of Eurocentrism: The Sinological Position of S. M. Georgievsky. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№4). P.112-122 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-112-122>

Введение

Сергей Михайлович Георгиевский (1851–1893), ученик выдающегося синолога В. П. Васильева, принадлежал к числу представителей академического китаеведения второй половины XIX века. Его называли «первым подлинным русским историком Китая». [Никифоров, 1970: 15] С. М. Георгиевский одним из первых отказался от евроцентристских схем и предпринял попытку комплексного осмыслиения различий в развитии восточной и западной цивилизаций.

I. Преодоление «западоцентризма»

По мнению С. М. Георгиевского, заблуждения Запада в отношении Китая во многом объяснялись отсутствием профессиональных синологов и специализированной литературы. Западные учёные мало занимались Китаем, причём их исследования носили поверхностный характер: «Многие из них вовсе не задумывались серьёзно о вопросах прогресса Китая и его будущего... они лишь использовали отдельные материалы из жизни китайского народа, чтобы обогатить европейскую литературу.» [Георгиевский, 1890: 265] Учёный также отмечал:

«В последние десятилетия наше изучение Китая было крайне недостаточным, так как специализированных синологических книг — как оригинальных исследований, так и переводов — чрезвычайно мало... читатели не могут получить надёжные сведения о Китае из английских или русских изданий». [Георгиевский, 1890: 265–266] Поэтому западные читатели зачастую сохраняют устаревшие представления о Китае и «верят тем газетам и журналам, которые в преувеличенной форме изображают Китай как варварскую, уродливую и застойную страну». [Георгиевский, 1890: 269]

С. М. Георгиевский подверг критике исследования западных учёных по китайской истории и выделил три основных проблемы. Во-первых, по его мнению, вследствие субъективного чувства превосходства «западные историки и синологи изначально сомневались в прогрессе Китая», что приводило к утрате интереса к его изучению. Во-вторых, «они ограничивались официальными хрониками и были ими ослеплены, не учитывая их специфику и возможность искажений». Китайские источники чрезвычайно разнообразны, однако западные

исследователи сосредоточивались преимущественно на официальной истории, что и объясняет их односторонние выводы. В-третьих, С. М. Георгиевский отмечал, что историки и синологи не уделяли внимания знаниям, связанным с жизнью народа, не классифицировали и не сопоставляли материалы в зависимости от их значимости, а вместо этого увлекались составлением биографий для императорских особ и вельмож, «придавая большое значение совершенно несущественным фактам и персонажам». [Георгиевский, 1890: 196]

Критика С. М. Георгиевского западного китаеведения представляется вполне обоснованной. В то время почти не было профессиональных синологов, занимающихся систематическим изучением Китая, а рукописи большинства специалистов оставались без финансирования и публикации. Долговременное пренебрежение Китаем и субъективные домыслы привели к формированию искажённых представлений о нём. В то же время обращение ранних синологов к официальным хроникам имеет объяснение: на протяжении длительного времени западные учёные были очарованы такими источниками, как «цзичжу» (起居注) или «Цзычжи тунцзянь ганму» (资治通鉴纲目), не замечая, что народные летописи и «дикая история» могли бы дополнить и скорректировать официальные версии. Как справедливо замечал Дин Вэйлян (丁韪良, W. A. P. Martin), после падения династий эти сочинения «вспыхивали, как рой светлячков, и своим светом озаряли эпоху» [Martin, 1901: 392–393].

В отличие от своих европейских совре-

менников С. М. Георгиевский рассматривал китайский народ как равный другим европейским народам и утверждал, что он также является «историческим» народом, находящимся в процессе прогресса. В своих исследованиях он отказался от микроскопического описания отдельных событий и выбрал макроподход, основанный на анализе китайских хроник. [Березанская, 2007], По его мнению, именно целостное восприятие китайской истории является основой для понимания её места и роли в мировой истории.

Даже самые строгие западные критики не могли отрицать того, что китайская цивилизация с древности достигла высокой ступени развития, благодаря чему «рано освободилась от варварства или полуварварства». С. М. Георгиевский объяснял происхождение западной концепции «китайского застоя». Он указывал, что изменения в Китае казались медленными, а подчас и вовсе незаметными потому, что «в процессе своего развития Китай не переживал тех кризисов, которые сопутствовали прогрессу Европы, и именно поэтому его эволюция казалась менее заметной». [Георгиевский, 1890: 49] В своих сочинениях он тщательно анализировал культурные и социальные институты Китая, выявляя многочисленные примеры эволюции и нововведений. Учёный полагал, что в таких сферах, как государственное управление и система отбора кадров, китайцы достигли значительных успехов, что отражало реальные потребности социального прогресса.

Особое место в исследованиях С. М. Георгиевского занимает конфуцианство. Он писал:

«Будучи многочисленным народом, китайцы обладают огромной жизненной силой, а как обширная и древняя империя Китай отличается неколебимой стабильностью. Конфуцианство, выступая господствующей идеологией, сыграло в этом решающую роль и оказало на жизнь человечества более значительное влияние, чем буддизм и даосизм». [Георгиевский, 1888: 433]

Конфуцианство как ядро духовной культуры Китая на протяжении веков подвергалось постоянной самотрансформации. Его философская система базируется на учении Конфуция, но эволюционировала благодаря Мэн-цзы (孟子), Сюнь-цзы (荀子), Дун Чжуншу (董仲舒), Чжан Цаю (张载), Чжу Си (朱熹), Ван Янмину (王阳明) и другим мыслителям. «Его содержание и формы находились в процессе непрерывного изменения, и в разные эпохи между школами возникали противоречия». [Георгиевский, 1890: 250–251] С. М. Георгиевский отмечал, что конфуцианство развивалось именно в противоречиях, но никогда не пребывало в застое, сохраняя прогрессивную тенденцию и обогащая свои принципы в зависимости от исторического контекста: «Вопросы истории, культуры и религии постепенно освобождались от метафизики и мистицизма, уступая место позитивизму; нравственные нормы совершенствовались и становились регулятором человеческой жизни — именно эта историческая составляющая конфуцианства является показателем его прогрессивности, и данный процесс ещё не завершён». [Георгиевский, 1890: 254]

Учёный подчёркивал значение конфуцианской системы для развития китайского народа: «Китай прогрессирует. Учёные-конфуцианцы во многих отношениях восстанавливают и заново толкуют ряд древних наставлений. Эти наставления на протяжении тысячелетий направляли жизнь китайцев и в значительной мере воплощены в современном быте и стремлениях народа». [Георгиевский, 1890: 187] Конфуцианский идеал, восходящий к древней традиции, постепенно закреплялся в различных сферах жизни и становился практической целью общества. В отличие от Европы, где господствовали постоянные колебания и кризисы, относительная устойчивость китайской жизни объяснялась именно тем, что конфуцианские идеалы непрестанно трансформировались в социальную реальность.

По мнению С. М. Георгиевского, конфуцианство являлось источником всего китайского уклада. Благодаря этой идеологии огромная империя сумела сохранить стабильность и процветание даже в условиях вовлечения в мировые процессы модернизации. [Георгиевский, 1888: 432] В труде «Важность изучения Китая» он подробно проанализировал роль конфуцианства в развитии общества в моральной, политической, правовой и экономической сферах, считая его «движущей силой китайского прогресса во всех отношениях». Впрочем, некоторые его оценки были идеализированы: так, поддержанная им система местного самоуправления не обеспечивала подлинной демократии, а также оставались вне поля зрения социальные ограничения конфуцианской этики, прежде всего дискриминация женщин.

II. Две полемики

В 1888 году С. М. Георгиевский опубликовал труд «Принципы жизни Китая», вызвавший широкий отклик среди русских читателей. В ответ на критику графа И. Толстого он на следующий год издал небольшую книгу «Граф И. Толстой и <Принципы жизни Китая>» (1889). Граф И. Толстой, известный политический деятель, археолог и нумизмат, придерживался явно выраженных евроцентристских взглядов. В печати он обвинял С. М. Георгиевского в чрезмерной симпатии к китайцам, утверждая, что тот «видит лишь положительные стороны жизни китайцев» [Скачков, 1977: 233]. Между ними развернулась ожесточённая полемика вокруг конфуцианства.

Граф И. Толстой считал, что главным жизненным принципом китайцев с древности являлось только «почитание родителей», а ядро всей китайской этики — это культ сыновней почтительности. При этом, по его мнению, конфуцианство придало этому принципу «утилитарный оттенок»: китайская «сяо» (孝) означала «многочисленные формальности, искусственные ритуалы и взгляд на все вещи исключительно с точки зрения пользы» [Георгиевский, 1889: 25].

С. М. Георгиевский не соглашался с такой интерпретацией. Он полагал, что И. Толстой исказил содержание конфуцианской «сяо». Для конфуцианства сыновняя почтительность — это «необходимый путь к овладению искусством человеческих отношений» [Георгиевский, 1888: 341]. Учёный отмечал, что лишь научившись правильно строить отношения

с родителями, человек способен регулировать связи с другими людьми: «Даже если родители ничего не требуют от детей, последние должны уважать своих родителей. С одной стороны, дети находят в этом удовлетворение, а с другой — возвышают собственный характер, что усиливает их способность к межличностным отношениям» [Георгиевский, 1888: 347–349]. По мнению С. М. Георгиевского, добрые отношения между людьми в Китае являлись необходимым условием единства и сплочённости государства. Что же касается тезиса Толстого о том, что конфуцианство породило у китайцев утилитарный и эгоистичный характер, С. М. Георгиевский, ссылаясь на русского философа Н. И. Кареева, возразил: «Стремление к прогрессу не должно ограничивать естественные потребности человека; человек — это не бесплотная душа... Полное самоотречение противоречит нравственным принципам: тот, кто не ценит себя, не осознаёт значение других, а тот, кто не защищает свои права, не способен защищать права других» [Георгиевский, 1889: 28–29]. Таким образом, С. М. Георгиевский полагал, что конфуцианство дало китайцам не эгоизм, а pragматический дух, ставший основой их выживания, развития и устойчивого прогресса.

Граф И. Толстой рассматривал конфуцианство как препятствие для развития китайского общества, утверждая, что оно воспитало у китайцев «слепую почтительность» и «утилитаризм», что якобы обусловило отставание Китая от Запада. С. М. Георгиевский же занимал противоположную позицию: для него конфуцианство было символом прогресса, а принцип «сяо» — основой гармоничных человеческих

отношений. Конфуцианство учило китайцев практичности, что позволяло им двигаться вперед. В условиях XIX века взгляды графа И. Толстого, без сомнения, больше соответствовали устойчивым представлениям русской публики о Китае. С. М. Георгиевский же стремился преодолеть эти стереотипы и побудить современников «по-новому взглянуть на долгое время неправильно истолковывавшуюся Китайскую империю».

Вторым оппонентом С. М. Георгиевского стал Н. М. Пржевальский — русский путешественник, географ и натуралист, который в ходе четырёх экспедиций в Центральную Азию собрал обширные сведения об экологии, гидро-графии, географии, этнографии, политике и военном деле Китая. Н. М. Пржевальский был типичным представителем евроцентризма и заявлял: «Только европейские пушки могут здесь чего-либо добиться» [Дубровин, 1890: 109].

С. М. Георгиевский резко критиковал такие взгляды, отмечая, что Н. М. Пржевальский испытывал глубокую враждебность и недоверие к Китаю и не понимал основ современной китайской жизни. В отличие от него С. М. Георгиевский позитивно оценивал китайские реформы модернизации и подчеркивал, что Китай быстро учится у Запада и непрерывно развивается: «В Китае между городами уже действует телеграф, установлено электрическое освещение. Созданы фабрики, построены железные дороги, спущены на воду пароходы (построенные и управляемые самими китайцами) ... открыты школы европейского типа, где молодёжь изучает позитивные науки (военное

дело, мореплавание, медицину и др.) ... множество студентов отправляется за границу для освоения западного позитивизма» [Георгиевский, 1890: 256]. Китай всё активнее знакомился с западными военными и техническими достижениями: «Поражения в войнах с Англией и Францией показали китайцам значение броненосцев, пушек, дальнобойных ружей и крепостей... Ещё около тридцати лет назад китайцы начали вооружаться по-европейски для самозащиты. Двадцать лет назад они осознали необходимость и возможность противостоять европейскому натиску в сфере промышленности и торговли и начали строить торговые суда» [Георгиевский, 1890: 257–258]. Исходя из этого С. М. Георгиевский считал, что Китай эпохи поздней Цин пробуждается и учится у Запада собственным путём, чтобы в скором будущем догнать, а возможно, и превзойти его. «Тунчжи и Гуансюйская реставрация» (同光中興) действительно принесла надежды многим современникам, и, вероятно, именно это позволило С. М. Георгиевскому выработать оптимистический взгляд на будущее Китая.

Синолог А. Н. Хохлов позднее подытожил причину разногласий между двумя оппонентами: «Путешественник в Центральной Азии наблюдал старую армию, почти не затронутую реформами, тогда как синолог имел возможность видеть в центральных районах Китая модернизированные воинские части. Первый говорил как профессиональный военный, второй — как молодой и восторженный учёный-синолог... К сожалению, они не поняли, что различие их оценок объяснялось разными позициями».

[Хохлов, 1994:289] Представляется, что оптимизм С. М. Георгиевского в отношении китайских военных реформ вполне объясним. В период движения за самоусиление (洋务运动) такие деятели, как Ли Хунчжан (李鸿章), под лозунгами «самоусиления» и «обогащения страны», создавали новые предприятия, открывали учебные заведения, отправляли студентов за границу, прокладывали телеграфные линии и строили железные дороги, преследуя цель укрепления феодальной власти. Эти меры имели определённый эффект. Некоторые исследователи, ссылаясь на поражение Китая в войне с Японией (1894–1895), пытались дискредитировать взгляды С. М. Георгиевского, но подобный ретроспективный подход кажется чрезмерно строгим. Вместе с тем следует признать, что в отличие от В. П. Васильева, который прямо указывал, что причиной китайского отставания являлись «коррумпированное и неспособное правительство Цин и политика изоляционизма» [Васильев, 1900: 4], С. М. Георгиевский не имел столь ясного понимания ограничений и слабостей современного ему Китая.

III. Концепция «прогресса Китая»

С. М. Георгиевский объективно выделил два признака «прогресса Китая» и вместе с тем не обошёл вниманием возможные вызовы, которые прогрессирующий Китай мог бы поставить перед Западом и Россией. Его концепция «китайского прогресса» не скатывалась, как утверждали некоторые позднейшие исследователи, в другую крайность — «китаецентризм». [Васильев, 1974: 17]

Первым признаком прогресса Китая С. М. Георгиевский считал его постоянную независи-

мость. В истории Поднебесной неоднократно происходили вторжения кочевых народов в Центральную равнину, однако культурная традиция не прерывалась: «варвары, войдя в Китай, сами становились китайцами», и «эти племена, осевшие в Китае, постепенно подвергались китаизации, в то время как их привилегии и неравноправное положение в юридическом смысле постепенно исчезали». [Георгиевский, 1890: 248] Поэтому, заключал он, «мечты о том, что Китай будет находиться под властью Японии или Соединённых Штатов, представляют собой нереалистическую фантазию». [Георгиевский, 1890: 258–259] Западные державы неоднократно вторгались в Китай, но не смогли его завоевать. С. М. Георгиевский даже выдигал гипотезу: «Из-за существования конфуцианства, чтобы покорить Китай, западным державам пришлось бы либо принять конфуцианское преобразование, либо полностью уничтожить влияние конфуцианства на четыреста миллионов китайцев». [Георгиевский, 1890: 259] Очевидно, что это невозможно.

Второй признак китайского прогресса он видел в его всемирном значении. С. М. Георгиевский полагал, что Китай способен, подобно Западу, постепенно включиться в процесс модернизации и трансформироваться в успешное современное государство. Он особо подчеркивал восприимчивость китайцев к западным достижениям: «Китайский народ не преуменьшает и не преувеличивает преимущества западной культуры (науки, техники и институциональной цивилизации Европы и Америки). Китайцы стремятся усвоить их, поскольку они во всех отношениях делают жизнь более удобной

и позволяют в полной мере использовать местные природные ресурсы». [Георгиевский, 1888: 472]. Однако, отмечал он, агрессивная политика западных держав тормозила этот процесс: «Недоверие китайцев к европейцам задерживало распространение позитивизма в Китае. Прежде чем пригласить европейских учителей, китайцы должны быть уверены в защите от вторжений и эксплуатации европейских держав». [Георгиевский, 1890: 258] С ростом международной торговли и колониальной экспансии связи между странами и народами становились всё теснее. Как самое многочисленное государство мира, Китай постепенно приобретал международное значение, выходил за пределы роли простого рынка сбыта и начинал претендовать на участие в мировых делах.

С. М. Георгиевский указывал: «Китайцы, воспитанные в духе конфуцианства, способны быстро усвоить позитивизм, не изменяя при этом своей национальности, идентичности и образа жизни». [Георгиевский, 1890: 257] Мир XIX века, втягивавшийся в процессы глобализации, также нуждался в участии Китая. Учёный решительно отвергал популярную в то время концепцию «китайской военной угрозы». «Китайцы не любят войну. Они устали от войн, они пережили в своей долгой истории бесчисленные войны и страдания и потому высоко ценят процветание мирного времени; китайцы способны иметь хорошую армию... что видно из недавних публикаций военных обозревателей в различных журналах». [Георгиевский, 1890: 259]. Военный потенциал Китая был тогда весьма значительным. Возникает вопрос: угрожает ли рост могущества Китая миру? С. М. Ге-

оргиевский отвечал: «У нас есть основания полагать, что Китай постепенно станет сильнее, но нет ни малейшего повода опасаться, что, обретя силу, он начнёт истреблять народы мира. Китайцы любят мир, они не будут ради эгоизма причинять зло другим и не будут завидовать успехам других народов». [Георгиевский, 1890: 260]

Однако при этом С. М. Георгиевский писал с предельной объективностью: «Истинная сила Китая заключается в его огромной территории, жизненной энергии и трудолюбии народа. Под влиянием конфуцианства подавляющее большинство китайцев способно овладеть позитивизмом... Китайцы стремятся развивать богатства страны и сохраняют неизменное рвение к труду». [Георгиевский, 1890: 261] Конфуцианский pragmatism, утверждал он, поможет Китаю осознать преимущества западной науки и техники и активно их освоить. «Мы должны быть настороже: если китайцы введут паровую машину и другие европейские изобретения, их дешёвые товары зальют рынки Европы и Америки». [Георгиевский, 1890: 261] Таким образом, Китай сможет своими силами бросить вызов западной торговле и промышленности, что особенно ощущают страны с развитой индустрией.

С. М. Георгиевский также сделал пророческое предсказание: «Франция, Германия, Испания, Италия, Англия и Япония слишком малы по территории, чтобы вместить стомиллионное население. В колониях англичане, немцы и французы неизбежно изменят свои национальные черты и, оторвавшись от метрополий, постепенно выйдут из мировой истории. Лишь Россия, Китай и Америка обладают достаточно обширными землями. Здесь население может

превысить миллиард. Следовательно, в недалёком будущем политическая жизнь человечества будет почти полностью зависеть от дружбы или вражды между Россией, Китаем и Америкой... В XXI веке союз или разделение России, Китая и США будет определяющим фактором внешней политики всех остальных стран». [Георгиевский, 1890: 263] Оценки С. М. Георгиевского относительно «китайской угрозы» и его предвидение «триады Россия–Китай–США» выглядели поистине опережающими своё время. Исходя из демографического и экономического потенциала, он заключал, что будущее мира будет определяться именно этими тремя державами. Несмотря на идеализацию и определённые слабые места его аргументации, а также на то, что его положительная оценка самодержавных режимов России и Китая не выдержала испытания временем, вклад С. М. Георгиевского в постановку проблемы был огромен. Как писал его коллега по Восточному факультету Петербургского университета А. О. Ивановский в некрологе, С. М. Георгиевский пытался «поколебать укоренившееся мнение о Китае как о древнем застойном государстве, пробудить интерес читателей к этой стране и её народу, взглянуть по-новому на этот восточный народ с богатой историей и огромным населением и через эти узы привлечь Россию к добрососедству с Китаем, поскольку это обеспечит мир во всём мире и принесёт благополучие народам обеих стран» [Хохлов, 1994: 289].

Заключение

Как профессиональный русский синолог, С. М. Георгиевский сумел отбросить предвзятость и с относительно рациональной и научной позиции рассматривать историю и культуру Китая, что представляется весьма ценным. Разумеется, в его книгах содержится немало ошибок, а отдельные взгляды неизбежно несут на себе отпечаток исторической ограниченности, однако именно его исследовательский метод и подход получили развитие в последующие эпохи. [Никифоров, 1970: 18] С опорой на китайские тексты и с установкой на уважение и равноправие, российское китаеведение во второй половине XIX века постепенно сформировало особый путь исследований, отличающийся от западной традиции.

Список литературы

1. Martin, W. A. P. *The lore of Cathay*, Edinburgh London: Oliphant, Anderson & Ferrier, 1901. – 472 p.
2. Березанская Л. В. Особенности развития китайской цивилизации в исторической концепции С.М. Георгиевского. // Вестник Томского государственного университета. 2007(1), с. 144–146.
3. Васильев Л. С. Корифей русского китаеведения. // История и культура Китая (Сборник памяти академика В. П. Васильева). М.: Наука, 1974. с.7–19.
4. Васильев В. П. Окрытие Китая и др. ст. Академика В. П. Васильева. СПб.: журн. "Вестник всемирной истории", 1900. – 164 с.

5. Георгиевский С. М. Принципы жизни Китая. СПб.: А. Я. Панафидин, 1888. – 494 с.
6. Георгиевский С. М. Граф И. Толстой и «Принципы жизни Китая». СПБ.: тип. И.Н. Скороходова, 1889. – 69 с.
7. Георгиевский С.М. Важность изучения Китая. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1890. – 286 с.
8. Дубровин Н. Ф. Николай Михайлович Пржевальский. СПб.: Военная тип., 1890. – 602 с.
9. Никифоров В. Н. Советские историки о проблемах Китая. М.: Наука, 1970. – 416 с.
10. Самойлов Н. А. Место и роль работ С.М. Георгиевского в формировании образа Китая в России в 80-х годах XIX в. // Филология и история стран Азии и Африки. Тезисы научной конференции, посвященной 50-летию воссоздания Восточного факультета СПбГУ. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1994. с. 62–65.
11. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. – 505 с.
12. Суворов В. В. Проблема соотношения истории Китая с моделью Европейского развития в трудах С.М. Георгиевского. // Манускрипт. 2017(10-2). с. 155–157.
13. Хохлов А. Н. С.М. Георгиевский: к 100-летию со дня смерти выдающегося китаеведа. // 25 научная конференция «Общество и государство в Китае». М.: Наука, 1994. с. 283–291.

References

1. Martin, W. A. P. The lore of Cathay, Edinburgh London: Oliphant, Anderson & Ferrier, 1901. – 472 p.
2. Berezanskaia L. V. Osobennosti razvitiia kitaiskoi tsivilizatsii v istoricheskoi kontseptsii S.M. Georgievskogo. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007(1), pp. 144–146.
3. Vasil'ev L. S. Korifei russkogo kитаеведения. // Iстория и культура Китая (Sbornik pamiatni akademika V. P. Vasil'eva). M.: Nauka, 1974. pp.7–19.
4. Vasil'ev V. P. Okrytie Kitaia i dr. st. Akademika V. P. Vasil'eva. SPb.: zhurn. "Vestnik vsemirnoi istorii", 1900. – 164 p.
5. Georgievskii S. M. Printsipy zhizni Kitaia. SPb.: A. Ia. Panafidin, 1888. – 494 p.
6. Georgievskii S. M. Graf I. Tolstoi i «Printsipy zhizni Kitaia». SPb.: tip. I.N. Skorokhodova, 1889. – 69 p.
7. Georgievskii S.M. Vazhnost' izucheniiia Kitaia. SPb.: Tip. I. N. Skorokhodova, 1890. – 286 p.
8. Dubrovin N. F. Nikolai Mikhailovich Przheval'skii. SPb.: Voennaia tip., 1890. – 602 p.
9. Nikiforov V. N. Sovetskie istoriki o problemakh Kitaia. M.: Nauka, 1970. – 416 p.
10. Samoilov N. A. Mesto i rol' rabot S.M. Georgievskogo v formirovaniii obraza Kitaia v Rossii v 80-kh godakh KhiKh v. // Filologija i istoriia stran Azii i Afriki. Tezisy nauchnoi

- konferentsii, posviashchennoi 50-letiiu vossozdaniia Vostochnogo fakul'teta SPbGU. SPb.: Izd. dom Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta, 1994. pp. 62–65.
11. Skachkov P. E. Ocherki istorii russkogo kитаеведения. M.: Nauka, 1977. – 505 p.
12. Suvorov V. V. Problema sootnosheniia istorii Kitaia s model'iu Evropeiskogo razvitiia v trudakh S.M. Georgievskogo. // Manuskript. 2017(10–2). pp. 155–157.
13. Khokhlov A. N. S.M. Georgievskii: k 100-letiiu so dnia smerti vydaiushchegosia kитаеведa. // 25 nauchnaia konferentsiiia «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaе». M.: Nauka, 1994. pp. 283–291.

Information about the article

The article was submitted 25.09.2025

Approved after reviewing 02.10.2025

Accepted for publication 10.10.2025

Сведения об авторе

Ло Сюэсинь

Институт Северо-восточных азиатских исследований Цзилиньского университета
luoxuexin739@gmail.com

Information about the Author

Luo Xuexin

Institute of Northeast Asian Studies, Jilin University
luoxuexin739@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.10.2025.

Принята к публикации: 10.10.2025.

Grant Support as a Mechanism for Enhancing Russian–Chinese Humanitarian Cooperation: The Case of the “Russian Shanghai – Chinese Petersburg” Intercultural Dialogue Club

Грантовая поддержка как механизм укрепления российско-китайского гуманитарного сотрудничества: опыт клуба межкультурного диалога «Русский Шанхай – китайский Петербург»

Морозова Валентина Сергеевна^{1,4},

Дондоков Доржи Дондокович²,

Якунина Татьяна Вячеславовна³

^{1,2,3}Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия

⁴Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
Автор, ответственный за переписку:
morozova1550@mail.ru

¹<https://orcid.org/0000-0001-9928-4530>

²<https://orcid.org/0000-0003-1886-0271>

³<https://orcid.org/0000-0001-5160-8268>

Morozova V.S. ^{1,4},

Dondokov D.D. ²,

Iakunina T.V.³

^{1,2,3}Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Russia

⁴National Research University Higher School of
Economics, St. Petersburg, Russia

Corresponding author: morozova1550@mail.ru

¹<https://orcid.org/0000-0001-9928-4530>

²<https://orcid.org/0000-0003-1886-0271>

³<https://orcid.org/0000-0001-5160-8268>

УДК 327 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2025-123-133](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-123-133)

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования, представленного в статье, определяется возрастающей ролью гуманитарного сотрудничества в системе российско-китайских отношений в условиях глобальной трансформации международного порядка. Культурные, образовательные и академические инициативы выступают не только инструментом укрепления доверия и взаимопонимания, но и важным ресурсом формирования устойчивых двусторонних связей. Особое

ABSTRACT

The relevance of the research presented in this article is determined by the growing role of humanitarian cooperation within the framework of Russian-Chinese relations amid the global transformation of the international order. Cultural, educational and academic initiatives serve not only as instruments for strengthening trust and mutual understanding but also as important resources for developing sustainable bilateral ties. Projects implemented through grant support are of particular

значение приобретают проекты, реализуемые на основе грантовой поддержки, поскольку они обеспечивают институциональную преемственность, финансовую устойчивость и возможность стратегического развития. Цель исследования заключается в анализе опыта клуба межкультурного диалога «Русский Шанхай – китайский Петербург» как примера успешного университетского проекта, реализованного при поддержке фонда «Русский мир», а также в выявлении роли грантового финансирования как механизма укрепления российско-китайского гуманитарного сотрудничества. Материалы и методы включают анализ грантовой документации, отчетов о реализации проекта (2025 год) и заявочных материалов на новый этап (2026 год), статистические данные о мероприятиях и участниках, медиаматериалы платформ (WeChat, VK, Telegram), обратную связь участников, также применялись методы документального и контент-анализа, кейс-метод. Результаты исследования показывают, что в 2024-2025 гг. в рамках проекта было проведено более пятнадцати мероприятий с участием свыше 400 человек из России, Китая и ряда других стран, что позволило выйти за рамки двустороннего взаимодействия и придать проекту международный масштаб. Реализованные инициативы продемонстрировали потенциал университетов как центров общественной дипломатии и подчеркнули значение молодежных форматов межкультурного диалога. Выводы подтверждают, что грантовая поддержка является системообразующим условием устойчивости гуманитарных проектов, обеспечивая их долгосрочный эффект, институционализацию

significance, as they ensure institutional continuity, financial stability, and opportunities for strategic development. The study aims to analyze the experience of the intercultural dialogue club “Russian Shanghai – Chinese Petersburg” as an example of a successful university project supported by Russkiy Mir Foundation, and to identify the role of grant funding as a mechanism for strengthening Russian-Chinese humanitarian cooperation. The materials and methods include the analysis of grant documentation, project implementation reports (2025), and application materials for the new stage (2026), statistical data on events and participants, media content from platforms such as WeChat, VK, and Telegram, as well as participant feedback. Documentary and content analysis methods, along with the case study method, were also applied. The results show that in 2024-2025, the project organized more than fifteen events with over 400 participants from Russia, China, and several other countries, which allowed the initiative to extend beyond bilateral interaction and gain an international dimension. The implemented initiatives demonstrated the potential of universities as centers of public diplomacy and emphasized the significance of youth-oriented formats of intercultural dialogue. The conclusion confirms that grant support is a systemic condition for the sustainability of humanitarian projects, ensuring their long-term impact, institutionalization, and geographic expansion. The experience of the “Russian Shanghai – Chinese Petersburg” project illustrates the potential for scaling such initiatives and integrating them into the broader agenda of Russian-Chinese relations, as evidenced by the newly supported 2026 project “From Petersburg

и расширение географии. Опыт проекта «Русский Шанхай — китайский Петербург» демонстрирует возможности масштабирования подобных инициатив и их интеграции в более широкую повестку российско-китайских отношений, что подтверждается вновь поддержаным на 2026 год проектом «От Петербурга и Шанхая до Владивостока и Гонконга — 100 лет общественной дипломатии».

Ключевые слова. Гуманитарное сотрудничество, общественная дипломатия, грантовая поддержка, межкультурный диалог, российско-китайские отношения

Для цитирования: Морозова В.С., Дондоков Д.Д., Якунина Т.В. Грантовая поддержка как механизм укрепления российско-китайского гуманитарного сотрудничества: опыт клуба межкультурного диалога «Русский Шанхай — китайский Петербург». *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (4). С. 123–133 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-123-133>

Введение

В условиях стремительно меняющейся международной обстановки межкультурный диалог России и Китая становится одним из наиболее востребованных направлений гуманитарного сотрудничества (Чжэн 2021). Вместе с тем, для его устойчивого развития помимо инициативы университетских академических и студенческих сообществ важно наличие системной грантовой поддержки, которая обеспечивает институциональную, организационную, финансовую и содержательную основу таких

and Shanghai to Vladivostok and Hong Kong – 100 Years of Public Diplomacy.”

Keywords. Humanitarian cooperation, public diplomacy, grant support, intercultural dialogue, Russian-Chinese relations

For citation: Morozova V.S., Dondokov D.D., Iakunina T.V. Grant Support as a Mechanism for Enhancing Russian-Chinese Humanitarian Cooperation: The Case of the “Russian Shanghai — Chinese Petersburg” Intercultural Dialogue Club. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№4). P. 123-133 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-123-133>

проектов. В последние годы именно образовательные и культурные инициативы выступают в качестве эффективного механизма укрепления взаимопонимания, доверия и партнерства между странами (Spivak 2022). Китайские учёные указывают на особое значение межкультурного диалога (Лю 2024), подчеркивая, что история развития человеческой цивилизации — это история межкультурного диалога, пронизывающего все сферы жизни человека (Чэн 2021).

Успешная реализация в 2024-25 гг. на базе Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена проекта «Русский Шанхай — китайский Петербург», поддержанного фондом «Русский мир», подтверждает важность университетских инициатив и роль грантовой поддержки в их институционализации. Более того, продолжение этой инициативы в 2025–2026 гг. в формате обновленного проекта «От Петербурга и Шанхая до Владивостока и Гонконга — 100 лет общественной дипломатии» отражает стратегический вектор развития российско-китайского гуманитарного взаимодействия, интегрирующий локальные формы сотрудничества с глобальными гуманитарными практиками.

Опыт реализации проекта «Русский Шанхай — китайский Петербург»

Реализация проекта проходила в три этапа, каждый из которых имел собственные задачи и результаты. На первом, подготовительном этапе (сентябрь – октябрь 2024 г.) была сформирована организационная и содержательная база: созданы медиаресурсы на российских и китайских платформах (WeChat, VK, Telegram), разработан визуальный стиль (Рис. 1),

состоялись презентации проекта в Санкт-Петербурге и Шанхае. Второй этап (ноябрь 2024 – февраль 2025 г.) включал активное проведение мероприятий — от дискуссионных площадок и языковых клубов до киноклубов и онлайн-квизов, что обеспечило широкую вовлеченность международной аудитории и аprobацию различных форматов межкультурного взаимодействия. На заключительном этапе (март – июнь 2025 г.) акцент был сделан на институционализации результатов: подготовлены аналитические материалы, организованы виртуальные экскурсии, расширены партнерские связи. Всего в проекте приняло участие свыше 400 человек, включая студентов, преподавателей, представителей общественных организаций (информация приводится по материалам содержательного отчёта о реализации проекта «Клуб межкультурного диалога «Русский Шанхай — китайский Петербург»). Важнейшим фактором успешности проекта, безусловно, стало наличие грантовой поддержки, позволившей обеспечить качественное медиа-сопровождение, устойчивую цифровую инфраструктуру и финансовую стабильность мероприятия.,

Рис. 1. Лого и флаг проекта

Fig. 1. Project logo and flag

№	Направление деятельности	Конкретные результаты и количественные показатели
1	Мероприятия	<ul style="list-style-type: none">• Всего мероприятий: 10+ (из них 6 на территории КНР)• Из них с онлайн-сопровождением: 7
2	Участники	<ul style="list-style-type: none">• Общее число участников: 400+• Представители сферы образования: 7 вузов (из них 3 — Китай)• Общественные организации: 2• Представители блогосферы: 2
3	Культурно-гуманитарное наполнение программы	<ul style="list-style-type: none">• Проведено лекций по продвижению российской культуры: 6, из них на китайском языке: 4• Проведено онлайн-квизов, посвящённых межкультурному взаимодействию России и Китая: 5+
4	Медийное и информационное сопровождение	<ul style="list-style-type: none">• Публикации в СМИ: 20+• Охват онлайн-платформ: 600 участников, 10 000+ просмотров• Более 60% контента размещено на национальных платформах Китая и представлено на китайском языке

Рис. 2. Основные результаты проекта с количественными показателями

Fig. 2. Main results of the project including quantitative data

Количественные результаты и география участников. Проект продемонстрировал гибкость в его реализации и высокую эффективность, что привело к положительному международному отклику. Учитывая, что культурные связи России и Китая все чаще становятся предметом исследования (Боголюбова, Николаева 2020), можно утверждать, что проект «Русский Шанхай — китайский Петербург» стал примером культурно-гуманитарной инициативы в рамках перекрестных годов культур России и Китая, а также в контексте активизации межкультурного и межцивилизационного диалога, так как в процессе его реализации особое внимание уделялось вопросам языкового взаимодействия, культурного наследия и перспектив дальнейшего межкультурного сотрудничества России и Китая. В ходе реализации

проекта было организовано более пятнадцати мероприятий различного формата (Рис. 2). Наибольшая активность отмечена в ноябре 2024 года и марте 2025 года, когда накопленный потенциал в каждом из этапов реализации проекта позволил представить его результаты в наиболее содержательной форме. Отметим, что география участников включала не только Санкт-Петербург и Шанхай, но и Владивосток, Пекин, а также представителей Беларуси, Казахстана и Японии. Можно сказать, что проект вышел за рамки двусторонних контактов, приобретя международный масштаб. Грантовая поддержка позволила расширить охват аудитории за счет привлечения внешних экспертов, обеспечения технической базы для онлайн-мероприятий и создания двухязычного медиаконтента, что усилило интеграцию проекта

в глобальное гуманитарное пространство.

Цифровые форматы и медийное сопровождение проекта. Сегодня особое внимание уделяется развитию цифровых форматов коммуникации (Авраменко, Фадеева, Терновский 2024). Создание двухязычных медиаресурсов проекта обеспечило широкий охват его аудитории, сделало участие в нем доступным для участников за пределами традиционных академических структур. Медийное сопровождение, включая публикации в российских и китайских СМИ, позволило интегрировать результаты в общественный дискурс и расширило значение проекта в сфере гуманитарной дипломатии. Авторским коллективом была сформирована многоуровневая коммуникационная платформа: группа в WeChat («俄罗斯上海-中国圣彼得堡»跨文化对话俱乐部), страница в VK (<https://vk.ru/club227315681>), ТГ-канал (https://t.me/shanghai_spb), освоена платформа VooV Meeting — все ресурсы адаптированы под китайскую и российскую аудиторию. Так, наличие грантовой поддержки сделало возможным не только создание, но и поддержание стабильной работы этих цифровых площадок, что позволяет проекту сохранять непрерывность коммуникации и устойчивость эффекта.

Роль университетов в общественной дипломатии. Ключевыми акторами проекта выступили университеты, что соответствует глобальной тенденции усиления роли академических институтов в международных отношениях (Сидоров, Смолик, Вайман 2025). РГПУ им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург) и Восточно-китайский педагогический университет

(г. Шанхай) создали устойчивый формат диалога, основанный на горизонтальных инициативах. Важнейшую роль сыграло и участие молодежи: студенческие клубы, мастер-классы, онлайн-квизы обеспечили широкую вовлеченность аудитории и позволили студентам самим стать субъектами общественной дипломатии. Кроме того, активное участие блогеров усилило социальное измерение проекта, а грантовое финансирование обеспечило возможность поддерживать такие инициативы не как разовые акции, но как устойчивую систему мероприятий, что принципиально важно для формирования долгосрочного сотрудничества. Несмотря на то, что проект реализуется на базе университетов, формат его мероприятий расширяет охват участников, создавая благоприятную среду для обмена опытом и идеями, поэтому его целевая аудитория охватывает не только представителей научно-образовательной сферы, но и представителей бизнеса, культуры, туризма России и Китая, а дублирование всех этапов проекта в онлайн-формате позволило привлечь неограниченное количество участников, создавая динамичное международное сообщество. Отдельно следует отметить, что, например, в работе языкового клуба участвовали не только студенты с уже имеющимся опытом изучения китайского языка, но и только начинающие этот лингвистический путь. Кроме того, значимым обстоятельством стало то, что мероприятия клуба межкультурного диалога вызвали интерес не только у студентов языковых вузов, но и у непрофильных — представителей Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России и Санкт-Петербургского гуманитарного

Рис. 3. Участие сторонних университетов в реализации проекта

Fig. 3. Participation of other universities in project implementation

университета профсоюзов (Рис. 3), что свидетельствует о расширяющемся масштабе и межуниверситетской привлекательности проекта.

Ограничения в реализации проекта. Любой проект предполагает и ряд ограничений. Отметим ключевые трудности представляемого проекта, требующие учета в аналогичных международных инициативах. Во-первых, несопоставимость цифровых платформ осложняла синхронное взаимодействие: российские участники ориентированы на Яндекс Телемост, китайские — на WeChat и Tencent Meeting, таким образом, решение заключается в подготовке мероприятий в двух форматах с адаптацией под национальные цифровые инфраструктуры и создании двуязычных интерфейсов. Во-вторых, разница во времени усложняла организацию прямого диалога — для ее смягчения использовались «плавающие расписания»

и асинхронные форматы, включая записи и архивные материалы. Третьей проблемой стали сложности с логистикой и бюджетированием командировок из-за нестабильности цен на транспорт и проживание — решением стало формирование резервного бюджета, при этом все финансовые обязательства были выполнены. Наконец, наблюдалась неравномерная институциональная активность партнерских вузов, связанная с учебными циклами и национальными праздниками — при этом эффективным подходом стало долгосрочное планирование с учетом графиков образовательного процесса. Вместе с тем, несмотря на выявленные трудности, они не повлияли критически на достижение целей проекта, а их системный анализ лишь повышает устойчивость и управляемость будущих инициатив. Имея в ретроспективе сопоставление «Русских домов» и «Институтов

Конфуция» (Морозова, Дондоков 2020) представляется возможным сравнить ограничения в реализации проекта фонда «Русский мир» с трудностями, которые продолжают встречаться в Институтах Конфуция по всему миру после реорганизации в 2020 г.: межкультурные конфликты, устаревшая модель работы, отсутствие способности к стабильному развитию и др. (Юань, Ли 2021).

Перспективы реализации проекта. Продолжая успешную реализацию проекта клуба межкультурного диалога «Русский Шанхай — китайский Петербург», следующий этап инициативы сосредоточен на расширении географии взаимодействия, усилении роли общественной дипломатии и создании устойчивой международной платформы для диалога, объединяющей четыре стратегически значимых города России и Китая — Санкт-Петербурга, Шанхая, Владивостока и Гонконга. Проект приурочен к столетию развития общественной дипломатии, которая сегодня получает широкую поддержку и продвижение (Шлапеко, Кондратьева 2024) и направлен на институционализацию международного сообщества студентов, преподавателей, исследователей и общественных деятелей России и Китая, для которых культура, язык и историческая память становятся инструментами межцивилизационного диалога. Сформированная в рамках предыдущего этапа модель двухполюсного диалога расширяется до четырехполюсной и строится вокруг ключевой идеи развития общественной дипломатии через горизонтальные академические и культурные инициативы, опираясь на опыт предыдущего этапа, усиливает участие молодежи и экс-

пертов, активно использует цифровые технологии и современные медиа-практики, превращая культурный обмен в действенный механизм взаимного сближения, устойчивого сотрудничества и совместного формирования глобальной повестки гуманитарного развития России и Китая.

Заключение

Таким образом, высокая реализуемость и актуальность проекта «Русский Шанхай — китайский Петербург» подтверждаются масштабом его мероприятий и широкой вовлеченностью аудитории, что стало возможным благодаря грантовой поддержке фонда «Русский мир». Проект способствовал не только повышению узнаваемости РГПУ им. А.И. Герцена в китайской образовательной и культурной среде, расширению культурно-языкового обмена через лекции, квизы, клубы и двуязычные мероприятия, но и формированию профессионального сообщества и устойчивых горизонтальных связей между российскими и китайскими участниками. Проекты «Русский Шанхай — китайский Петербург» и его продолжение — «От Петербурга и Шанхая до Владивостока и Гонконга — 100 лет общественной дипломатии» убедительно демонстрируют роль университетов как центров гуманитарной дипломатии. Их значение выходит далеко за рамки образовательного процесса (Рязанцев, Шахрай, Яник, Попова 2020), формируя устойчивые международные сообщества, основанные на доверии и взаимопонимании. Грантовая поддержка выступает ключевым условием успешности этих инициатив (Агамирова, Жарова, Малахов 2023):

она обеспечивает их устойчивость, институциональную преемственность и возможность стратегического развития. В совокупности результаты проекта показывают, что грантовая поддержка является ключевым фактором его успешной реализации, а инициатива «Русский Шанхай — китайский Петербург» может служить моделью для будущих культурно-гуманитарных программ в евразийском и международном контексте. В условиях глобальных трансформаций именно такие проекты становятся важнейшим механизмом укрепления российско-китайского сотрудничества, способствуя продвижению России и Китая как стратегических союзников на мировой арене.

Список литературы

1. Чжэн Л. Исследования фоновых процессов, происходящих при культурном взаимодействии и взаимосвязи между Россией и Китаем в области образования. *Язык и культура*. 2021; № 53. С. 290-301.
2. Spivak D. L. Intercultural Dialogue in UNESCO New Medium-Term Strategy. *International Journal of Cultural Research*. 2022; № 1(46). Рр. 111-125.
3. Лю Кунь (刘锟). Диалогизм Бахтина и межкультурная поэтика (巴赫金的对话主义与跨文化诗学). *Изучение и поиск* (学习与探索). 2024; №12. С. 143-149 (на кит. яз.)
4. Чэн Чжэнминь (程正民). Теория межкультурного диалога (跨文化对话论). *Журнал Китайского университета политики и права* (中国政法大学学报). 2021; №3. С. 274-283 (на кит. яз.)
5. Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В. Культурные связи России и Китая в начале XXI века. В поисках нового формата сотрудничества. *Культура в фокусе научных парадигм*. 2020; № 10-11. С. 35-42.
6. Авраменко А. П., Фадеева В. А., Терновский В. В. Опыт интеграции технологий искусственного интеллекта в иноязычное высшее образование: от цифровизации к автоматизации. *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2024; № 2. С. 55-67.
7. Сидоров Д. А., Смолик Н. Г., Вайман А. А. Опыт сетевых университетов в работе со студентами на примере СНГ и ШОС. *Россия и мир: научный диалог*. 2025; № 2(16). С. 56-68.
8. Морозова В. С., Дондоков Д. Д. Особенности интеграции научно-образовательных практик России и Китая в приграничье: социокультурный аспект. *Science for Education Today*. 2020; Т. 10, №2. С. 167-186.
9. Юань Юйчжи (袁玉芝), Ли Цинъюй (李清煜). Интеграция, инновации, развитие: критическое положение в развитии Институтов Конфуция в новую эпоху и выход из него (融入、创新、发展: 新时代孔子学院发展的困境与出路). *Педагогический журнал Китайского народного университета* (中国人民大学教育学刊). 2021; №1. С. 170-180 (на кит. яз.)
10. Шлапеко Е. А., Кондратьева С. В. Развитие и государственная поддержка общественной

- дипломатии (на примере Фонда Президентских грантов). *Вестник Томского государственного университета*. 2024; № 503. С. 181-191.
11. Рязанцев С. В., Шахрай С. М., Яник А. А., Попова С. М. Российско-китайская академическая мобильность как конкурентное партнёрство. *Вестник Российской академии наук*. 2020; Т. 90, № 1. С. 3-14.
12. Агамирова Е. В., Жарова Е. Н., Малахов В. А. Проблемы и перспективы развития общественных и гуманитарных наук в системе научных знаний. *Общественные науки и современность*. 2023; № 4. С. 35-52.
- ## References
1. Zheng, L. "Research of Background Processes Happening under Cultural Interaction and Relationship between Russia and China." *Language and culture*, no. 53 (2021): 290-301. (In Russ.)
 2. Spivak, D. L. "Intercultural Dialogue in UNESCO New Medium-Term Strategy." *International Journal of Cultural Research* 46, no. 1(2022): 111-125.
 3. Liu, Kun. "Bakhtin's Dialogism and Cross-cultural Poetics." *Study & Exploration* 353, no. 12 (2024): 143-149 (in Chin.)
 4. Cheng, Zhengmin. "The Theory of Cross-culture Dialogue." *Journal of CUPL*, no. 3 (2021): 274-283 (in Chin.)
 5. Bogoliubova N. M., and Nikolaeva, J. V. "Cultural Relations of Russia and China at the beginning of the XXI century. Searching for a New Format of Cooperation." *Culture in the Focus of Scientific Paradigms*, no. 10-11 (2020): 35-42. (In Russ.)
 6. Avramenko, A. P., Fadeeva, V. A., and Ter-novskiy, V. V. "Integrating Artificial Intelligence Technologies in Foreign Language Higher Education: from Digitalization to Automation." *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal* 27, no. 2 (2024): 55-67. (In Russ.)
 7. Sidorov, D. A., Smolik, N. G., and Vaiman, A. A. "The Experience of CIS and SCO Network Universities in Working with Students." *Russia and the World: Scientific Dialogue* 16, no. 2 (2025): 56-68. (In Russ.)
 8. Morozova, V. S., and Dondokov, D. D. "Characteristics of Russia-China Research and Education Integration in the Border Region: Sociocultural Aspect." *Science for Education Today* 10, no. 2 (2020): 167-186. (In Russ.)
 9. Yuan, Yuzhi, and Li, Qingyu. "Integration, Innovation and Development: The Dilemma and the Way-Out in the Development of Confucius Institutes in the New Era." *Renmin University of China Education Journal*, no. 1 (2021): 170-180 (in Chin.)
 10. Shlapeko, E. A., and Kondrateva, S. V. "Government's Role in the Development and Support of NGO's Diplomacy (Case of the Presidential Grants Foundation)." *Tomsk State University Journal*, no. 503 (2024): 181-191. (In Russ.)

11. Ryazantsev, S. V., Shakhray, S. M., Yanik, A. A., and Popova, S. M. "Russian-Chinese Academic Mobility as Competitive Partnership." *Herald of the Russian Academy of Sciences* 90, no. 1 (2020): 3-14. (In Russ.)
12. Agamirova, E. V., Zharova, E. N., and Malaikhov, V. A. "Problems and Prospects of the Development of Social and Human Sciences in the System Of Scientific Knowledge." *Social Sciences and Contemporary World*, no. 4 (2023): 35-52. (In Russ.)

Сведения об авторах

Морозова Валентина Сергеевна,

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

morozova1550@mail.ru

Дондоков Доржси Дондокович,

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Якунина Татьяна Вячеславовна

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

National Research University "Higher School of Economics", St. Petersburg, Russia,
morozova1550@mail.ru

Dorji D. Dondokov

A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia

Tatiana V. Yakunina

A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.10.2025.

Принята к публикации: 10.10.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.09.2025

Approved after reviewing 02.10.2025

Accepted for publication 10.10.2025

Information about the Authors

Valentina S. Morozova,

A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia

The prerequisites for religious policy in Tang China on the example of previous dynasties

Предпосылки религиозной политики в Китае эпохи Тан на примере предшествующих династий

**Рождественская Таисия Сергеевна,
Мухаметзянов Рустем Равилевич**
Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия

Автор, ответственный за переписку:

rustemr@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8366-0781>

**Taisiya S. Rozhdestvenskaya,
Rustem R. Mukhametzyanov**
Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia

Corresponding author:

rustemr@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8366-0781>

УДК 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2025-129-143](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-129-143)

АННОТАЦИЯ

Религия всегда являлась неотъемлемой частью общества, особенно в древности. Период правления династии Тан является значимым в истории Китая, так как именно с этого времени начинается расцвет китайской культуры — создается большое количество картин, памятников литературы и архитектуры, на новый уровень своего развития выходят привычные китайцам буддизм, конфуцианство и даосизм, а из-за границы приходят и укрепляются новые религии, такие как христианство в своей несторианской форме, манихейство, зороастризм и ислам. Причиной этому является объединение страны после многовекового господства варваров. Все это даёт огромный скачок для развития китайской цивилизации. В данной работе будут рассматриваться предпосылки религиозной политики династии Тан на

ABSTRACT

The present paper is an investigation into the question of whether the Jesuit Library, which has existed in Beijing since the seventeenth century, was donated or, alternatively, passed to the Russian Ecclesiastical Mission in the 1830s as an entrusted property. When Roman Catholic missionaries were allowed to return to China in 1860 this library was returned to them. This evidence is regarded by some as a confirmation that the library was only entrusted temporarily to the Russian Mission for safekeeping. However, the renowned Russian orientalists, J. Kowalewski and V. Vasilyev, who witnessed these events, left testimonies that the library was presented to the Russian Ecclesiastical Mission as a gift by the Roman Catholics. As a logical outcome of the ownership of the contents of the library some books in Chinese and in European languages were sent to Russia even

примере предшествующих династий в Китае.

Ключевые слова: Китай, династия Тан, религия, конфуцианство, даосизм, буддизм, зороастризм, несторианства, манихейство.

Для цитирования: Рождественская Т.С., Мухаметзянов Р.Р. Предпосылки религиозной политики в Тан на примере предшествующих династий. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (4). С. 134-143 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-134-143>

during the lifetime of Archbishop Pereira — the last bishop of Beijing. Now these books which bear the seal stamps of the Society of Jesus are kept in the libraries of Kazan and Saint Petersburg Universities.

Keywords: Jesuits, Beijing, missionaries, libraries.

For citation:: Rozhdestvenskaya T.S., Mukhametzyanov R.R. The prerequisites for religious policy in Tang on the example of previous dynasties. *Modern Oriental Studies*. 2025; 7 (4). P. 134-143 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-134-143>

Начать стоит с традиционных китайских религий — «Три учения» (Саньцзяо, 三教), если быть точнее, ведь конфуцианство и даосизм являются не религиями, а религиозно-философскими учениями, а индийский буддизм был значительно изменен в попытках прижиться в Китае. Правда, приспособливаясь к китайской почве буддизм изменил в той или иной мере и остальные этические системы Поднебесной. Как пишет Т.Ф. Марханова: «Вся история китайской мысли — это история ее синтеза» (Марханова Т.Ф. 2017, 93). И правда, ведь китайские мыслители были вынуждены взаимодействовать с другими системами, критиковать, а иногда и использовать их наработки. Полностью концепция «Три учения» сформировалась в период правления династии Суй, где конфуцианство отвечало за этническую традицию, даосизм за магию и техники постижения личных благ, а буддизм давал людям веру в перерождение.

Говоря о китайских религиях и учениях, в первую очередь стоит упомянуть конфуцианство — оно зародилось еще в период династии Чжоу (1046-256 гг. до н.э.), и ее основателем считается Конфуций (551-479 гг. до н.э.) (Васильев Л.С. 2015, 105). Несмотря на то, что при жизни Конфуция, его учение не получило признания, его идеи продолжали жить и уже через несколько веков оно стало официальной идеологией Поднебесной. Основными причинами принятия конфуцианского учения были переход властей на мысль о том, что традиционные ценности могут спасти нацию, а также переход крестьян с религиозных верований, таких как магия и суеверия, к культу предков (Васильев Л.С. 2015, 181). Хотя, судя по популярности даосизма именно в крестьянской среде, можно утверждать, что они не планировали полностью отказываться от своих суеверий.

Тем не менее, конфуцианство не смогло бы подняться на уровень политической идео-

логии без синтеза с легизмом. Даже в период династии Цинь, в которой за идеологией был выбран легизм, на одной из статуй, посвященной императору Цинь Шихуан-ди (259-210 гг. до н.э.), были строки, отдающие почтение его родителям. Сближение с противоположным учением мы находим и в философской мысли конфуцианцев, главным примером является Сюнь-цзы (ок. 298-238 гг. до н.э.), который внес в конфуцианство понятия, которые считаются легистскими (Васильев Л.С. 2015, 193). Однако, конечной точкой синтеза двух противоположных идеологий являлось создание огромной империи Хань, которой невозможно было бы управлять, используя принципы лишь легизма или конфуцианства. Таким образом, к 90-ым гг. до н.э., в период правления У-ди (156-87 гг. до н.э.), легизм и конфуцианство завершили свой синтез и утвердились в Китае на следующие две тысячи лет (Васильев Л.С. 2015, 195).

Стоит также упомянуть, что, если до правления династии Хань человек, особенно аристократ, имел возможность выбора, то в Хань появляются конфуцианские каноны и нормы. В это же время появляются специальные социальные механизмы для их распространения. Со временем, конфуцианство стало не просто официальной идеологией империи, а полноценным образом жизни китайцев, незаменимой частью истории.

Даосизм зарождался в одно время с конфуцианством, однако из-за того, что его практика и теория были больше направлены на внутренний мир человека, он не смог сразу получить признания. Более того, из-за интереса к социально-политическим проблемам, а не

к традиционной простоте и духовности, даосизм «изначально считался направлением отшельников-протестантов» (Васильев Л.С. 2015, 239). Несмотря на то, что свое распространение даосизм начал еще при империи Цинь, большую популярность он обрел в конце династии Хань — так как в этот период происходит трансформация даосизма, в нем выделяются философское и религиозное направления. Основной причиной принятия аристократами даосизма были поиски бессмертия — самый большой вклад в это внес император У-ди (156-87 гг. до н.э.), который полностью поддерживал даосов и которые помогали ему постичь бессмертие (Торчинов Е.А. 1993, 122). Также, одной из причин выделяют то, что человек следовал строгим конфуцианским канонам, но при этом он нуждался в свободе и легкости самовыражения. В следующие двести лет даосизм, не без влияния буддизма, стремился оформить свое учение, расписывая философию, правила, и всевозможные техники. И уже к концу периода Шестнадцати династий уже вел активную борьбу с буддистами за право главенствования над обычным китайским народом (Ebray P.B. 1996, 102).

Буддизм пришел в Китай вместе с купцами из Кушанского царства. Несмотря на то, что изначально он считался религией иностранцев, а для хранителей китайской традиции очень долго таким и оставался, тем не менее смог укрепиться на китайской почве. С одной стороны ему в этом помогло господство «варваров» на севере, с другой стороны даосизм. Именно через даосскую философию, ее термины объясняли свою религию первые буддисты. До IV века буддизм не представлял из себя что-либо

единое — фактически, каждый следовал тому, что считал нужным, а некоторые потом основывали школы. В итоге образовались так названные «шесть школ и семь направлений», которые были образованы вокруг переводов определенных текстов (Орбодоева М.В. 2023, 42). Поворотной точкой становится деятельность Кумарадживы (350-415 гг.), который разработал систему перевода на китайский язык буддийских терминов через неологизмы (Торчинов Е.А. 2000, 177). Это дало возможность буддизму выйти из-под крыла даосизма и начать более активно распространяться в Китае. И уже к концу периода Северных и Южных династий он становится важной частью духовной жизни китайцев (Ebray P.B. 1996, 97).

Тем не менее, буддизм столкнулся и с критикой, в основном от даосов и конфуцианцев — главным их обвинением было нарушение древнейших китайских традиций, например не почитание предков, перерождение и кремация. К тому же, буддисты отказывались не только преклоняться перед правителями, но и платить налоги. В эпоху Шести династий велась и открытая борьба с буддистами. Например, работы Фань Чжэня (450-510 гг.), нападавший на буддизм, полностью опровергал основу Махаяны. Но хоть он и был чиновником, его критика «варварского учения» осталась не услышанной. Но вот когда за дело взялся император Тай У-ди (423-452 гг., Северная Вэй), начался период активных анти-буддийских кампаний. Вторую кампанию возглавлял У-ди из Северной Чжоу (560-578 гг.) — он убедил буддийского монаха Вэй Юаньсуну и даосиста Чжан Бина принять меры по уничтожению сутр и икон, а

также сам запретил даосизм. Позже, когда к Северной Чжоу была присоединена Северная Ци, где религия ценилась гораздо больше, удар по буддизму и даосизму стал ощутимым. Тем не менее, преемник У-ди, Сюань-ди (578-579 гг.), в 579 году издал указ об ослаблении гонений на буддизм и даосизм. А уже его преемник в следующем году пообещал полностью снять запрет (Марханова Т.Ф. 2015, 111).

В период Северных и Южных династий буддизм развивался в двух направлениях — на севере, где буддисты активно контактировали с Центральной Азией, память о чужеземном происхождении религии сохранялась через переводы; на юге же, где прямого контакта с Центральной Азией не было, все усилия шли на китайизацию буддизма, на его интерпретацию через традиционную философию. Политика династий строилась на попытках придания себе более легитимного статуса в глазах аристократии. Когда же страна объединилась под властью Суй и Тан, эти два направления слились в одно, позволив укрепить позиции буддизма в обществе (Ebray P.B. 1996, 104).

Говоря про буддизм в период династии Суй, нельзя не упомянуть императора Вэнь-ди (581-604 гг.). Первый его зафиксированный контакт с религией был на церемонии издания указа о утверждении буддизма и даосизма, еще до того, как он стал императором. Помимо того, что его открытая поддержка была нужна для того, чтобы его поддерживало духовенство, Вэнь-ди сам был усердным верующим. Для поддержки буддизма, он указал местным чиновникам собирать и доставлять обломки буддийских статуй в монастыри для их дальнейшего

восстановления. В 590 году, после завоевания южной династии Чэнь, Вэнь-ди объявил о дальнейшем распространении своей про-буддийской политики.

Если в эпоху Шести династий конфуцианство, даосизм и буддизм были заняты развитием своих учений и укреплением, то уже в Суй отслеживается четкая конкуренция между тремя учениями. Конфуцианству, как и раньше, придерживались в ведении политики — из него брали идеи, ценности, практики и ритуалы. Вэнь-ди пользовался помощью даосов для создания календаря и вначале своего правления активно поддерживал их. Однако со временем, осознав, к чему может привести даосское учение, начал применять меры по их сдерживанию (Марханова Т.Ф. 2017, 94). А в отношении буддизма Вэнь-ди пошел на воссоздание, должность датун 大统 (главный инспектор) — чиновник, следящий за буддийским духовенством и монастырями (Марханова Т.Ф. 2015, 112).

Следуя из всего вышесказанного, мы можем сказать, как религиозная политика правителей предыдущих династий сказывалась на существовании религий в Китае и как это повлияло на первых правителей династии Тан. Прежде всего отметим, что на протяжении многих веков конфуцианство позиционировалось, как важная идейная платформа. Учение трансформировалось, в том числе за счет синтеза с легизмом, и в конечном итоге это привело к тому, что конфуцианство закрепилось как официальная идеология на последующие две тысячи лет. Но, с приходом варваров на Север, не доверяющим китайцам, происходит укреп-

ление буддизма, а конфуцианство уходит на второй план. Правда потом в рамках ассимиляции варварских племен конфуцианство возвращается, но буддизм уже часть Китая. В-третьих, династия Суй пыталась если не примирить, то как минимум снизить конкуренцию между представителями разных конфессий. И, в-четвертых, стоит упомянуть, что династия, объединившая под собой весь Китай — это не этнические китайцы. То есть, почитая традиции китайского общества, они все еще были открыты к иноземным новшествам.

В период правления династии Тан конфуцианство, по ряду причин смогло вновь стать доминирующим учением в стране. Во-первых, причина свержения прошлой династии — династии Суй — нападки суйской аристократии на конфуцианцев. Во-вторых, сам император Гао-цзу (618-626 гг.), его сын император Тай-цзун (627-649 гг.) и аристократия придерживались конфуцианских принципов в ведении политики. Благодаря поддержке императора Гао-цзу строились новые школы, потомки Конфуция получали вознаграждения, были установлены новые каноны. И здесь стоит отметить, что сын Гао-цзу, следующий император Тай-цзун, был даосом — после свержения отца в 626 году он прозвал себя потомком Лао-цзы. Тем не менее, он сам все еще следовал конфуцианским традициям и не ограничивал его.

Даосизм, сам по себе, был стабилен, как одно из «Трех учений» Китая. Так как Тай-цзун успел остановить своего отца перед подписанием закона об ограничении даосизма и буддизма, тысячи храмов были спасены от закрытия.

Однако, все еще не был решен вопрос о статусе даосов и буддистов — тогда, в 637 году Гаочзун (650-684 гг.) утвердил, что даосы получают более почетное место при проведении церемоний, чем буддисты. Тем не менее он утверждал, что разницы в этих учениях нет (Зельницкий А.Д. 2014, 68).

Буддизм, как было сказано ранее, в период правления династии Суй достиг огромных успехов на пути укрепления в Китае. Поэтому, помимо поддержки со стороны государства, в этот период сам буддизм помогал другим религиям приспособиться в Китае — главным образом такую помощь получило несторианство.

Если говорить про причины укрепления иноземных, или как говорили сами китайцы, «варварских» религий, то первой и самой очевидной причиной является торговля и международные отношения. Многие купцы являлись и миссионерами — такая тактика помогала более успешно вести свою проповедь и заинтересовывать большее количество местного населения. А послы, тем временем, проповедовали среди власти. Следующей причиной можно выделить отношение китайцев к богам, сформированное еще в древности — они были политеистами, а значит принимали идею того, что существует не один единый Бог, а несколько. В следствии этого в Китае уже продолжительное время существовал пантеон богов, и добавить туда еще нескольких им не составляло труда. Также нельзя не упомянуть, что в данный период Китай занимал обширные территории, в том числе под его покровительство входило несколько тюркских племен, которые са-

ми по себе славятся веротерпимостью. Таким образом, данные факторы можно выделить основными причинами веротерпимости танского правительства и принятия иноземных религий.

Первая из «Трех варварских религий», попавших в Китай — зороастранизм. Он проник на территорию Поднебесной еще в период Шести династий, то есть около VI века. Больше всего влияния они имели на территории северо-запада страны. В период правления династии Суй (581-618 гг.) зороастранизм официально принимается правительством — к власти приглашают зороастрийских жрецов, активно строятся храмы. Расцвет этой религии наступает в период Тан — создается Управление по делам зороастрийцев. Но, как и другие религии, зороастранизм был подвержен гонениям при правлении императора У-цзуна (841-846 гг.) (Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. 2006, 328-329). Его указ 845 г. подразумевал закрытие всех храмов иноземных религий (в том числе и буддийских) и возвращение монахов к мирской жизни — причиной тому становится экономический кризис. (Зельницкий А.Д. 2014, 74). Однако главная проблема выявления зороастрийского наследия в Китае состоит в том, что на данный момент так и не было найдено письменных памятников, подтверждающих их нахождение в стране.

Второй из «Трех варварских религий» считается христианство. Оно, в своей несторианской форме, попало в Китай в 635 г. с проповедником Алобэнем (кит. 阿羅本, Āluóběn), который сразу смог попасть на прием к Тайцзуну. Император принял учение Алобэня

благоприятным для своего народа, поэтому приказал перевести книги, привезённые проповедником, на китайский, а также начать строительство христианских храмов. Как и другие религии, христианские книги подверглись жестким изменениям в понятиях ради того, чтобы иметь возможность утвердиться в Китае. В этот период был переведен ряд христианских трудов, были построены храмы и воздвигнута знаменитая Сианьская стела.

Считается, что несторианство, из всех иноземных религий того времени, лучше всех смогло прижиться в Китае. Основной причиной можно выделить то, что переводчики несторианских текстов активно полагались на помощь буддийских и даосских школ – таким образом христианские термины были привычны китайскому населению. Однако, здесь же возникает проблема — термины утратили свой смысл, ведь основывались они на буддийские термины. Например, Бога назвали Буддой и на пантеоне он стоял на одном уровне и Лао-цзы и Конфуцием (Алексанян А.Г. 2012, 238-240). К тому же, под влиянием конфуцианства была изменена и структура христианских канонов. Тем не менее, такое сильное изменение терминов и структуры присутствовало только в первых переведенных текстах, таких как «Канон Иисуса-Мессии» — в последующих переводах, например «Единобожие», текст вернул себе каноничный вид, как в Евангелие.

Также, стоит упомянуть Ми Цзифэня (714-805 гг.) — являясь командиром гвардии, он жил в храме религии Великой Цинь. По мнению Д.П. Шульги, Великой Цинь именовали окраины

Римской империи, откуда шло распространение несторианства (Шульга Д.П. 2021, 936). Этот пример доказывает, что христианство действительно смогло укрепиться в Китае. Первый этап распространения несторианства в Китае заканчивается вместе с указом императора У-цзуна, что настигло и другие религии. Однако, скрываясь от нападок властей, примыкая то к буддистам, то к даосам, несториане смогли сохранить свою веру до прихода династии Юань.

Последней, но не менее важной религией из «Трех варварских религий» является манихейство. После ухода от вавилонского влияния, обосновавшись в Согде, в период с IV по VII века проходила миссионерская деятельность манихеев. Именно с этого периода можно начать говорить о взаимоотношениях между манихеями и китайцами, так как в текстах, написанных в этот промежуток времени, манихеи используют буддийские термины. Китайские последователи манихейства утверждают, что активное распространение учения приходилось на период начала правлении династии Тан, хотя официальная хроника заявляет, что посланник Михр-Ормузда прибыл ко двору правящего дома только при императрице У Цзэтянь (684-705 гг.) (Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. 2006, 329-330).

Одновременно с несторианством в Китай попадает ислам — большое количество мусульманских торговцев селится в районах Южного побережья. Однако, большинство контактов Китая с исламским миром держалось на просьбах о военной помощи и обмене делегациями.

Как несториане возвели первую стелу в Сиане, так и первая мусульманская мечеть, построенная в начале VIII века, также располагалась в Сиане (Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. 2006, 318). И если на юге китайцы позволили купцам жить ради торговли, то в Чанъани ислам не смог так закрепиться, ибо дипломатические миссии краткосрочны. По мнению Латурет К., мусульмане в Китае отличались от представителей других иноземных религий тем, что они практически не занимались миссионерской деятельностью (Latourette K.A. 1929, 51).

Таким образом мы можем прийти к выводу, что религиозная политика правителей династии Тан была основана на опыте предшествующих династий. Дабы избежать конфликтов на религиозной почве, императоры династии Тан монархи придерживались веротерпимого направления во внутренней политике. Конфуцианство использовалось как официальная идеология государства, основатель даосизма, Лао-цзы, с этого времени считался предком-основателем правящей династии, а буддизм, как некогда чуждая религия, помогал новоприбывшим учениям укрепиться в Китае. И пусть большинство этих новых для Китая религий так и не смогли прижиться в китайском обществе, они показали то, что ценящий традиции Китай, в один из периодов своей истории, был открыт к «чужому» настолько, что мог без особых проблем принять и поддержать иноземные религии.

Список литературы

1. Марханова Т.Ф. Религиозная политика династии Суй и традиционная китайская система «Трех учений» (Сань Цзяо). *«Вестник БГУ, Гуманитарные исследования Внутренней Азии.* 2017; №1. С. 93-97.
2. Васильев Л.С. *Культы, религии, традиции в Китае.* Москва: Ломоносовъ, 2015.
3. Торчинов Е.А. *Даосизм: Опыт историко-религиоведческого описания.* Санкт-Петербург: Андреев и сыновья, 1993.
4. Ebray P.B. *The Cambridge Illustrated History of China.* New York: Cambridge University Press, 1996.
5. Орбодоева М.В. Предпосылки формирования школ китайского буддизма в период Наньбэйчао. *Исторический журнал: научные исследования.* 2023; № 6. С. 40 - 46.
6. Торчинов Е.А. *Буддизм в Китае и на Дальнем Востоке / Введение в буддологию: курс лекций.* Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2000.
7. Марханова Т.Ф. Буддизм в Китае в период правления суйского императора Вэньди. // *Национальная ассоциация ученых (НАУ).* 2015; №11 (7). С. 110-113.
8. Зельницкий А.Д. Краткий очерк политики государства в области верований и ритуалов в Китае эпохи Тан (618-907). *Вестник Санкт-Петербургского университета, сер. 17, Вып. 1.* 2014. С. 65-75
9. *Духовная культура Китая: энциклопедия:*

- в 5 т. Гл. ред. М.Л. Титаренко. Ин-т Дальнего Востока. Т. 2. Мифология и религия. – Москва: Вост. лит., 2006.
10. Алексанян А.Г. Несторианство в Китае. *Общество и государство в Китае: Т. XLII*, ч. 3. 2012. С. 238-240.
11. Шульга Д.П. Несторианское христианство в танском Китае (по материалам эпиграфии Ми Цзифэнья). *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья*. №13. 2021. С. 934-941.
12. Latourette K.A *History of Christian Missions in China*. New York: Macmillan, 1929.
6. Torchinov Ye.A. Buddizm v Kitae i na Dalnem Vostoke / Vvedenie v buddologiyu: kurs lektsii. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2000.
7. Markhanova T.F. Buddizm v Kitae v period pravleniya suiskogo imperatora Ven-di. // Natsionalnaya assotsiatsiya uchenikh (NAU). 2015; №11 (7). S. 110-113.
8. Zelnitskii A.D. Kratkii ocherk politiki gosudarstva v oblasti verovanii i ritualov v Kitae epokhi Tan (618-907). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, ser. 17, Vip. 1. 2014. S. 65-75
9. Dukhovnaya kultura Kitaya: entsiklopediya: v 5 t. Gl. red. M.L. Titarenko. In-t Dalnego Vostoka. Т. 2. Mifologiya i religiya. – Moskva: Vost. lit., 2006.
10. Aleksanyan A.G. Nestorianstvo v Kitae. Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: T. XLII, ch. 3. 2012. S. 238-240.
11. Shulga D.P. Nestorianskoe khristianstvo v tanskom Kitae (po materialam epitafii Mi Tszifeny). Materiali po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomorya. №13. 2021. S. 934-941.
12. Latourette K.A *History of Christian Missions in China*. New York: Macmillan, 1929.

References

1. Markhanova T.F. Religioznaya politika dinastii Sui i traditsionnaya kitaiskaya sistema «Trekh uchenii» (San Tszyao). «Vestnik BGU», Gumanitarnie issledovaniya Vnutrennei Azii. 2017; №1. S. 93-97.
2. Vasilev L.S. Kulti, religii, traditsii v Kitae. Moskva: Lomonosov, 2015.
3. Torchinov Ye.A. Daosizm: Opit istoriko-religiovedcheskogo opisaniya. Sankt-Peterburg: Andreev i sinovya, 1993.
4. Ebray P.B. *The Cambridge Illustrated History of China*. New York: Cambridge University Press, 1996.
5. Orbodoeva M.V. Predposilki formirovaniya shkol kitaiskogo buddizma v period Nanbeichao. Istoricheskii zhurnal: nauchnie issledovaniya. 2023; № 6. S. 40 - 46.
1. Markhanova T.F. Religioznaya politika dinastii Sui i traditsionnaya kitaiskaya sistema «Trekh uchenii» (San Tszyao). «Vestnik BGU», Gumanitarnie issledovaniya Vnutrennei Azii. 2017; №1. S. 93-97.
2. Vasilev L.S. Kulti, religii, traditsii v Kitae. Moskva: Lomonosov, 2015.
3. Torchinov Ye.A. Daosizm: Opit istoriko-religiovedcheskogo opisaniya. Sankt-Peterburg: Andreev i sinovya, 1993.
4. Ebray P.B. *The Cambridge Illustrated History of China*. New York: Cambridge University Press, 1996.
5. Orbodoeva M.V. Predposilki formirovaniya shkol kitaiskogo buddizma v period Nanbeichao. Istoricheskii zhurnal: nauchnie issledovaniya. 2023; № 6. S. 40 - 46.
6. Torchinov Ye.A. Buddizm v Kitae i na Dalnem Vostoke / Vvedenie v buddologiyu: kurs lektsii. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2000.
7. Markhanova T.F. Buddizm v Kitae v period pravleniya suiskogo imperatora Ven-di. // Natsionalnaya assotsiatsiya uchenikh (NAU). 2015; №11 (7). S. 110-113.
8. Zelnitskii A.D. Kratkii ocherk politiki gosudarstva v oblasti verovanii i ritualov v Kitae epokhi Tan (618-907). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, ser. 17, Vip. 1. 2014. S. 65-75
9. Dukhovnaya kultura Kitaya: entsiklopediya: v 5 t. Gl. red. M.L. Titarenko. In-t Dalnego Vostoka. Т. 2. Mifologiya i religiya. – Moskva: Vost. lit., 2006.
10. Aleksanyan A.G. Nestorianstvo v Kitae. Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: T. XLII, ch. 3. 2012. S. 238-240.
11. Shulga D.P. Nestorianskoe khristianstvo v tanskom Kitae (po materialam epitafii Mi Tszifeny). Materiali po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomorya. №13. 2021. S. 934-941.
12. Latourette K.A *History of Christian Missions in China*. New York: Macmillan, 1929.

Сведения об авторах

Рождественская Таисия Сергеевна

Казанский (Приволжский) государственный университет
Г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18
tasero1004@gmail.com

Мухаметзянов Рустем Равилевич,

Доцент, кандидат исторических наук
Казанский (Приволжский) федеральный университет
rustemr@mail.ru

Information about the authors

Taisiya S. Rozhdestvenskaya

Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Kremlevskaya st, 18
Tasero1004@gmail.com

Rustem R. Mukhametzyanov

Associate Professor, Candidate of Historical Sciences
Kazan (Volga Region) Federal University
rustemr@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.10.2025.

Принята к публикации: 10.10.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.09.2025

Approved after reviewing 02.10.2025

Accepted for publication 10.10.2025

Ivan Yefremov and China

Иван Ефремов и Китай

Сергеев Сергей Алексеевич¹,

Сергеева Зульфия Харисовна²

¹Казанский федеральный университет,
Казань, Россия

²Казанский национальный исследовательский
технологический университет, Казань, Россия

Автор, ответственный за переписку:

SA.Sergeev@kpfu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3654-8153>

Sergey A. Sergeev¹,

Zulfiya Kh. Sergeeva²

*¹Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia*

*²Kazan National Research Technological University,
Kazan, Russia*

Corresponding author:

SA.Sergeev@kpfu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3654-8153>

УДК 930.85+82.3 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2025-144-161](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-144-161)

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется место, которое занимает Китай в творчестве Ивана Антоновича Ефремова (1908 – 1972), советского российского ученого-палеонтолога, автора научно-фантастических и исторических романов и рассказов. Актуальность статьи определяется тем, что роль и место Китая в творчестве И. А. Ефремова ранее не рассматривалась. Ключевыми источниками являются романы и повести И. А. Ефремова, его переписка, а также опубликованные архивные материалы. Отношение И.А. Ефремова к Китаю, населению Китая, достижениям китайской цивилизации было сложным и неоднозначным. Наряду с восхищением культурными и научными достижениями Китая соседствует критическое отношение

ABSTRACT

The article analyzes the place that China occupies in the works of Ivan Antonovich Yefremov (1908 – 1972), a Soviet Russian paleontologist, author of science fiction and historical novels and short stories. The relevance of the article is determined by the fact that the role and place of China in the works of I. A. Yefremov has not been previously considered. The key sources are the novels and stories of I. A. Yefremov, his correspondence, as well as published archival materials. I. A. Yefremov's attitude to China, the population of China, the achievements of Chinese civilization were complex and ambiguous. Along with admiration for the cultural and scientific achievements of China, there is a critical attitude towards the authori-

к авторитарным методам управления и манипулирования массами. Китайский колорит, в который окрашен мир планеты Торманс в научно-фантастическом романе «Час Быка», выполняет несколько задач: помогает обходить советскую цензуру, а также обращает внимание на общие авторитарные в развитии индустриальных обществ. Амбивалентность образа Китая ярко проявилась и в последнем романе А. И. Ефремова «Таис Афинская».

Ключевые слова: Иван Ефремов, Китай, советская литература, научная фантастика, цензура

Для цитирования: Сергеев С.А., Сергеева З.Х. Иван Ефремов и Китай. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (4). С. 144-153 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-144-161>

В творчестве Ивана Антоновича Ефремова (1908 – 1972), советского российского ученого-палеонтолога, автора научно-фантастических и исторических романов и рассказов, Китай занимал не первое, но и не последнее место. Для творческого воображения И. Ефремова были особенно важны три страны: античная Греция, воплощавшая его эстетический идеал, Индия, философско-религиозные учения которой в значительной мере определяли мировоззренческие «рамки» мира Ефремова как писателя и мыслителя — даже собственное посмертное он мыслил в индуистских терминах (Переписка... 2016, 635), и Россия как родина писателя и ученого.

Однако писательский и исследовательский интерес И. Ефремова не ограничивался

tarian methods of management and manipulation of the masses. The Chinese flavor, which paints the world of the planet Tormance in the science fiction novel «The Bull's Hour», performs several tasks: it helps to bypass Soviet censorship, and also draws attention to the general authoritarian tendencies in the development of industrial societies. The ambivalence of the image of China is clearly manifested in the last novel by A. I. Yefremov «Thais of Athens».

Keywords: Ivan Yefremov, China, Soviet literature, science fiction, censorship

For citation: Sergeev S. A., Sergeeva Z. Kh. Ivan Yefremov and China. *Modern Oriental Studies*. 2025; 7 (4). P. 144-153 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-144-161>

тремя странами, названными выше: его интересовала и Африка, романтически воспринимаемая как «страна первобытности, кусок древнего мира... среди нашей цивилизации» (Переписка..., 2016, 421), и Египет как родина магии и оккультизма, и Монголия, где он неоднократно был в палеонтологических экспедициях, и Тибет, и Китай. Сложное и неоднозначное отношение И. Ефремова к Китаю, выраженное им в своих произведениях и путевых заметках, рассмотрим ниже.

В повестях и романах И. Ефремова конца 1940-х – 1950-х гг. Китай и действующие лица, носящие китайские имена, упоминаются лишь вскользь — как, впрочем, и в научно-фантастических произведениях других советских

писателей того времени. В «Звездных кораблях» (1947) повествование начинается с того, что советские ученые получают посылку, отправленную китайским палеонтологом Тао Ли (Ефремов, 1953, 30-31). В «Туманности Андромеды» главные герои, путешествуя по степи, встречают лагерь экспедиции, возглавляемой Ляо Ляном — палеонтологом, «раскрывшим загадку заселения Азиатского материка в палеозойской эре» (Ефремов, 1959, 122). Как можно видеть, двух эпизодических персонажей, китайцев по происхождению, И. Ефремов сделал своими коллегами-палеонтологами.

Отметим также, что в последующих переизданиях «Звездных кораблей» и «Туманности Андромеды» (Ефремов, 1965, 62, 227) И. Ефремов не стал изменять национальность своих героев, хотя в советской издательской практике 1960-х – 1970-х гг. это было частым явлением. Так, из повести А. и Б. Стругацких «Страна багровых туч», вышедшей двумя изданиями в 1959 и 1960 гг., при переиздании в 1969 г. по требованию редакции были удалены или заменены все китайские имена и названия. Планетолет «Хиус» теперь создавали «советские и английские мастера безгравитационного литья», а не «советские и китайские», китайская народная мудрость «Когда носорог глядит на луну, он напрасно тратит цветы своей селезенки» стала вьетнамской, а командир звездолета «Янцзы» Лу Ши-эр был переименован в командира индийского звездолета «Карма» Рая Листа. Впрочем, в радиобеседе с терпящим бедствие англичанином Рай Лист по-прежнему спрашивал, говорит ли тот по-китайски (Неизвестные Стругацкие, 2005, 142). На прав-

ках настаивала редакция издательства «Детская литература», но требование исходило от Главлита (Стругацкий А., Стругацкий Б., 2018, 690-692). Аналогичные изменения произошли и при переиздании повести А. и Б. Стругацких «Путь на Амальтею» (Неизвестные Стругацкие, 2005, 272).

Осенью 1958 г. И. Ефремов в составе делегации Палеонтологического института АН СССР посетил Китайскую Народную Республику. Делегация в составе четырех человек — директора института Ю. Орлова, зам. директора Е. Малеева, начальника советской части советско-китайской палеонтологической экспедиции А. Рождественского и самого И. Ефремова как научного консультанта экспедиции — посетила Пекин, Циндао, Нанкин, Шанхай и Ханьчжоу, институт палеонтологии в Пекине, а также второй институт палеонтологии, геологический музей и астрономическую обсерваторию в Нанкине. Программа предусматривала и осмотр достопримечательностей — Великой Стены, летнего императорского дворца в Пекине и др.

Путевые заметки, которые делал И. Ефремов в своей записной книжке в ходе поездки, находятся в архиве Российской академии наук и частично опубликованы Н. В. Бойко (Бойко, 2024). Эти записи лаконичны, но не носят строго делового характера. И. Ефремов фиксирует свои впечатления от парков и садов с реликтовыми деревьями, храмов и статуй, являющихся порой «эффектное и странное зрелище» (Бойко, 2024, 210). Увиденное нередко характеризуется эмоциональными эпитетами: гробницы минских императоров — «чудовищные» (по своим

размерам), скелеты динозавров — «замечательные» и «невероятные», озеро — «изумительной красоты». Не упустил И. Ефремов из виду и картины социальной жизни Китая конца 1950-х гг.: «битва за сталь» периода «большого скачка», которую как раз застала делегация советских ученых, названа «фантастическим зрелищем плохой работы»: «громовой ор радио и повсюду на всех дорогах тачки, тачки и тачки» (Бойко, 2024, 198). Наряду с сухой констатацией фактов он фиксирует и возникающие у него ассоциации, преимущественно литературного характера: «гигантский город» (Шанхай) он сравнивает с муравейником, башню на берегу Янцзы — с боевым треножником марсиан (Бойко, 2024, 203), а площадки с башенками в Храме Лазурных Облаков, откуда открывается «грандиозный вид на всю пекинскую равнину» — с мостиком межпланетного корабля (Бойко, 2024, 210).

Поездка в КНР произвела на И. Ефремова неоднозначное впечатление. О. Еремина и Н. Смирнов в биографии И. Ефремова отметили неприятный осадок, оставшийся у писателя после лекции по палеонтологии в Пекинском университете: «за партами сидели студенты в абсолютно одинаковых костюмах, с одинаково причесанными черными волосами и — как показалось Ефремову — с одинаковыми лицами. Что-то безжалостное, почти механическое почудилось ему в этих рядах однородных людей» (Еремина, Смирнов, 2013, 389). Этот эпизод, скорее всего, описан со слов родственников Ефремова — вдовы или сына — и мог быть вызван эмоциональным и физическим упадком сил после поездки: из-за обострения стенокар-

дии он почти полтора месяца провел в постели, а потом два месяца провел в санатории (Еремина, Смирнов, 2013, 390). Но множество превосходных эпитетов, которыми И. Ефремов использовал в своих записях о путешествии в Китай, заставляют усомниться в том, что его впечатления от Китая носили исключительно негативный характер.

Поездка в Китай породила у И. Ефремова желание написать рассказ под названием «Высокий перекресток». И. Ефремов списался с одним из переводчиков, сопровождавших советскую делегацию (его имя транслитерируется как Тай Пый или, возможно, Гай Пый) (Бойко, 2024, 212), попросив его перевести на китайский имя героя задуманного рассказа, название храма и кораблей (Переписка..., 2016, 370-372). Рассказ так и не был написан, но, насколько можно судить по сохранившимся подготовительным материалам, его действие должно было происходить в Китае, древнем или современном, и быть так или иначе связано с работой механизма человеческой памяти, о котором И. Ефремов писал в рассказе «Эллинский секрет» и романе «Лезвие бритвы» (Еремина, Смирнов, 2013, 390).

В романе «Лезвие бритвы», написанном в начале 1960-х гг., упоминаний Китая почти нет, не считая упоминания китайского дракона — украшения на платье одной из героинь (Ефремов, 1988, 301) и реплики главного героя о китайском цветочном чае луй-ча (Ефремов, 1988, 558), с которым И. Ефремов, вероятно, познакомился в Китае. Хотя часть действия романа происходит в Тибете, это так называемый Малый Тибет, или Ладакх (Ефремов, 1988, 338-

340), принадлежащий Индии; во время написания романа он был частью индийского штата Джамму и Кашмир, а с 2019 г. является одной из союзных территорий Индии.

Совсем иную картину мы видим в романе «Час Быка». Рассказывая о визите земного звездолета «Темное пламя» на планету Торманс, населенную выходцами с Земли, И. Ефремов не просто намекает, но порой даже подчеркивает китайские черты в культуре и образе жизни обитателей Торманса. Тормансианский язык описывается И. Ефремовым как похожий «на древние языки Земли с удивительной смесью слов Восточной Азии и... английского языка»; подобно китайскому, он является тоновым языком, т.е. значение слова зависит от тона — контура высоты голоса или «высоты звука» (Ефремов, 1970, 60). Письменность Торманса не являлась чисто фонетической, а «представляла собой систему сложных знаков — идеограмм», сложные изображения которых «казались изящными абстрактными рисунками». В то же время «существовал упрощенный набор письменных знаков, каким обходились в повседневной жизни и облегченном языке печатных новостей» (Ефремов, 1970, 63). В этом описании также нетрудно узнать иероглифическую письменность, используемую в Китае.

Язык и письменность — главные признаки, указывающие на связь ефремовского Торманса с Китаем. Есть и более мелкие детали, хотя их немного. Гостиница «Лазурное Облако» в «Часе Быка» (Ефремов, 1970, 384), возможно, обязана своим названием Храму Лазурных Об-

лаков, который посетил И. Ефремов в Пекине (Бойко, 2024, 209).

При посещении астрономической обсерватории в Нанкине И. Ефремов обратил внимание на бронзовый небесный глобус I в. н.э., на который были нанесены созвездия в том числе и южного полушария (Бойко, 2024, 202). Вероятно, именно это впечатление позже трансформировалось в картину тормансианской библиотеки в Институте Общественного Устройства с рядом небесных глобусов и цветных карт с изображениями других миров в таких подробностях, которые могли дать только «передачи Великого Кольца» (Ефремов, 1970, 182).

Эпиграф к роману «Час Быка», первоначально, в журнальной публикации «Техники — молодежи» отсылавший к тибетским легендам о бодисатве и его ученике, который должен передать свое знание о прошлом и будущем, используя несколько уровней смысла (Ефремов, 1968, 8), уже в журнальной публикации «Молодой гвардии» и в книжной публикации заменен на более краткую и однозначную цитату из китайско-русского словаря епископа Иннокентия (Ефремов, 1970, 10), приобретшую, с учетом содержания романа, дополнительный трагический смысл. Заменой эпиграфа автор еще раз привлекал внимание к Китаю и уходил от откровенного намека на существование у романа подтекст или подтекстов.

Имена тормансиан, придуманные И. Ефремовым, имеют мало общего с китайскими именами. Да, они могут быть двусложными или трехсложными, как в Китае, но этим сходство, пожалуй, и исчерпывается. По замыслу И. Ефремова,

дву- или трехсложность имени является прямым указанием на социальный статус: «двуименные составляли высшие классы общества планеты» (Ефремов, 1970, 74), трехсложные имена носили обычные тормансиане. Если обратиться к именам высших руководителей Торманса, то они сконструированы, по-видимому, следующим образом: одно из имен так или иначе должно вызывать ассоциации с одной из восточных культур, другое — с одной из западных. Первая часть имени владыки Торманса Чойо Чагаса, скорее всего, представляет слегка видоизмененное название одной из гор Непала Чо-Ойю, означающее на тибетском «богиня бирюзы» или «голова бога» (Тихи, 1960), в качестве второй взята фамилия бразильского врача К. Чагаса (также транслитерируется кириллицей как «Шагас»), описавшего тропическую болезнь, названную его фамилией. Трем другим владыкам Торманса — Гентло Ши, Кандо Лелуфу, Зетрино Умрому — Ефремов также дал явно не китайские имена; одни из них напоминают Западную или Южную Европу, Францию (Лелуф) или Италию (Зетрино), другие — Дальний Восток, Японию и Корею или же Центральную Европу (Кандо — венгерская фамилия, а также корейское название одной из местностей в Северо-Восточном Китае и реки в Японии). Подобная неопределенность, когда одно имя могло воспринимать и как английское, и как китайское, другое — не то венгерское, не то японское, была, по всей видимости, сознательным приемом Ефремова, создававшим, с одной стороны, эффект дистанцирования, с другой же — пробуждавшим ассоциативные связи читателя.

И. Ефремов писал «Час Быка» в те годы, когда в КНР происходила «культурная революция». Но, хотя сцен насилия в романе немало, эксцессов, характерных для «культурной революции», среди них нет. Да, Ефремов изображает, как компания хулиганов избивает на улице «знаменитого писателя». Но это — спонтанная выходка, а не часть кампании, организованной сверху. Позиция автора по отношению к этому инциденту, кстати, двусмысленна: хотя он устами врача Звездного Флота Земли Эвизы Танет резко осуждает расправу, ребята с улицы тоже не так просты, как это может показаться, и отстаивают свою «сермяжную правду»: «эти проклятые писатели-холуи выдумывают небылицы о нашей жизни, перевирают историю, доказывая величие и мудрость тех, кто разрешает им жить подольше и хорошо платить» (Ефремов, 1970, 309).

Общество Торманса, как его описывает И. Ефремов — это общество «остывшее» и апатичное, напоминающее в этом отношении СССР в послевоенные десятилетия, а не общество, охваченное революционной лихорадкой. В тех случаях, когда необходимо показать «негодование» народа — его изображают специально подобранные «группы людей, которые высказываются абсолютно одинаково, с наигранным рвением» (Ефремов, 1970, 81). «Культурная революция» упоминается в романе — но как негативный опыт прошлого: когда Чойо Чагас говорит о том, что держит интеллигенцию Торманса («своих ученых слуг») в страхе, что бросит на них массу простонародья, руководитель земной экспедиции Фай Родис отвечает ему, что «такая память уже осталась... на Земле после

китайского лжесоциализма» (Ефремов, 1970, 281).

Примечательно, что отсылка к Китаю в данном случае отвлекает внимание от того обстоятельства, что страх перед толпой в 1960-е гг. испытывала оппозиционно настроенная советская интеллигенция. Карл Проффер, глава издательства «Ардис», в 1969 г. посетивший вдову поэта Осипа Мандельштама — Надежду Мандельштам, заметил, что «она боялась народа», поскольку считала, что «если будет дан нужный сигнал, в людях снова проснеться кровожадность и любой прохожий будет способен уничтожить ее и ей подобных — евреев и интеллигентов» (Проффер, 2017, 40-41). Ранее, в 1962 г. художник и писатель Ю. Даниэль опубликовал за рубежом (под псевдонимом Николай Аржак) фантастическую повесть «Говорит Москва», сюжет которой разворачивается вокруг объявленного указом Верховного Совета СССР «Дня открытых убийств», в течение которого каждый гражданин СССР может безнаказанно убить другого человека (Даниэль, 2009, 23-56). Сам И. Ефремов, необходимо отметить, подобной демофобии не разделял.

Обычной практикой для Торманса является присвоение имен руководителей различным учреждениям: «У нас любой институт, театр, завод может быть назван именем великих, которые не имеют никакого отношения ни к науке, ни к искусству, вообще ни к чему, кроме власти» (Ефремов, 1970, 337). Гротескный характер приобретают переименования, когда новое имя в честь жены владыки получает вся планета (Ефремов, 1970, 139). В КНР, в отличие от СССР и стран Восточной Европы, подобной практики не существовало: ни один город не

был назван — или переименован — в честь руководителей КНР. В разгар «культурной революции», во второй половине 1966 г., некоторым улицам, магазинам, больницам могли даваться новые, «революционные» названия, например, ресторан «Москва» в Пекине был переименован в «антиревизионистскую столицу», а улица, ведущая к советскому посольству — в «Улицу борьбы против ревизионизма» (История Китая, 2017, 385). В Тяньцзине были переименованы 40 тысяч магазинов, а учащиеся средних школ Пекина предложили назвать свой город «Алеет Восток» — Дунфанхун (История Китая, 2017, 383). Подобная практика носила чрезвычайный характер и была недолгой. В СССР же практика переименований населенных пунктов в честь руководителей государства (восходившая к имперской традиции) приобрела систематический характер уже в 1920-е гг. и продолжалась около шести десятилетий, до 1980-х гг. При этом уже во второй половине 1960-х гг. недовольство подобной практикой могло порой выплескиваться в публичное пространство (Фирсов, 2008, 437-440).

Один из топонимов, упомянутый в «Часе Быка» — сады Цоам, названные по имени «величайшего гения Цоама» (Ефремов, 1970, 82) — иногда объявляются неполной анаграммой имени Мао Цзэдун (Константинов, б.г.). Возможно, замысел И. Ефремова действительно был таков, и в своем художественном творчестве он использовал анаграммы, шифруя собственную фамилию (Сергеев, 2019, 69-70). Впрочем, слишком простые анаграммы с очевидной расшифровкой Ефремову не нравились (Стругацкий, 2003, 112). Но топоним «Цоам»

может иметь иное происхождение, не имеющее отношения к Китаю. И. Ефремов мог вдохновляться «Аэлитой» А.Н. Толстого: «Иди к великолепному гейзеру Соам и омойся», — говорит герой первого рассказа Аэлиты (Толстой, 1958, 600).

Некоторые черты общественной жизни Торманса, такие, как неумеренная и нездоровая экзальтация вокруг каждого из высказываний членов высшего руководства — Совета Четырех, которые «восхвалялись как высшая государственная мудрость» (Ефремов, 1970, 74) или агрессивный дискурс речей официальных пропагандистов, переходящий в ругань и оскорблении (Ефремов, 1970, 79-80), «идиотские критические замечания, поношения, шельмование людей на производстве или в сферах искусства и науки пронизывали всю жизнь планеты» (Ефремов, 1970, 291), вызывают ассоциации как со сталинским и послесталинским Советским Союзом, так и с КНР при Мао Цзэдуне.

Но преобладают в тексте романа аллюзии и намеки на советские политические и общественные практики. Это тотальная этатизация: государство стоит над народом Торманса «как недобрая и всемогущая сила» (Ефремов, 1970, 271). Репрессии и террор являются частью повседневной жизни и одним из основных способов управления: «Гребенка террора время от времени прочесывала массы “джи”, сановников — “змееносцев”, ученых и “глаз владыки”, оставляя неизгладимый ужас» (Ефремов, 1970, 285). При этом периоды относительной либерализации и ужесточения политического режима чередуются, подобно маятнику, хотя мелкие изменения системы управления ничего не ме-

няют по сути (Ефремов, 1970, 343).

Гуманитарные и социальные науки скованы в своем развитии, изучать «так называемые запретные периоды истории» запрещено, статистика засекречена (Ефремов, 1970, 143). Существует суровая цензура, тотальный контроль над распространением любой информации: «В каждом Доме Зрелищ, на телевидении, радио у них сидят «глаза владыки». Они вправе остановить любое зрелище, выключить всю сеть, если кто-нибудь попробует передать неизданное. ... У «глаз владыки» есть список, что можно исполнять и чего нельзя...» (Ефремов, 1970, 354).

Следствием тотального контроля стала деградация культурной жизни, литературы и искусства, по большей части бездарных и служащих прославлению власти, при этом «все ужасное, кровь и страдания, должны относиться к прошлому... настоящее принято изображать спокойным и невероятно счастливым царством под мудрой властью владык» (Ефремов, 1970, 378).

Однако нельзя назвать Торманс исключительно слепком сталинского СССР. К чертам, типичным для 1930-х – 1950-х гг., И. Ефремов добавляет некоторые «оттепельные» реалии. Астронавигатора «Темного пламени» Вира Норина (вероятно, alter ego автора) приглашают в «мастерскую» медико-биологического института: так называются вечерние собрания научных сотрудников, на которых они проводят дискуссии или развлекаются. Непринужденность и смелость дискуссий первоначально удивили землянина (Ефремов, 1970, 376). Эта

«мастерская» живо напоминает споры «физиков и лириков» начала 1960-х гг. или дискуссионные клубы 1960-х гг. в академических учреждениях, в частности, клуб «Под интегралом» новосибирского Академгородка (1963–1968), бывший одним из символов «оттепели».

Особенности городского планирования, отличающегося «удручающим однообразием домов, школ... мест развлечений и больниц, которое характерно было для поспешного и небрежного строительства эпохи «взрыва» населения», а также сдавливавшем «грохочущий транспорт в узких каналообразных улицах» (Ефремов, 1970, 211), также с определенностью указывают на СССР 1960-х гг.

На время «оттепели» указывает и такая деталь, как борода одного из тормансианских персонажей, инженера Хонтээло Толло Фраэля, или Таэля: «человек, бледнее обычного тормансианина, с густой и короткой черной бородой» (Ефремов, 1970, 140). В конце 1950-х – начала 1960-х гг. ношение бороды, как отмечает Н.Б. Лебина, стало считаться стильным среди «денди хрущевского времени» (Лебина, 2015, 334). Это было связано как со стремлением приблизиться к западным стандартам внешнего облика (мода на Э. Хемингуэя), так и с популярностью таких видов отдыха, как туризм и альпинизм, а также увеличением престижа профессии геологов, часто не бывшихся в экспедициях из-за обилия мошки. Достаточно вспомнить образ, созданный В.С. Высоцким в фильмах «Вертикаль» и «Короткие встречи», вышедших в 1967 г. При этом ношение бороды далеко не старыми мужчинами приобретало характер протеста, вызова сталинскому време-

ни. Впрочем, после свержения Н. С. Хрущева ношение бороды стало приобретать иное символическое значение, как обращение к русской религиозно-этнической духовности (Лебина, 2015, 335-337).

Повседневная жизнь Торманса, свойственные тормансианам хамство, грубость и невоспитанность также могли вызывать ассоциации с советской повседневностью: «Тормансиане шли по улице навстречу как попало, не придерживаясь определенной стороны. Те, кто посильнее, нарочно шли напролом, расталкивая встречных, заставляя тех шарахаться в сторону, и грубо огрызались на упреки. Везде, где проходы стесняли толпу, ... крепкие мужчины и женщины расталкивали более слабых сограждан, стараясь пройти первыми» (Ефремов, 1970, 291-292). Назойливость уличной толпы в Шанхае по отношению к иностранцам И. Ефремов отмечал в своих путевых заметках (Бойко, 2024, 203-204), но в «Часе Быка» речь идет не о назойливости, доходящей до грубости, а, напротив, о безразличии и наплевательском отношении к окружающим. О том же писал Х. Смит, в 1971 – 1974 гг. бывший заведующим московским бюро «New York Times»: «Люди врываются в магазины, толкают друг друга с мрачным, агрессивным выражением лица и не утруждает себя тем, чтобы поблагодарить человека, придержавшего за собой дверь или пропустившего их вперед. Москвичи, эти ожесточившиеся горожане, считаются особенно грубыми» (Smith, 1984, 88).

На Тормансе еда в местах общественного питания отвратительна, поскольку тормансиане, напуганные Веком Голода, стремятся

«произвести как можно больше еды из каждого продукта, добавляя туда несъедобные вещества», а работники столовых воруют (Ефремов, 1970, 303). Плохое качество еды усугубляется хамством обслуживающего персонала. Героиня Ефремова «теряла аппетит от необъяснимой неприязни женщин, раздававших пищу. В жизни Торманса любая зависимость от человека отзывалась унизительной. Тот, кого просили, издевался и куражился, прежде чем исполнить свою прямую обязанность» (Ефремов, 1970, 318). Такое же впечатление от московского общепита осталось у Михайло Михайлова, югославского публициста (впоследствии диссидента), посетившего СССР по студенческому обмену в 1964 г.: «Люди в отношениях друг с другом невероятно грубы. Сядете в ресторане за свободный стол, а официант заорёт: “Разве не видите, что вон тот там не полностью занят, что вы, ослепли!” То же самое в лавках, в автобусах, трамваях» (Михайлов, 1967, 3-4).

Ответ на вопрос, почему И. Ефремов придал миру Торманса китайский колорит и постарался приглушить черты его сходства с СССР, не так прост и однозначен. Конечно, не в последнюю очередь он поступил так для обхода цензуры. Как отмечал И.Г. Ямпольский применительно к русской литературе XIX века, говоря о произведениях В.Г. Белинского и А.К. Толстого, «в русской сатирической литературе и публицистике Китай издавна фигурировал как ширма, за которой можно было более свободно говорить о темных сторонах российской действительности» (Ямпольский, 1969, 648). Но «Час Быка» – это не памфlet против советского тоталитаризма в антимаистской оболочке, но

более сложное произведение. И. Ефремов не мог не видеть, как те или иные тенденции развития СССР в 1920–1940-е гг. *mutatis mutandis* повторяются и воспроизводятся в КНР (индустриализация и «большой скачок», голод 1932–1933 гг. в СССР и «три года природных бедствий» 1959–1961 гг. в КНР, «большой террор» и «культурная революция»). Более того, он в целом усматривал в развитии индустриальных обществ общие авторитарные тенденции, и эти тенденции, по его мнению, состояли в стремлении к самоизоляции ради сохранения политического статус-кво (Ефремов, 1970, 106).

При этом тактика маскировки намеков на СССР отсылками к Китаю в ситуации конца 1960-х гг. в целом оправдала себя: «Час Быка» был опубликован, и не только в журналах (даже дважды), но и книгой. Путь публикации не был гладким: В. Осипов, бывший главный редактор издательства «Молодая гвардия», вспоминал, что первоначально роман был отклонен как «пародия на социализм», но директор издательства В. Ганичев объяснил помощнику М. Суслова, что в нем «описывается казарменный социализм китайского типа», что Ефремов и подтвердил в предисловии к роману (Неизвестные Стругацкие, 2009, 612). Воспоминания В. Осипова, записанные журналистами Д. Пушкарем и С. Чарным в начале 2000-х гг., содержат явные неточности и путаницу: в предисловии к роману, датированном августом 1968 г., ничего не говорится о «казарменном социализме китайского образца», зато упоминается «гангстерский фашистующий монополизм» в США (Ефремов, 1970, 4). Все упоминания о «китайском лжесоциализме» находятся

в тексте романа (Ефремов, 1970, 80-81, 127-129, 252, 281). На aberrации памяти, почти неизбежные по прошествии более чем тридцати лет, указывает и то обстоятельство, что В. Осипов не мог точно вспомнить, к какому именно роману И. Ефремова — «Лезвию бритвы» или «Часу Быка» — относился этот инцидент... Можно лишь констатировать, что какие-то сложности при публикации «Часа Быка» имели место, и аргументация «это не мы, это китайцы» могла сыграть свою роль.

О проблемах, возникших уже после публикации романа, известно из записки Ю.В. Андропова, направленной в порядке информации в ЦК КПСС, письма И. Ефремова секретарю ЦК КПСС П. Демичеву, а также воспоминаний вдовы И. Ефремова Т. Ефремовой. В записке Ю. Андропова, датированной 28 сентября 1970 г. (т.е. после выхода книжного издания «Часа Быка», подписанного к печати 6 мая 1970 г.), И. Ефремов обвиняется в том, что он «под видом критики общественного строя на фантастической планете “Торманс” по существу клевещет на советскую действительность» (Орехова, Петров, 1994, 240-241). На секретариате ЦК КПСС, состоявшемся 12 ноября 1970 г., было решено поручить ЦК ВЛКСМ принять необходимые меры в отношении издательства «Молодая гвардия» и одноименного журнала (поскольку издательство и журнал принадлежали ЦК ВЛКСМ). В этот момент редактор издательства, по-видимому, обратился за помощью к И. Ефремову, а тот апеллировал к секретарю ЦК КПСС П. Демичеву, заявив, что одной из главных целей романа «Час Быка» была «критика маоизма, который... используя опыт коммунистиче-

ского строительства в нашей стране, искажает и выворачивает его в своих целях»: «И очень плохо для критики, если изображение будущего общества, смоделированного по маоистскому Китаю плюс гангстерскому монополистическому капитализму, она принимает за какое-то изображение нашего строя!» (Орехова, Петров, 1994, 243). Аргумент «это не мы, это китайцы» работает в полную силу. В письме к литературному критику А. Бритикову, написанному в тот же день, что и П. Демичеву — 20 ноября 1970 г. — И. Ефремов выражает обеспокоенность развитием событий вокруг издательства и журнала: «Может, и мне тут влетит заодно» (Переписка... 2016, 1224).

В конце ноября или в декабре 1970 г. И. Ефремов был приглашен к П. Демичеву. Подробности их встречи известны со слов вдовы И. Ефремова, изложенных писателем А. Измайловым (Измайлов, 1989, 179-188). Этот рассказ не обошелся без некоторых искажений: так, Т. Ефремова назвала П. Демичева министром культуры, хотя министром культуры тот стал лишь в 1974 г., а с 1961 по 1974 гг. был секретарем ЦК КПСС. И. Ефремов, по словам Т. Ефремовой, остался доволен беседой с П. Демичевым. Более того, секретарь ЦК КПСС заявил, что «Час Быка» нужно издавать миллионными тиражами, внеся, однако, определенные правки, чтобы не создавать ненужных аналогий (Измайлов, 1989, 180). Оптимистичный настрой И. Ефремова проявился и в отправленном в самом конце 1970 г. письме В. Дмитревскому: «“Час Быка” можно смело “пропагандировать”. Нападение отведено самыми высокими инстанциями» (Переписка...,

2016, 1244). Под «высокими инстанциями» в виду, скорее всего, имелся ЦК КПСС, но радость писателя был преждевременной. Его аргументы относительно цели романа, скорее всего, вряд ли могли убедить ЦК КПСС, но, поскольку писатель демонстрировал внешнюю лояльность, его решили не трогать, поскольку в тот момент у ЦК КПСС и КГБ было достаточно хлопот с А. Солженицыным и другими писателями-диссидентами (Сергеев, 2019, 59). «Час Быка» было запрещено не только переиздавать, но и упоминать в прессе (хотя из общедоступных библиотек он, по-видимому, не изымался или изымался не изо всех). Переиздан роман «Час Быка» был только в 1988 г.

В последний раз к Китаю И. Ефремов обратился в историческом романе «Таис Афинская», опубликованном в 1972 г. (впрочем, разница между научно-фантастическим и историческим нарративом не так велика, особенно если исторический романист не следует слепо за документом, а думает, что могло случиться в прошлом). В одном из эпизодов, датируемых примерно 327 г. до н.э., главная героиня романа, афинская гетера Таис встречается с путешественником из Страны Небес, или Срединной страны, лежащей далеко на востоке (Ефремов, 1992, 346-352). Встреча происходит в мидийском городе Экбатана, завоеванном Александром. Вымышленный персонаж романа И. Ефремова повторяет — и даже превосходит — путь, пройденный в конце II в. до н.э. (после 138 г. до н.э.) китайским сановником Чжан Цянем, посетившим ряд государств среднеазиатского региона; сведений о более ранних прямых контактах античных государств и Китая

нет. Хотя И. Ефремов не дожил до издания на русском языке полного перевода «Исторических записок» Сыма Цяня, в которых изложен рассказ о путешествии Чжан Цяня, он мог прощать о нем в трудах Н. Бичурина (Бичурин, 1950, 147-168), Н. Кюнера (Кюнер, 1961, 60-74) или в более популярных изложениях (Хенниг, 1961, 264-279). Более того, современные исследователи не исключают того, что прямые контакты эллинистических государств и Китая могли иметь место и ранее II в. до н.э. (Гусаков, 2013), так что вымысел И. Ефремова не так уж и фантастичен. Отметим, что в описываемый И. Ефремовым период Китай переживал период политической раздробленности (Борющиеся или Сражающиеся царства). В подобной ситуации вряд ли какое-то из китайских государств стало бы отправлять на запад посольство, подобное посольству Чжан Цяня; тем не менее не выходит за рамки допустимого предположение, что подобная экспедиция могла быть предпринята по инициативе одного из правителей, движимого любопытством, или как частная инициатива. Территории, контролируемые кочевыми племенами — саками, юэчжи (кушанами) или сюнну — также можно было преодолеть и в конце IV в. до н.э. при определенной удаче и благоприятном стечении обстоятельств. Важнее, как представляется, другое.

Встреча Таис с путешественником из Китая не является необходимым элементом сюжетной структуры романа и является, в сущности, вставным эпизодом. Наличие подобных эпизодов, не несущих сюжетной нагрузки, является особенностью нарративной структуры двух последних романов И. Ефремова. С какой

целью И. Ефремов вставляет в повествование сцены, не имеющие прямого отношения к сюжету, и зачем ему понадобился эпизод с вымышленным предшественником Чжан Цяня? Зачем Чойо Чагас спрашивает Фай Родис о том, кто такие мещане (Ефремов, 1970, 364), и почему Александр Великий с презрением отвергает недостойные, по его мнению, средства ведения войны (Ефремов, 1992, 214-215)? Не будучи связаны с развертыванием сюжета, эти эпизоды призваны иллюстрировать философские и социальные идеи автора, выступающего в этих случаях не только как писатель, но и как социальный мыслитель. Рассматриваемый эпизод романа «Таис Афинская», как представляется, призван еще раз показать взаимосвязь патриархата и авторитаризма, подчеркнув ущербность обоих. Услышав о том, что жители Срединной государства считают, что женское начало должно быть всегда подчинено мужскому, Таис возмутилась и заявила, что подобное государство «будет всегда на более низком уровне духовного развития», что прямо скажется и на мужчинах, поскольку «порабощение женщины неизбежно влечет за собой рождение рабских душ и у мужчин» (Ефремов, 1992, 350). Утверждение далеко не бесспорное, если вспомнить ту роль, которую в истории Китая сыграли Цы Си и Цзян Цин.

Кроме того, И. Ефремов устами одного из своих героев (выражающего, скорее всего, авторскую точку зрения) относит Китай, наряду с Египтом, Сирией, Персией, к «круговым» странам, то есть странам, закрывшимся от внешних влияний ради «сохранения своих богов, царей и обычаяев». В противоположность им, Эллада,

а также Финикия — страны открытые (Ефремов, 1992, 114). Представление об открытых и закрытых обществах сближает взгляды И. Ефремова с теориями А. Бергсона (Бергсон, 1994) и К. Поппера (Поппер, 1992). В отличие от них, И. Ефремов в своей характеристике двух типов обществ — очень краткой — пишет не о наличии магических табу, сакрализованных предписаний на все случаи жизни, а о видимых и невидимых границах, ограничивающих членов закрытых обществ не только в ментальном, но и в физическом смысле мешающих их передвижению. Подобное понимание закрытости близко ефремовской концепции инферно, подробнее изложенной в «Часе Быка» (Ефремов, 1979, 105-107).

Наконец, говоря о китайском путешественнике как художественном образе, созданном И. Ефремовым, нельзя не отметить его амбивалентность. Его лицо подобно маске, глаза смотрят «зорко, остро и умно», но «с несколько неприятной проницательностью» (Ефремов 1992, 346), а смеется он «взгливым дробным смешком» (Ефремов, 1992, 352). Он не очень симпатичен автору, но Ефремов отдает должное его выносливости и целеустремленности, стремлению к знаниям и утопическому желанию «соединить Восток с Западом вершинами мудрости того и другого» (Ефремов, 1992, 352). Амбивалентность в описании китайского путешественника отражает амбивалентное отношение И. Ефремова к китайской цивилизации в целом: наряду со злобными правителями, жестокими законами и покорным народом в ней есть искусные ремесленники и художники, астрономы и механики, врачи и архитекторы.

Восхищение культурными и научными достижениями Китая присутствует и на страницах путевых заметок И. Ефремова, написанных во время командировки в Китай в 1958 г.

Список литературы

1. Переписка Ивана Антоновича Ефремова. Авт.-сост. О. Еремина. М.: Вече, 2016.
2. Ефремов И. А. Звездные корабли. М.-Л.: Гос. изд-во детской литературы, 1953.
3. Ефремов И. А. Туманность Андромеды. М.: Молодая гвардия, 1959.
4. Ефремов И.А. Звездные корабли. Туманность Андромеды. М.: Молодая гвардия, 1965.
5. Неизвестные Стругацкие. От «Страны багровых туч» до «Трудно быть богом»: черновики, рукописи, варианты. Сост. С. Бондаренко. Донецк: Сталкер, 2005.
6. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б. Н. Переписка. 1966 / А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Полное собрание сочинений: В 33 т. Т.10: 1966. СПб.: Изд-во Сидорович, 2018. С. 611-695.
7. Бойко Н.В. Из записной книжки палеонтолога, писателя-фантаста И. А. Ефремова о поездке в составе делегации в Китайскую Народную Республику (8 октября — 9 ноября 1958 г.). Архивный поиск. Сборник научных статей и публикаций. Вып.7. М.: Архив РАН, 2024. С. 189-214.
8. Ефремов И.А. Лезвие бритвы / И.А. Ефремов. Собр. соч. в 5 т. Т.4. М.: Молодая гвардия, 1988.
9. Еремина О.А., Смирнов Н.Н. Иван Ефремов. М.: Молодая гвардия, 2013.
10. Ефремов И. А. Час Быка. М.: Молодая гвардия, 1970.
11. Ефремов И. А. Час Быка. Техника — молодежи. 1968. № 10. С. 8-11.
12. Тихи Г. Чо-Оюю — милость богов. М.: Физкультура и спорт, 1960.
13. Даниэль Ю. Говорит Москва / Ю. Даниэль. Свободная охота. М.: ОГИ, 2009. С.23-56.
14. Проффер К. Без купюр. М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2017.
15. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. Т.VIII. Отв. ред. Ю.М. Галенович. М.: Наука, 2017.
16. Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940-е – 1960-е годы: история, теория и практики. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге: Европейский Дом, 2008.
17. Константинов А. Светозарный мост. <https://i-efremov.ru/publikacii/svetozarniy-most.html> (дата обращения 19.08.2025)
18. Сергеев С.А. Иван Ефремов в контексте духовных конфликтов XX в. Казань: Изд-во КНИТУ, 2019.
19. Стругацкий Б.Н. Комментарии к пройденному. СПб.: Амфора, 2003.
20. Толстой А.Н. Аэлита / А.Н. Толстой. Собр.

- соch. в 10 т. Т.3. M.: Гос. изд-во худ. лит., 1958. С. 535-685.
21. Михайлов М. Лето московское 1964. Мертвый дом Достоевского и Солженицына. Франкфурт-на-Майне, 1967.
22. Smith H. The Russians. N. Y.: Ballantine Books, 1984.
23. Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля: Ленинград, 1950-1960-е годы. СПб.: Крига; Победа, 2015.
24. Ямпольский И.Г. Примечания / А.К. Толстой. Собр. соch. в 4 т. Т.1. M.: Правда, 1969. С. 601-663.
25. Орехова Е., Петров А. Смотрели за каждым. О романах «Ивана Ефремова «Туманность Андromеды» и «Час Быка». Вопросы литературы. 1994. № 3. С. 234-247.
26. Измайлова А. Туманность. Нева. 1990. № 5. С. 179-188.
27. Ефремов И.А. Таис Афинская / И.А. Ефремов. Собр. соch. в 6 т. Т. 6. M.: Современный писатель, 1992.
28. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. M.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
29. Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. M.: Изд-во восточной литературы, 1961.
30. Хенниг Р. Неведомые земли. В 4 т. Т.1. M.: Изд-во иностранной литературы, 1961.
31. Гусаков В.В. О датировке первых контактов древнего Китая и античной Средней Азии. Общество и государство в Китае: Т. XLIII. Ч. 1. Редколл.: А.И. Кобзев и др. M.: ФГБУН ИВ РАН, 2013. С. 192-195.
32. Бергсон А. Два источника морали и религии. M.: Канон, 1994.
33. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т.1. Чары Платона. M.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
- ### References
1. Correspondence of Ivan Antonovich Efremov. Auth.-compiled by O. Eryomina. Moscow: Veche, 2016. (In Russ.)
 2. Yefremov I. A. Stellar ships. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo detskoj literatury, 1953. (In Russ.)
 3. Yefremov I. A. Andromeda: A Space-Age Tale. Moscow: Molodaya Guardiya, 1959. (In Russ.)
 4. Yefremov I. A. Stellar ships. Andromeda: A Space-Age Tale. Moscow: Molodaya Guardiya, 1965. (In Russ.)
 5. Unknown Strugatskys. From «The Land of Crimson Clouds» to «Hard to Be a God»: drafts, manuscripts, versions. Comp. by S. Bondarenko. Donetsk: Stalker, 2005. (In Russ.)
 6. Strugatsky A. N., Strugatsky B. N. Corre-

- spondence. 1966 / A. N. Strugatsky, B. N. Strugatsky. Complete Works: In 33 vols. Vol. 10: 1966. St. Petersburg: Sidorovich, 2018. pp. 611-695 (In Russ.)
7. Boyko N.V. From the sketchpad of paleontologist, science fiction writer I. A. Yefremov about his trip as part of a delegation to the People's Republic of China (October 8 – November 9, 1958). Archival search. Collection of scientific articles and publications. Iss. 7. Moscow: Arhiv RAN, 2024. pp. 189-214. (In Russ.)
8. Yefremov I.A. Razor's Edge / I.A. Yefremov. Coll. Works in 5 vols. Vol. 4. Moscow: Molodaya Guardiya, 1988. (In Russ.)
9. Eremina O.A., Smirnov N.N. Ivan Yefremov. Moscow: Molodaya Guardiya, 2013. (In Russ.)
10. Yefremov I. A. The Bull's Hour. Moscow: Molodaya Guardiya, 1970. (In Russ.)
11. Yefremov I. A. The Bull's Hour. Technology for the youth. 1968. No. 10. pp. 8-11. (In Russ.)
12. Tichy H. Cho Oyu: by favour of the gods. Moscow: Fizkul'tura i sport, 1960. (In Russ.)
13. Daniel Yu. Moscow Speaking / Yu. Daniel. Free Hunting. Moscow: OGI, 2009. pp. 23-56. (In Russ.)
14. Proffer C. Uncut. Moscow: Publishing House AST: CORPUS, 2017. (In Russ.)
15. History of China from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century: In 10 Vols. Vol. VIII. Ed. Yu. M. Galenovich. Moscow: Nauka, 2017. (In Russ.)
16. Firsov B. M. Dissent in the USSR. 1940s – 1960s: history, theory and practice. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge: Evropejskij Dom, 2008. (In Russ.)
17. Konstantinov A. Light-bearing bridge. <https://i-efremov.ru/publikacii/svetozarniy-most.html> (date of access 19.08.2025) (In Russ.)
18. Sergeev S.A. Ivan Yefremov in the context of spiritual conflicts of the twentieth century. Kazan: KNITU, 2019. (In Russ.)
19. Strugatsky B.N. Comments on the covered. St. Petersburg: Amphora, 2003. (In Russ.)
20. Tolstoy A.N. Aelita / A.N. Tolstoy. Coll. Works in 10 vols. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1958. pp. 535-685. (In Russ.)
21. Mikhailov M. Summer of Moscow 1964. The Dead House of Dostoevsky and Solzhenitsyn. Frankfurt am Main, 1967. (In Russ.)
22. Smith H. The Russians. New York: Ballantine Books, 1984.
23. Lebina N.B. Everyday Life in the Age of Space and Corn: Destruction of the Grand Style: Leningrad, 1950-1960s. St. Petersburg: Kriga; Pobeda, 2015. (In Russ.)
24. Yampolsky I.G. Notes / A.K. Tolstoy. Coll. Works in 4 Vols. Vol. 1. Moscow: Pravda, 1969. pp. 601-663. (In Russ.)

25. Orehkova E., Petrov A. They Watched Everyone. About the Novels of Ivan Yefremov «Andromeda: A Space-Age Tale» and «The Bull's Hour». *Questions of Literature*. 1994. No. 3. pp. 234-247. (In Russ.)
26. Izmailov A. Nebulosity. *Neva*. 1990. No. 5. pp. 179-188. (In Russ.)
27. Yefremov I. A. *Thais of Athens* / I. A. Yefremov. Coll. Works in 6 vols. Vol. 6. Moscow: Sovremennyj pisatel', 1992. (In Russ.)
28. Bichurin N. Ya. Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1950. (In Russ.)
29. Kyuner N. V. Chinese news about the peoples of Southern Siberia, Central Asia and the Far East. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoj literature, 1961. (In Russ.)
30. Hennig R. Unknown Lands. In 4 vols. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literature, 1961. (In Russ.)
31. Gusakov V.V. On the Dating of the First Contacts between Ancient China and Ancient Central Asia. *Society and State in China*: Vol. XLIII. Pt 1. Eds by A.I. Kobzev et al. Moscow: FGBUN IV RAN, 2013. pp. 192-195. (In Russ.)
32. Bergson A. Two Sources of Morality and Religion. Moscow: Canon, 1994. (In Russ.)
33. Popper K. The Open Society and Its Enemies. In 2 vols. Vol. 1. The Spell of Plato. Moscow: Phoenix, Mezhdunarodnyj fond «Kul'turnaya iniciativa», 1992. (In Russ.)

Сведения об авторах

Сергеев Сергей Алексеевич

Д-р полит. н., профессор

Кафедра политологии,

Институт социально-философских наук
и массовых коммуникаций

Казанский федеральный университет
420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлев-
ская, 35

SASergeev@kpfu.ru

Сергеева Зульфия Харисовна

К. с. н., доцент

Кафедра государственного, муниципаль-
ного управления и социологии

Казанский национальный исследователь-
ский технологический университет
420015, Россия, Казань, ул. К. Маркса, 68
zhsergeeva@rambler.ru

Information about the authors

Sergey A. Sergeev

DSc (Polit.), Professor

Department of Political Science

Institute of Social and Philosophical Sciences
and Mass Communications

Kazan Federal University

420008, Russia, Kazan, Kremlevskaya St., 35

SASergeev@kpfu.ru

Zulfiya K. Sergeeva

Cand. Sc. (Soc.), Associate Professor

Department of Public Administration and
Sociology

Kazan National Research Technological Uni-
versity

420015, Russia, Kazan, K. Marx St., 68

zhsergeeva@rambler.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.10.2025.

Принята к публикации: 10.10.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.09.2025

Approved after reviewing 02.10.2025

Accepted for publication 10.10.2025

N. A. Samoilov about the formation and development of Russian-Chinese relations in the in the 17th and 18th centuries

Н.А. Самойлов о становлении и развитии русско-китайских отношений в XVII—XVIII вв.

Смирнова Наталья Владимировна

Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Российская Федерация
burlana@mail.ru

Natalia V. Smirnova

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk,
Russian Federation
burlana@mail.ru

УДК УДК 930 + 94(470) + 94(510) | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2025-162-168](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-162-168)

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется ряд научных работ выдающегося профессора Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета Николая Анатольевича Самойлова по истории становления и развития русско-китайских отношений в XVII—XVIII веках с целью анализа культурного значения двусторонних контактов.

Ключевые слова: отечественная историография, китаевед Н.А. Самойлов, русско-китайские отношения XVII—XVIII вв., русско-китайская торговля, культурные контакты.

Для цитирования: Смирнова Н.В. Н.А. Самойлов. О становлении и развитии русско-китайских отношений в XVII—XVIII вв. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (4). С. 162-168 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-162-168>

ABSTRACT

The article analyzes some scientific papers of Nikolai A. Samoilov, an outstanding professor at the Faculty of Oriental Studies of St. Petersburg State University, about the history of the formation and development of Russian-Chinese relations in the 17th and 18th centuries in order to analyze the cultural significance of bilateral contacts.

Keywords: Russian historiography, sinologist Nikolai A. Samoilov, Russian-Chinese relations of the 17th and 18th centuries, Russian-Chinese trade, cultural contacts.

For citation: Smirnova N.V. N. A. Samoilov. About the formation and development of Russian-Chinese relations in the in the 17th and 18th centuries. *Modern Oriental Studies*. 2025; 7 (№4). P. 162-168 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-162-168>

Профессор Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета Николай Анатольевич Самойлов является одним из ведущих специалистов по истории русско-китайских отношений и успешно продолжает исследования этапов взаимодействия и истории отношений России и Китая в XVII — начале XX века [5], [6]. В научных работах ученого отражены история первых контактов, дипломатических и духовных миссий, государственно-политических, торгово-экономических и культурных связей, проблемы источниковедения и историографии [4], [7], сюжеты социокультурного взаимодействия России и Китая [1]. В данной статье мы остановимся на ряде работ [2], [3], [8], [9] профессора по истории становления и развития русско-китайских отношений в XVII—XVIII веках с целью анализа культурного значения двусторонних контактов. В июне 2025 года к 70-летию Н.А. Самойлова опубликован полный список трудов автора в юбилейном сборнике статей «Пути к нефритовому источнику» [10].

Николай Анатольевич исследует историю установления договорно-правовых отношений между Русским государством и Цинской империей и заключения 27 августа (6 сентября)

1689 года Нерчинского договора, определившего линию разграничения между двумя государствами и установившему торговые отношения. Ученый подробно анализирует политику Петра I в отношении Китая¹, в том числе и сложность выполнения «унизительной и нарушающей нормы европейского дипломатического этикета» [1, с. 21] церемонии коуту русскими дипломатами Избрантом Идесом, Лоренцом Лангом и Львом Измайловым в Цинской империи, как нелегко было им вести переговоры.

После подписания Нерчинского договора стали развиваться регулярные торговые отношения. В тексте договора было сказано, что подданным обоих государств разрешалось свободно вести торговлю: «Каким-либо не есть людем с проезжими грамотами из обоих сторон для нынешние начатые дружбы для своих дел в обоих сторонах при езжати и отъезжати до обоих государств добровольно и покупать и продавать, что им надобно да повелено будет» [1, с. 44]. Основными центрами русско-китайской торговли стали Нерчинск и Селенгинск, а позднее — Кяхта, развивалась караванная торговля. Нерчинский договор почти на 200 лет обеспечил мир на Дальнем Востоке и заложил основы системы региональной

¹ Труды Н.А. Самойлова на тему «Петр I и Китай»: Самойлов Н. А. Вклад Петра Великого в социокультурное взаимодействие России со странами Восточной Азии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 65–76; Самойлов Н. А. Образ Петра Первого в «Записках» цинского посла Тулишэня // Клио. 2021. № 5 (173). С. 33–42; Самойлов Н. А. Китайское направление внешней политики Петра Великого // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 69–79; Самойлов Н. А. Петр Великий и становление Российской Духовной миссии в Китае // Русская эмиграция. Церковная жизнь и богословско-философское наследие. Материалы научной конференции 10–12 марта 2021 г. М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2022. С. 157–175; Самойлов Н. А. Канси и Петр Великий: Китайский взгляд на двух императоров // Российское китаеведение. 2022. № 1. С. 155–170; Образ Петра Великого в странах Восточной Азии / Под ред. Н. А. Самойлова. М.: Весь Мир, 2022. 432 с.

безопасности. В тексте Нерчинского договора было сказано: «А войны и кровопролития с обоих сторон... не всчинять» [9, с. 70—71], и это означало, что любые конфликты и недоразумения должны были разрешаться исключительно путем переговоров. Благодаря этому на российско-китайской границе вплоть до конца XIX века не было серьезных конфликтов, все спорные вопросы решались переговорным путем. Эти факты можно считать главным результатом компромисса, достигнутого в 1689 году в Нерчинске.

Н.А. Самойлов, вместе с многими другими российскими, китайскими, западными исследователями, выделяет огромное значение Кяхтинского договора 1727 года в развитии и укреплении русско-китайских отношений. Во-первых, создавались благоприятные условия для развития двусторонней торговли², во-вторых, предпринимались первые попытки заимствования китайского опыта и изучения в Пекине китайских ремесел в целях распространения этих достижений в России.

В процессе торговых контактов в Кяхте и соседнем с ней китайском Маймайчэне возникает особый язык общения: маймайчэнское (кяхтинское) наречие — первый вариант русско-китайского пиджина, распространявшегося и в дальнейшем по мере расширения контактов русского и китайского населения в приграничной зоне [3, с. 6]. Пограничная крепость на реке

Кяхте была заложена по распоряжению графа С. Л. Владиславича-Рагузинского в 1727 году (в год подписания Кяхтинского договора). Вокруг нее быстро выросла торговая слобода: первые жилые дома появились в 1728 году. В 1730 году с китайской стороны границы на монгольской территории началось строительство китайской торговой слободы, получившей название Маймайчэн, что можно перевести на русский язык как «Торговый городок», или (еще более дословно): «Город, где продают и покупают» [2, с. 192].

С самого начала кяхтинской торговли объем товаров, ввозимых из России, был существенно больше, чем его количество, поступавшее из Китая. В 1736—1740 годах в Кяхту ежегодно привозили русских товаров на 1430 телегах и 96 санях, а китайских — только на 806 телегах и 37 санях. Цинская сторона запрещала и всячески пресекала тайную торговлю монголов с русскими. Начиная с 1772 года, Кяхта становится единственным законным местом ведения российско-китайской торговли. В 1775 году ее удельный вес составлял 8,3% от общего объема торгового оборота Российской империи. Главное место в российско-китайской торговле занимала пушнина, на долю которой в 1768—1785 годах приходилось 78,8% русского экспорта [2, с. 193].

Петер Симон Паллас (1741—1811), доктор медицины, ученый-естественноиспытатель,

² В отечественной исторической науке системе кяхтинской торговли уделялось постоянное внимание. К настоящему времени сложилось устойчивое мнение о том, что «до легализации торговли России и Китая через Синьцзян (в 1851 году) Кяхта оставалась единственным хозяйственно-коммуникационным фактором взаимодействия двух империй» [2, с. 191].

географ и путешественник, действительный член Петербургской академии наук, по лично- му указанию Екатерины II в 1768—1774 годах возглавил комплексную экспедицию для изуче-ния различных областей Российского государ-ства. В его записках содержатся очень любо-пытные наблюдения, касающиеся вопросов российско-китайской торговли и положения дел в Кяхте и Маймайчэне. Тщательно анализи-руя все, что касалось вопросов торгово-экономических связей Российской империи, он указал города, которые в то время играли клю-чевую роль в торговле России с Китаем: Крас-ноярск — «все, что российские купцы на торг к китайцам ни отвозят, проходит через оный город» [2, с. 193] и Томск— «множество тут за-купают простых соболей и другой в Китай по-хожей рухляди» [2, с. 193]. При этом особое вни-мание Паллас уделил описанию Кяхты: «Сие главное пограничное и торговое место, где те-перь самая мена меж русскими и китайцами отправляется» [2, с. 193].

В Россию в большом количестве проника-ли произведения китайского искусства, перево-дились произведения китайских философов, в Петербурге и других городах началось препо-давание китайского языка. В 1735 году сереб-ряных дел мастер Осип Мясников под фамили-ей Маслова был направлен в Китай с караваном Лоренца Ланга «для изучения китайских худо-жеств» [3, с. 6]. Мясников-Маслов сумел собрать любопытную информацию и отметил в своем отчете, что ему удалось узнать некоторые све-дения о китайских ремеслах: «как красной меди прибываляют тягость или дают золото, как они из бараньих и прочих рогов делают фонари, как

из крепких каменьев всякие фигуры и сосуды вырезывают. Из чего делается белая медь, как всякие ломаны порцелоновые сосуды железны-ми скобами сковывать» [3, с. 6]. 14 октября 1737 года последовал указ императрицы Анны Иоанновны советнику Лоренцу Лангу о разре-шении сыну управляющего Нерчинскими заво-дами П. Дамеса оставаться в Китае «для обучения разделению серебра от золота и резанию креп-ких материалов» [3, с. 6]. Императрица также высказала пожелание о направлении в Китай еще одного ученика. Степан Дамес успешно овладел многими навыками, и в 1738 году по-следовало донесение Л. Ланга о результатах его поездки и изучении «китайских приемов полу-чения золота и серебра из руд» [3, с. 6].

Н.А. Самойлов отмечает, что к торговому каравану Ланга в 1735 году были приписаны для изучения «торговли с Китаем и обычаяев» [3, с. 6] два специально подобранных для этих целей человека: Л. Семенников и англича-нин Рандольф Маркваринг. В России появилась мода на китайский шелк, а потом и привычки носить одежду из него. Шелк стал популярен в среде не только российской знати, но и купе-чество, а в Сибири — и зажиточного крестьян-ства. Постепенно, под влиянием спроса на шел-ковые ткани, в России стало быстро развива-ться собственное шелковое производство. К 1761 году в различных городах уже активно функци-онировали 40 фабрик по производству шелко-вых тканей с капиталом в 459 000 руб. В свою очередь развитие фабричного производства шелка в России привело к активизации закупок в Китае шелка-сырца.

В Россию проник китайский чай и превратился в поистине русский национальный напиток [3, с. 7]. Чай впервые попал в Россию в XVII веке и первоначально употреблялся лишь при царском дворе в качестве лекарства. В XVIII веке он стал поступать через Сибирь все большими партиями и к концу века превратился в достаточно распространенный в России напиток. Сибиряки предпочитали употреблять черный прессованный из чайной крошки плиточный («кирпичный») чай, который относился к дешевым сортам. Зеленый чай находил спрос у калмыков, казахов, киргизов и некоторых других народов Российской империи. В европейской части России стал пользоваться популярностью черный байховый чай. К чаю постепенно привыкла не только русская знать, но и простое население.

В работах отечественного китаеведа Н.А. Самойлова показано историко-культурное значение дипломатии в истории взаимодействия России и Китая XVII—XVIII вв. Благодаря установлению договорных отношений в Россию проникали сведения о китайских ремеслах и диковинных предметах, что, например, дало толчок к возникновению отечественного производства шелковых тканей и распространению традиции чаепития.

Список литературы

1. Образ Петра Великого в странах Восточной Азии / Под ред. Н. А. Самойлова. — М.: Весь Мир, 2022. — 432 с.
2. Самойлов Н. А. Кяхта и Маймайчэн: геокультурное пространство взаимодействия России и Китая в XVIII — XIX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика. — 2009. Вып. 4. — С. 190—197.
3. Самойлов Н. А. Россия и Китай в XVIII — начале XX в.: тенденции взаимодействия и взаимовлияния // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение, африканистика. — 2010. Вып. 2. — С. 3—15.
4. Самойлов Н. А. Состояние и перспективы российско-китайских отношений в оценках западных исследователей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение, африканистика. — 2011. Вып. 3. — С. 106—112.
5. Самойлов Н.А. Россия и Китай: этапы взаимодействия и взаимоидентификации // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. Коллективная монография / Отв. ред.: Н. Н. Дьяков, Н. А. Самойлов. — СПб.: СПбГУ, Восточный факультет; Студия НП-Принт, 2011. — С. 245—295.
6. Самойлов Н. А. Россия и Китай в XVII — начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. — 368 с.
7. Самойлов Н. А. Китай, Россия и отечественное китаеведение. К выходу в свет собрания трудов В. С. Мясникова // Новая и новейшая история. — 2016. № 1. — С. 94—105.

8. Самойлов Н. А. Посольство Льва Измайлова в Цинскую империю (особенности русско-китайских отношений в эпоху Петра Великого) // Клио. — 2021. № 12 (180). — С. 35—42.
9. Самойлов Н. А. Китайское направление внешней политики Петра Великого // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2022. Т. 44, № 4. — С. 69—79.
10. Список научных работ Н. А. Самойлова // Пути к нефритовому источнику: Сборник статей к 70-летию профессора Н. А. Самойлова / Сост., отв. ред. А. М. Харитонова. — СПб.: Изд-во РХГА, 2025. — С. 40—62.
- References**
1. The image of Peter the Great in East Asian countries / Edited by N. A. Samoilov, Moscow: The Whole World, 2022, 432 p.
2. Samoilov N. A. Kyakhta and Maimaicheng: the geocultural space of interaction between Russia and China in the XVIII — XIX centuries // Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology, Oriental studies, journalism. - 2009. Issue 4. — pp. 190-197.
3. Samoilov N. A. Russia and China in the XVIII — early XX century: trends of interaction and mutual influence // Bulletin of St. Petersburg University. Episode 13. Oriental and African studies. - 2010. Issue 2. — pp. 3-15.
4. Samoilov N. A. The state and prospects of Russian-Chinese relations in the assessments of Western researchers // Bulletin of St. Petersburg University. Episode 13. Oriental and African studies. — 2011. Issue 3. — pp. 106-112.
5. Samoilov N.A. Russia and China: stages of interaction and mutual identification // Russia and the East: the Phenomenology of Interaction and Identification in Modern Times. Collective monograph / Edited by N. N. Dyakov, N. A. Samoilov. St. Petersburg: St. Petersburg State University, Faculty of Oriental Studies; NP-Print Studio, 2011. pp. 245-295.
6. Samoilov N. A. Russia and China in the XVII — early XX century: trends, forms and stages of socio-cultural interaction. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2014. 368 p.
7. Samoilov N. A. China, Russia and Russian Sinology. To publish the collected works of V. S. Mysnikov // New and modern History. - 2016. No. 1. — pp. 94-105.
8. Samoilov N. A. The Embassy of Lev Izmailov to the Qing Empire (peculiarities of Russian-Chinese relations in the era of Peter the Great) // Clio. — 2021. № 12 (180). — Pp. 35-42.
9. Samoilov N. A. The Chinese direction of Peter the Great's foreign policy // Scientific Notes of Petrozavodsk State University. - 2022. Vol. 44, No. 4. — pp. 69-79.
10. List of scientific works by N. A. Samoilov // Paths to the jade source: A collection of articles dedicated to the 70th anniversary of Professor N. A. Samoilov / Comp., ed. by A.M. Kharitonov. St. Petersburg: Publishing

House of the Russian Academy of Fine Arts,
2025, pp. 40-62.

Сведения об авторе

Смирнова Наталия Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент
Кафедра зарубежной истории
Петрозаводский государственный университете
верситет
burlana@mail.ru

Information about the Author

Natalia V. Smirnova,
Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Department of Foreign History
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
burlana@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2025.
Одобрена после рецензирования: 02.10.2025.
Принята к публикации: 10.10.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.09.2025
Approved after reviewing 02.10.2025
Accepted for publication 10.10.2025

Archimandrite Peter during the Persecution of Catholics
in the First Third of the 19th Century

Архимандрит Петр в период гонений на католиков
в первой трети XIX в.

Янь Миньсянь

независимый исследователь

ymxfdu@yandex.ru

Yan Minxiang

Independent Researcher

ymxfdu@yandex.ru

УДК 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2025-169-183](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-169-183)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследования деятельности Архимандрита Петра (П.И. Каменского) в контексте гонений на католиков в Китае и Корее в первой трети XIX в. Целю исследования является комплексный анализ деятельности Архимандрита Петра по сохранению культурно-религиозного наследия европейских католических миссий. Новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении роли Российской духовной миссии как уникального посредника в триаде «Китай-Корея-Запад». Актуальность исследования вызвана ростом научного интереса к истории межкультурного взаимодействия, интеллектуального обмена и трансфера знаний накануне Нового времени.

Ключевые слова. Архимандрит Петр (Каменский), Российская духовная миссия в Пекине, Корея, Христианство в Восточной Азии.

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the activities of Archimandrite Peter (P.I. Kamensky) in the context of the persecution of Catholics in China and Korea in the first third of the nineteenth century. The aim of the study is a comprehensive analysis of Archimandrite Peter's work in preserving the cultural and religious heritage of the European Catholic missions. The novelty of the research lies in its comprehensive examination of the role of the Russian Orthodox Mission in Beijing as a unique intermediary within the "China-Korea-West" triad. The relevance of the study is driven by growing scholarly interest in the history of intercultural interaction, intellectual exchange, and knowledge transfer on the eve of the Modern Era.

Keywords. Archimandrite Peter (Kamensky), Russian Orthodox Mission in Beijing, Korea, Christianity in East Asia.

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке гранта Китайского стипендиального совета (CSC), №. 202009010096.

Для цитирования: Янь Минсянь. Архимандрит Петр в период гонений на католиков в первой трети XIX в. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (4). С. 169-183 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-169-183>

В начале XIX в. корейский и китайский дворы последовательно изменили свою политику в отношении к католикам. Европейским миссионерам было запрещено проповедовать христианство в двух странах. В этот сложный период гонений на католиков Архимандрит Петр (П.И. Каменский) (1765–1845) играл важную роль по сохранению католических книг европейских миссий, проповеди христианства в Восточной Азии, а также распространение западных научных знаний в Корее.

Гонения католиков в Корее и Китае в начале XIX в.

Европейские католические миссионеры вошли в Китай в конце XVI в. С 1605 г. в Пекине было последовательно построено 4 собора — Южный, Восточный, Северный и Западный. После 1644 г. европейские миссионеры добились доверия цинских императоров Шуньчжи и Канси, и стали их приближёнными придворными. Хотя в начале XVIII в. возникли споры о китайских обрядах между цинским двором и Римской католической церковью, что привело к ограничению деятельности миссионеров и даже высылке нескольких из них в Макао, ев-

Acknowledgements. This article was supported by the grant from China Scholarship Council (CSC), No. 202009010096.

For citation: Yan Minxiang. Archimandrite Peter during the Persecution of Catholics in the First Third of the 19th Century. *Modern Oriental Studies*. 2025; 7 (4). P. 164-183 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-169-183>

ропейские миссионеры продолжали служить цинским императорам — как при Дворе, так и в Императорской астрономической обсерватории.

Еще в начале XVIII в. корейские посланники, направлявшиеся в Китай, уже установили контакты с европейскими миссионерами, через которых корейцы познакомились с западными научными знаниями (кит. 西學, кор. 서학, букв. «Западные учения») и проявили к ним интерес. Однако, в то время корейцы не приняли христианство. Первым христианином, принявшим крещение, был Ли Сынхун (李承薰, 이승훈, 1756 –1801). В 1770-е годы в Корее возникло общество по изучению христианского вероучения во главе философа Чон Ягъёна (丁若鏞, 정약용, 1762–1836). Ли Сынхун стал активным членом этого общества, которое установило отношения с католическими миссионерами в Китае. В 1783 году с помощью отца Ли Сынхуну удалось войти в состав корейской дипломатической миссии, направлявшейся в Пекин. Уже в начале 1784 года он был крещён по католическому обряду. Вернувшись в Корею, Ли Сынхун занимался проповеднической деятельностью. Вскоре появился конфликт между традиционными

верованиями корейцев и христианством в культе предков. После смерти корейского государя Чонджо (正祖, 정조, 1752–1800, 1777–1800 на троне), вдова Ёнджо (英祖, 영조, 1694–1776, 1724–1776 на троне) Чонсун-ванху (貞純王后, 정순왕후), ставшая регентом при своём правнуке Сунджо (純祖, 순조, 1790 – 1834, 1801–1834 на троне), начала очистить политических противников, которых ранее поддерживал Чонджо. В связи с близостью к оппонентам регентши христиане подверглись гонениям в 1801 г. (т.н. «Гонения года Синъю», 辛酉邪獄, 신유사옥). [Гэ, 2014, С. 217–221 и С. 264–268] [Курбанов, 2018, С. 298–305]

В ходе гонений на католиков был арестован корейский верующий Хван Саён (黃嗣永, 황사영, 1775–1801). При нём было обнаружено письмо, написанное на шёлке, в котором он сообщал пекинскому епископу Александру де Гувеа (Alexandre de Gouveia, кит. 湯士選, 1751–1808) о реальной ситуации с преследованиями и просил Цинскую империю о военной помощи для обеспечивания свободы вероисповедания. Однако письмо не было доставлено, и Хван Саён был казнён в Сеуле. В следующем году корейский двор отправил миссию в Пекин с докладом цинскому императору Цзяцину (1760–1820, правил в 1796–1820 гг.), посвящённым делу Хван Саёна, но император не придал ему серьёзного значения. В то время он не считал, что деятельность европейских миссионеров представляет угрозу для его авторитета и безопасности Цинской империи. [Гэ, 2014, С. 217–221 и С. 264–268]

В 1805 г. цинскими чиновниками в посып-

ке европейского миссионера Адеодата (Adeodat de St. Augustin), отправленной в Макао, были обнаружены различные карты Китая, что вызвало повышенную бдительность со стороны цинского двора. Впоследствии, император с удивлением обнаружил, что многие маньчжуры, служившие в восьмизнамённых войсках в Пекине, уже приняли крещение по католическому обряду. Ещё большее изумление вызвало то, приписывался авторитет, равный императорскому. Это привело к стремительному изменению отношения цинского двора к европейским католическим миссиям. [Гэ, 2014, С. 217–221] В течение разбирательства дела члены Российской духовной миссии были призваны цинским двором на перевод писем католиков, написанных на латинском языке. В докладе П.И. Каменского были записаны «Дело миссионера Адеодата» и карательная мера цинского двора. [Адораский, 1887, С. 336–337] С 1805 г. католическим миссионерам было запрещено проводить проповедь и издавать книги. [Вэй, 2006, С. 74] В период с 1807 г. по 1838 г. четыре католических собора в Пекине были последовательно закрыты: Восточный — в 1807 году, Западный — в 1811 году, Северный — в 1827 году и Южный — в 1838 году.

Деятельности Архимандрита Петр в период гонений

С начала XVIII в. ученые Академии наук уже установили связи с европейскими иезуитами в Пекине. В 1720–1750 гг. ученые Академии наук Г. З. Байер (Gottlieb Siegfried Bayer, 1694–1738), Ж. Н. Делиль (Joseph-Nicolas Delisle, 1688–1768), И. Г. Дювернуа (Johann Georg Duvernoy,

1691–1759) и т. д. переписывались с иезуитами в Пекине А. Гобилем (Antoine Gaubil, кит. 宋君榮, 1689–1759), Домиником Парренином (Dominique Parrenin, кит. 巴多明, 1665–1741), Игнацом Кёглером (Ignaz Kögler, кит. 戴進賢, 1680–1746) и т. д. В письмах они обсуждали ряд вопросов о китайской филологии, истории Китая, астрономии, географии, математике, естествознанию и т. д. Академии наук тоже приобретала книги из Китая с помощью иезуитов в Пекине. [Пан, Шаталов, 2003, С. 16–90] [Лю, Пан, 2018, С. 54–66]

В 1772 г. Общество Иисуса было упразднено. Члены Российской духовной миссии продолжали связи с другими европейскими католиками. Ещё в срок работы в восьмой Духовной миссии (1794–1807) П.И. Каменский вместе с его коллегами С.В. Липовцовым (1770–1840), В. Новоселовым написал доклад о католических миссиях в Пекине, в котором было детально описано четы собора, а также были оценены европейские миссионеры в соборах.

«По характеристике Каменского, Липовцова и Новоселова, в южной коллегии католиков в Пекине (у Сюань-у-мынь [宣武門]) пребывал тогда епископ Александр [Alexandre de Gouveia], португалец из фамилии Говенъ. Помощником у него был оставитянин Гау (Серра) [Veríssimo Monteiro de Serra, кит. 高守謙, ?–1852], очень ученый; имелось также 333 несколько катехизаторов и священников из китайцев. Коллегия владела хорошими средствами от пашен, домов и лавок, имела типографию и библиотеку. Епископ,

в чине коллежского асессора, заседал в астрономической коллегии третьим членом, здоровьем был слаб и выпивал. В восточном монастыре жил нанкинский епископ Пий [Bishop Cayetano Pires Pireira, кит. 畢學源, 1769–1838], человек молодой, ученый, в обращении обратный и приятный. Светской должности не занимал. Настоятель монастыря Лий [José Ribeiro-Nunes, кит. 李拱宸, 1767–1826], человек просвещенный, веселых нравов, заседал в астрономической коллегии в чине губернского секретаря. О. Фу [Domingos Joaquim Ferreira, кит. 福文高, 1758–1824], лузитанец или испанец, ученейший и строгих правил муж, был также членом той же коллегии в одном чине. Прочие отцы и учителя семинарии были китайцы. Богатый монастырь имел библиотеку и обсерваторию. В северной коллегии жили французы. Настоятель, старый и больной о. Гизлен [Jean-Joseph Ghislain, кит. 薦若望, 1751–1812], был человек ученый, в обращении веселый, средственный медик и ректор семинарии того монастыря. Эконом о. Ламиот [Louis-François-Marie Lamiot, кит. 南彌德, 1767–1831] – человек средних лет, гордый, префект и учитель философии. Престарелый о. Пуерот [Louis Antoine de Poirot, кит. 賀清泰, 1735–1813], ученый и трудолюбивый муж, переводил библию на китайский и маньчжурский язык. Он считался секретарем собрания всех монастырей и занимал в трибунале должность переводчика с латинского на маньчжурский язык в

чине губернского секретаря. Иезуит Грамон *Jean-Joseph de Grammont*, кит. 甘若翰, 1736–1812?] был человек уединённый и неизвестный. Богатый монастырь имел семинарию, типографию и самую большую библиотеку. Четвертая западная коллегия августинского ордена получала 334 недостаточное жалование от папы, доходов не имела и была бедна. Зато она была славна своей цензуру имевшей консисторией и владела прерогативами (власти), данными от папы, надо всем римско-католическим духовенством в Китае. Настоятель коллегии, консисториал престарелый Ансельм *Anselmo da Santa Margherita*, кит. 顏詩莫, 1757–1816] имел при себе иезуита Конфортия *Emanuel Gonferti*, кит. 高臨淵. Они только и владели правом преподавать богословие, прочие же семинарии получали наставников теологии с их аprobации и экзамена. Проживавшие в Пекине католические миссионеры представлялись ко двору в новый год, хана не видали, но он жаловал их кушаньями, за что они благодарили его частыми земляными поклонами. Делали католики визиты и к министрам». [Адораский, 1887, С. 333–335]

Очевидно, П.И. Каменский хорошо знакомился с положением католических миссий и их членами, именно от которых он получал сведения о гонениях на католиков в Корее в 1801 г. В дневнике М.В. Ладыженского (1802–1875), пристава одиннадцатой Духовной миссии, содержится выписка из журнала Каменского.

«Европейские миссионеры не проникали в Корею. Христианство коснулось оной не более 40 лет, т.е. при Цяньлуне, в журнале о. Петра есть описание каким образом сие случилось. После того было сильное на христиан гонение, в которое более 40 тысяч погибло новых корейских христиан сильно прилепившихся к нашей религии. Остатки корейских христиан усердно желали иметь священников, просили оных у здешнего епископа, убеждаясь их рвением, несколько лет тому назад было послано двое епископа священников, один на границе умер, а другой успел проникнуть во внутренность государства и скрываясь несколько времени у одной вдовы, как в месте самом неприступном, но напоследок был узнан, вытащен от нея и удавлен корейским правительством. Там есть вечно враждующие две партии, — одна из них токмо приняла христианскую веру, а потому противная и старается всячески к истреблению и веру оной, посредством открытия приверженцев сего учения». [Ладыженский, 1911, вып. 9, С. 25]

Следует отметить, что в журнале упоминаются два священника, отправленных в Корею. Священником, который «успел проникнуть во внутренность государства и скрываясь несколько времени у одной вдовы, как в месте самом неприступном, но напоследок был узнан, вытащен от нея и удавлен корейским правительством», является китайский проповедник Чжоу Вэньмо (周文謨, 1752–1801). Ему действительно удалось тайно проникнуть

в Корею, заниматься там проповедью, и после чего он был арестован и казнён во время гонений 1801 г. [Чжао, 1995, С. 234–241] Что касается второго священника, его существование не находит подтверждения в исторических источниках на других языках. Китайский учёный, проф. Гэ Чжаогуан (葛兆光), указывает: «Передают, что в 1791 году пекинский епископ направил китайского священника У Юэханя (吳約翰) из Макао в Корею, однако он не смог пересечь границу и был вынужден вернуться». [Гэ, 2014, С. 219] Записи Каменского, таким образом, представляют ценное свидетельство, предлагающее альтернативную перспективу рассмотрения данного исторического сюжета.

Записи в журнале П.И. Каменского, посвящённые проникновению христианства в Корею и началу гонений на него, в деталях демонстрируют определённые несоответствия с историческими фактами. Находясь в Пекине в качестве ученика Восьмой Духовной миссии с 1794 по 1807 год, П.И. Каменский поддерживал тесные контакты с местными католическими кругами. Вполне вероятно, что Каменский получил информацию о событиях в Корее непосредственно от одного из ключевых участников тех событий — епископа Александра де Гувеа. Учитывая, что сведения доставлялись в Пекин из Кореи через множество промежуточных звеньев, их определённая трансформация в процессе передачи была практически неизбежна.

Здесь нам еще нужно обращать внимание на важную информацию в дневнике М.В. Ладыженского.

«Февраль 1-е число [1831 года]. Воскресенье. <...> С нынешним посольством прибыл один христианин корейский, купивший сие место за изрядную сумму денег, единственно для того, чтобы просить у епископа от всех своих христиан священника; он являлся сегодня к епископу, был поутру у Архим. Петра. Епископ еще не решил как удовлетворить их просьбу, ибо надобно послать туда китайского священника на жертву». [Ладыженский, 1911, вып. 9, С. 25]

Во второй половине этого дня М.В. Ладыженский вместе с З.Ф. Леонтьевским направились к католическому епископу Перейре (Bishop Cayetano Pires Pireira, кит. 畢學源, 1769–1838, упомянутому в докладе П.И. Каменского как Пий). [Ладыженский, 1911, вып. 8, С. 26] 1 февраля по юлианскому календарю соответствовало 13 февраля по григорианскому, или 1 дню 1-го месяца 11 года Даогуан по китайскому календарю. В этот день корейский посланник и его помощник, по обычаю, направлялись во дворец для аудиенции у китайского императора. Таким образом, у других членов корейской дипмиссии было свободное время. В связи с гонениями на католиков в тот период корейцы уже не посещали католические миссии. [Ян, 2006, С.129] Безусловно, данный верующий, который всеми силами добился включения в состав корейской дипмиссии для встречи с католическим епископом, подвергался бы опасности в случае прямого визита к епископу Перейре. Еще в срок должности Н.Я. Бичурина (1777–1853) члены Духовной миссии уже установили постоянные связи с членами корейской

дипмиссии, отправленными в Китай. [Янь, 2023, С. 67–76] [Янь, 2025, С. 101–113] Согласно записям корейских источников 1820–1840 гг. посланники ежегодно посещали резиденцию Российской духовной миссии. [Ким, 2011, С. 467] Вероятнее всего, воспользовавшись визитом к Каменскому, корейский верующий смог направиться к епископу Перейре в сопровождении русских. После этого, в сентябре 1831 г. Римский папа Григорий XVI (1765–1846) учредил Апостольский викариат Кореи (ныне Архиепархия Сеула), выделив его из Епархии Пекина (ныне Архиепархия Пекина). Очевидно, что Российская духовная миссия выступила в роли моста между корейскими верующими и католической церковью в процессе учреждения нового апостольского викариата в тяжелый период гонений на католиков в Корее и Китае, причём ключевую роль в этом сыграл П.И. Каменский.

С наступлением XIX в., хотя корейские посланники прекратили посещать католические миссии, их интерес к западным научным знаниям не ослабевал. В данный момент единственным местом для приобретения таких знаний стала Российская духовная миссия в Пекине. [Shin, 2008, С. 25] В 1820–1830 гг. корейские посланники, такие как Ли Човон (李肇源, 이조원, 1758–1832, визит в 1821 г.), [Тимковский, 1824, С. 247–260] Хон Сокмо (洪錫謨, 흥석모, 1781–1850, визит в 1826 г.), [Симбирцева, 1998, С. 92] Пак Сахо (朴思浩, 박사호, 1784–1854, визит в 1828 г.), [Пак, 2011, С. 297–299] Ли Джиён (李志淵, 이지연, визит в 1831 г.) [Ладыженский, 1913, вып. 5, С. 18] и т.д. наносили визиты в резиденцию Духовной миссии, где Н.Я. Бичурин,

П.И. Каменский и другие члены демонстрировали им западные техники, оружия и инструменты. Согласно записям российских современников, корейцев особенно интересовали подзорные трубы, пистолеты, кинжалы, сабли и ружья. [Ладыженский, 1911, вып. 9, С. 20–22]

В период упадка католических миссий их библиотечные собрания понесли значительный ущерб: книги частично потерялись, частично были перемещены в другие места. В 1832 г. П.И. Каменский передал Библиотеке Азиатского департамента, Публичной библиотеке и Санкт-Петербургской духовной академии 89 различных книг на китайских, маньчжурских, монгольских и тибетских языках, среди которых более 40 наименований относились к христианской тематике. В докладе Азиатскому департаменту он написал:

«Во время пребывания моего в Пекине я большое употребил старение, не щадя иждивения, собрать, сколько возможность позволяла священных христианских книг частию с европейских на китайский, маньчжурский и мунгальский язык переложенных, а частию на китайском языке христианами сочиненных. Я сим делом с великою поспешностью занимался в особенности потому, что ясно предвидел скорое падение Римского миссионерства, после коего и одной книги получить уже не откуда». [Можаловский, 1896, С. 425]

Анализ доклада позволяет заключить, что формирование собирания христианских книг П.И. Каменским было плановой и осуществлялось на фоне упадка католических миссий,

вызванного политическими репрессиями со стороны цинского двора.

В Российской духовной миссии были наняты писцы, отвечавшие за переписывание текстов на китайском и маньчжурском языках. [Васильев, 1857, С. 324] Согласно инструкциям 1805 и 1818 гг. члены Духовной миссии были обязаны собирать разнообразные сведения о Китае, в связи с чем они уделяли внимание «Столичной газете» (京報), в которой публиковались указы императора и важные доклады чиновников. Помимо приобретения печатных экземпляров, члены миссии тоже просили писцов переписывать данного издания. В Институте восточных рукописей РАН хранится рукописный сборник цинских официальных документов из коллекции Н.Я. Бичурина, выполненный писцами. Писцы также переписывали тексты работ, составленных и переведенных самими членами миссии. Члены десятой Духовной миссии Д. Сивиллов (1798–1871) и З. Ф. Леонтьевский (1799–1874) перевели на китайский язык «Зерцало Православного исповедания» и «Историю государства российского» Н.М. Карамзина (1766–1826). Их труды были переписаны набело писцами, а для последнего было сделано 8 экземпляров, хранящихся в Институте восточных рукописей, Российской национальной библиотеке и СПбГУ. [Лю, 2021, С. 4–10]

П.И. Каменский приобрел христианские книги из католических миссий в Пекине и передал их российским научным и библиотечным учреждениям, часть из которых была переписана писцами и откорректировано Каменским. Например:

В Институте восточных рукописей хранится маньчжурский перевод «Библии» (шифр: С 32 mss), переведенные французским миссионером Пуеротом. На последнем листе (л. 91) восьмой книги третьего тома находится надпись Каменского:

«Деяния святых Апостолов на маньчжурском языке, перевода Римского веропроповедника Почтеннейшего Отца Пуерота 1825 года списанные Сверял Пекинского Сретенского монастыря Архимандрит Петр сентября 8 дня». [Pang, 2004, С. 164]

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится рукопись «Цзинцзяо люсин чжунго бэйсун чжэнцюань» (景教流行中國碑頌正詮, «Толкование надписи на памятнике Несторианству», шифр: Дорн 705), на титульном и последнем листах которых находятся надписи Каменского:

«Памятник христианской проповеди в Китае, Воззвигнутый в Царствование, древней Танской династии, во время мудрого государя Тан Тайдзуна. Список с коего в 1825 году взятый, всеусерднейше посвящается, в Императорскую Санкт-Петербург-скую публичную библиотеку. в толковании, с приложением большого листа из обоих текстов состоящего. Пекин. 1827 года». (на титульном листе)

«Сверена пекинского первоклассного сретенского монастыря Архимандрит Петр Каменский». (л. 73 б)

В Отделе РНБ хранится еще одна рукопись «Синши мибянь» (醒世迷編, «Способ пробуждения мир от заблуждений», шифр: Дорн 714), на последнем листе которых находится надпись Каменского:

«Сверен Архимандрит Петр». (л. 79б)

Еще в период работы в восьмой духовной миссии, Каменский уже установил тесные связи с католическими миссиями в Пекине. Когда он во второй раз прибыл в Китай в конце 1820 г., в Пекине сохраняли деятельность лишь Южный и Северный соборы. В 1827 г. Северный собор был закрыт, а его книги были перемещены священником о. Матье (Suè Mathieu, кит. 薛瑪竇, С. М., 1780–1860) на территорию миссионерского кладбища за городом Пекина до закрытия собора в 1827 г. [Чжао, 2021, С. 161–178] На следующий год настоятель Южного собора епископ Перейра передал на хранение часть книг в Российскую духовную миссию. Подпись в получении книг была удостоверена начальником Духовной миссии П.И. Каменским. [Хуэй, Ли, 2009, С. 52] В 1838 г. после смерти последнего европейского миссионера Перейры в Пекине, Южный собор также был закрыт. Еще при жизни Перейра просил начальника одиннадцатой Духовной миссии Вениамина «после его смерти продать имущество и перевести вырученные деньги португальской миссии в Макао». [Скачков, 1977, С. 149] Член двенадцатой Духовной миссии И. А. Гошкевич (1814–1875) составил каталог депонированных книг в Духовной миссии, в который занесен 3348 наименований книг на европейских языках. Каталог ныне хранится в Архиве внешней политики

Российской империи (АВПРИ). [Лю, 2020, С. 89] В 1860 г. Российская духовная миссия передала эти книги французскому миссионеру Мули (Mgr. Joseph-Martial Mouly, С. М., кит. 孟振生, 1807–1868). Таким образом, мы можем определить, что христианские книги, приобретенные Каменским, происходили из библиотечных собраний Южного и Северного соборов в Пекине.

После 1860 г. католическим миссиям было разрешено возобновлять деятельность в Пекине. Вернувшись в Пекин, миссионеры начали собирать сохранившиеся книги и свозили их в Северный собор (ныне это собрание известно под названием «Бэйтансаншу» [北堂藏書, Собрание книг Северного собора]). По исследованию Чжао Даин (趙大瑩), китайские книги из собрания Северного собора поступили в Китайскую национальную библиотеку и Библиотеку Пекинского горкома КПК после 1949 г. [Чжао, 2020, С. 161–178]

С момента прибытия в Пекин в 1716 г. одной из главных задачей Российской духовной миссии было обеспечение религиозных потребностей албазинцев и их потомков в Пекине. Как следует из предисловия к «Чжэнцзяо цзянь» (正教鑒, т.е. китайский перевод «Зерцала православного исповедания» Дмитрия Ростовского, переведенный З.Ф. Леонтьевским), в начале XIX в. албазинцы в Пекине уже слабо владели русским языком и не умели читать православные молитвы по-русски. В связи с этим члены Духовной миссии перевели основные православные молитвы на китайский язык. [Ростовский, Леонтьевский, 1821–1830, Л. 2а] Более того, еще в течение службы девятой Духовной

миссии в 1807–1821 гг. католическая молитва «Тяньшэнь хуэйкэ» (天神會課, «Собрание расуждений о Боге»), созданная иезуитом Фаркусом Бранкати (Francis Brancati, кит. 潘國光, 1607—1671), была адаптирована Н.Я. Бичуриным для православной богослужения под тем же названием и издана в Пекине в 1810 г. [Maiatckii, 2018, С. 87–98]

Это обстоятельство позволяет предположить, что именно потребность религиозной деятельности побудил П.И. Каменского собирать труды европейских католиков на китайском языке. В XVI–XVII вв. европейские католики переводили, составляли и издавали многочисленные книги на китайском языке для проповеди, что способствовало распространению Католичества в Китае. По нашему мнению, одной из целей сокращения трудов католиков могло быть заимствование их опыта перевода и создания религиозной литературы. Однако, гонения на католиков в первой трети XIX в. изменили первоначальный замысел П.И. Каменского, в результате чего основной целью стало сохранение книжных коллекций пекинских католических миссий.

Заключение

В начале XIX в. цинский двор придерживался политики строгих ограничений деятельности европейских миссионеров, в результате чего соборы в Пекине были закрыты, а сами миссионеры постепенно покинули китайскую столицу. По всей видимости, поскольку члены Российской духовной миссии считались «ламами» по «Правилам Палаты внешних сношений» (理藩院則例), они не подверглись влия-

нию жестокой политики цинского двора, и вели активную деятельность в Пекине, [Янь, 2024, С. 27–38] и даже могли оказывать помощь европейским католикам. В то же время Духовная миссия была единственным каналом, через который корейские посланники получали доступ к западным научным знаниям, а также, она вступила в роли мостом между корейскими христианскими верующими и Римско-католическим церковью, способствуя тем самым распространению христианства в Восточной Азии.

Список литературы

1. Гэ Чжаогуан (葛兆光). Воображаемые экзотические земли: Заметки по пекинским дневникам корейских посланников в период династии Чосон на китайской письменности (想像異域——讀李朝朝鮮漢文燕行文獻札記). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2014. – 302 с. (на кит. яз.)
2. Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. (3-е изд.), СПб.: Издательство СПбГУ, 2018. – 744 с. С. 298–305.
3. Архимандрит Николай (Адоратский П.С.). Православная Миссия в Китае за 200 лет ее существования. *Православный собеседник*. 1887; Ноябрь. С. 287–343.
4. Вэй Юй (韋羽). Инциденты с католическими миссиями и распространение католичества при императорах Цзяцине и Даогуане (嘉慶時期的教案與天主教的傳播), Сямэнь: магистерская диссертация, Университет Цзинань, 2006. – 92 с. (на кит. яз.)

5. Пан Т.А., Шаталов О.В. Архивные материалы по истории западноевропейского и российского китаеведения, СПб.; Воронеж, Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, Воронежский государственный университет, 2003, С. 16–90.
6. Лю Жомэй (柳若梅), Пан Сяомэй (龐曉梅/ Пан Т.А.). Научные связи между Китаем и Россией – переписка между учеными Петербургской Академией наук и членами Пекинского Общества иезуитов в XVIII в. (中國和俄國之間的知識交流 – 18世紀彼得堡科學院院士與北京耶穌會士的通信). *Журнал Культура. Китайское издание* (文化雜志. 中文版), 2018; № 103. С. 54–66. (на кит. яз.)
7. Архимандрит Николай (Адоратский П.С.). Православная Миссия в Китае за 200 лет ее существования. *Православный собеседник*. 1887; Ноябрь, С. 333–335.
8. Ладыженский М.В. Дневник, веденный в Пекине с 1-го декабря 1830 г. *Китайский благовестник*. 1911; Вып. 9, С. 25–27.
9. Ладыженский М.В. Дневник, веденный в Пекине с 1-го декабря 1830 г. // Китайский благовестник. 1911; Вып. 8. С. 24–27
10. Чжао Гуан (趙珖). Прибытие китайцы Чжоу Вэнъмо в Корею и его деятельности (清人周文謨來朝即其活動). *Сборник научных статей по корееведению* (韓國學論文集), вып. 4. Пекин: Шэкэ вэнъсянь чубаньшэ, 1995. С. 234–241. (на кит. яз.)
11. Ян Юйлэй (楊雨蕾). Исследование связей корейских посланников с Западными католическими проповедниками (朝鮮燕行使臣與西方傳教士交往考述). *Мировая история* (世界歷史), 2006; № 5. С. 126–131. (на кит. яз.)
12. Янь Миньсян. Новые источники о русско-корейских контактах в первой четверти XIX в. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2023; Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 67–76.
13. Янь Миньсян. Переписка между Н.Я. Бичуриным и корейскими посланниками в Пекине. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2023; Т. 24, № 4: Востоковедение. С. 101–113.
14. Ким Гёнсон (金景善). Ёнвон чикчи / Направление в город Янь (燕轅直指). *Сборник корейской литературы по «пекинским дневникам» на китайской письменности* (韓國漢文燕行文獻選編). Т. 28. Шанхай, Издательство «Фуданьский университет», 2011. – 498 с. (на кит. яз.)
15. Shin Ik-Cheol. The Western Learning Shown in the Records of Envoys Traveling to Beijing in the First Half of the Nineteenth Century – Focusing on Visits to the Russian Diplomatic Office. *The Review of Korean Studies*, Number 1 (March 2008); Volume 11, pp. 11–27.
16. Тимковский Е.Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. Часть 2. СПб.: Типография медицинского департамента МВД, 1824. – 410 с.
17. Симбирцева Т.М. Российско-корейские

- контакты в Пекине в конце XVII – середине XIX вв. (по дневникам корейских слов). *Проблемы Дальнего Востока*, 1998; № 6. С. 84–96.
18. Пак Сахо. Ёнги кичжон. Записки о маршруте в Янь и Цзи. *Сборник корейской литературы по «пекинским дневникам» на китайской письменности* (韓國漢文燕行文獻選編). Т. 27. Шанхай, Издательство «Фуданьский университет», 2011. – 550 с. (на кит. яз.)
19. Ладыженский М.В. Дневник, веденный в Пекине с 1-го декабря 1830 г. *Китайский благовестник*, 1913; Вып. 5 (15 июня). С. 17–24.
20. Ладыженский М.В. Дневник, веденный в Пекине с 1-го декабря 1830 г. *Китайский благовестник*, 1911; Вып. 10. С. 20–27.
21. Можаровский А. Ф. К истории нашей духовной миссии в Китае. *Русская старина*, 1896; кн. II, С. 405–437.
22. Васильев В. П. Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете. *Русский вестник*, 1857; № 11. С. 305–343.
23. Лю Жомэй (柳若梅). Предисловие к «История российского государства» // Карамзин Н.М.; Леонтьевский З.Ф. (пере.); Лю Жомэй (柳若梅), Маяцкий Д. И., Пан Т. А. (под ред.). История российского государства (羅西亞國史). Пекин: Сюэюань чубаньшэ, 2021. С. 4–10. (на кит. яз.)
24. Pang T. A. Descriptive Catalogue of Manchu Manuscripts and Blockprints in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies Russian Academy of Science, Wiesbaden, Harrassowitz in Kommision, 2001. – 272 p.
25. Чжао Даин (趙大瑩). Исздание китайских книг, хранящихся в Библиотеке Северного собора (北堂圖書館舊藏漢文古籍尋蹤). *Религия и история* (宗教與歷史), 2020; Вып. 13. С. 161–178. (на кит. яз.)
26. Хуей Цзэлинь (惠澤霖/ H.G. Verhaeren), Ли Гоцин (пере., 李國慶譯). Из истории Библиотеки Северного собора (北堂書史略). *Литературные памятники* (文獻), 2009; № 2. С. 34–56. (на кит. яз.)
27. Скачков П. Е. Очерки по истории русского китаеведения. М. Главная редакция восточной литературы Издательства «Наука», 1977. – 506 с.
28. Лю Жомэй (柳若梅). Исследование каталога книг на европейских языках в архиве России (俄羅斯檔案館藏北堂西文書目考). *Литературные памятники* (文獻), 2020; № 2. С. 67–77. (на кит. яз.)
29. Дмитрий Ростовский, Сивиллов Д. (пере.). Зерцало Православного исповедания (正教鑑). Рукопись, 1821–1830 гг. Восточный отдел Научной библиотеки СПбГУ им. М. Горького, хул 129. -2 кн. (на кит. яз.)
30. Dmitri Maiatckii. The Book Conversations in the Assembly of Angels by N. Bichurin as the First Experience of Creating an Orthodox Religious Text in Chinese. *International Journal of Sino-Western Studies*, 2018; № 4. PP. 87 – 98.

31. Янь Миньсян. О приобретении Российской миссионерами книг в Пекине в первой половине XIX веке, *Ученые записки Петров заводского государственного университета*. 2024; Т. 46, № 8. С. 27–38.

References

1. Ge Zhaoguang (葛兆光). *Imagined Exotic Lands: Notes on the Peking Diaries of Korean Envoys from the Joseon Dynasty Written in Literary Chinese* (想象的異域——讀李朝鮮漢文燕行文獻札記). Beijing: Zhonghua Book Company, 2014. – 302 p. (in Chinese)
2. Kurbanov, S.O. *History of Korea: From Antiquity to the Early 21st Century* (3rd ed.). St. Petersburg: Saint Petersburg State University Press, 2018. – 744 p. Pp. 298–305. (in Russian)
3. Archimandrite Nikolai (Adoratsky P.S.). The Orthodox Mission in China over 200 Years of Its Existence. *Pravoslavny Sobesednik [Orthodox Interlocutor]*. 1887; November. pp. 287–343. (in Russian)
4. Wei Yu (韋羽). *Incidents Involving Catholic Missions and the Spread of Catholicism during the Jiaqing and Daoguang Reigns* (嘉慶時期的教案與天主教的傳播). Xiamen: Master's Thesis, Jinan University, 2006. – 92 p. (in Chinese)
5. Pang, T.A., Shatalov, O.V. *Archival Materials on the History of Western European and Russian Sinology*. St. Petersburg; Voronezh: St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies of the RAS, Voronezh State University, 2003. pp. 16–90. (in Russian)
6. Liu Ruomei (柳若梅), Pang Xiaomei (龐曉梅 / Pang T.A.). Scholarly Ties between China and Russia – Correspondence between Academics of the St. Petersburg Academy of Sciences and Members of the Beijing Society of Jesuits in the 18th Century (中國和俄國之間的知識交流 – 18世紀彼得堡科學院院士與北京耶穌會士的通信). *Journal of Culture. Chinese Edition* (文化雜志. 中文版), 2018; No. 103. Pp. 54–66. (in Chinese)
7. Archimandrite Nikolai (Adoratsky P.S.). The Orthodox Mission in China over 200 Years of Its Existence. *Pravoslavny Sobesednik [Orthodox Interlocutor]*. 1887; November. pp. 333–335. (in Russian)
8. Ladyzhensky, M.V. Diary Kept in Beijing from December 1, 1830. *Kitaysky Blagovestnik [Chinese Messenger]*. 1911; Iss. 9. pp. 25–27. (in Russian)
9. Ladyzhensky, M.V. Diary Kept in Beijing from December 1, 1830. *Kitaysky Blagovestnik [Chinese Messenger]*. 1911; Iss. 8. pp. 24–27. (in Russian)
10. Zhao Guang (趙珖). The Arrival of the Chinese Zhou Wenmo in Korea and His Activities (清人周文謨來朝即其活動). *Collection of Papers on Korean Studies* (韓國學論文集), Iss. 4. Beijing: Social Sciences Academic Press, 1995. pp. 234–241. (in Chinese)
11. Yang Yulei (楊雨蕾). Research on the Connections between Korean Envoys and Western Catholic Missionaries (朝鮮燕行使臣與西方傳教士交往考述). *World History* (世界歷

- 史), 2006; No. 5. pp. 126–131. (in Chinese)
12. Yan Minxiang. New Sources on Russian-Korean Contacts in the First Quarter of the 19th Century. *Vestnik NGU. Series: History, Philology*. 2023; Vol. 22, No. 10: Oriental Studies. pp. 67–76. (in Russian)
13. Yan Minxiang. Correspondence between N.Ya. Bichurin and Korean Envoys in Beijing. *Vestnik NGU. Series: History, Philology*. 2023; Vol. 24, No. 4: Oriental Studies. pp. 101 –113. (in Russian)
14. Kim Kyung-sun (金景善). *Yeonwon Jikji / Direct Pointing to the Yan Capital* (燕轅直指). *Selected Compilation of Korean "Yanxing" Literature in Literary Chinese* (韓國漢文燕行文獻選編). Vol. 28. Shanghai: Fudan University Press, 2011. – 498 p. (in Chinese)
15. Shin Ik-Cheol. The Western Learning Shown in the Records of Envoys Traveling to Beijing in the First Half of the Nineteenth Century – Focusing on Visits to the Russian Diplomatic Office. *The Review of Korean Studies*. March 2008; Volume 11, Number 1. pp. 11–27.
16. Timkovsky, E.F. *Travel to China through Mongolia in 1820 and 1821*. Part 2. St. Petersburg: Typography of the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs, 1824. – 410 p. (in Russian)
17. Simbirtseva, T.M. Russian-Korean Contacts in Beijing from the Late 17th to the Mid-19th Centuries (Based on the Diaries of Korean Envoys). *Problems of the Far East*. 1998; No. 6. pp. 84–96. (in Russian)
18. Pak Saho. *Yeon'gi Gijeon. Notes on the Route to Yan and Ji. Selected Compilation of Korean "Yanxing" Literature in Literary Chinese* (韓國漢文燕行文獻選編). Vol. 27. Shanghai: Fudan University Press, 2011. – 550 p. (in Chinese)
19. Ladyzhensky, M.V. Diary Kept in Beijing from December 1, 1830. *Kitaysky Blagovestnik [Chinese Messenger]*. 1913; Iss. 5 (June 15). pp. 17–24. (in Russian)
20. Ladyzhensky, M.V. Diary Kept in Beijing from December 1, 1830. *Kitaysky Blagovestnik [Chinese Messenger]*. 1911; Iss. 10. pp. 20–27. (in Russian)
21. Mozharovsky, A.F. On the History of Our Spiritual Mission in China. *Russkaya Starina [Russian Antiquity]*. 1896; Bk. II. pp. 405–437. (in Russian)
22. Vasiliev, V.P. Note on Oriental Books at St. Petersburg University. *Russky Vestnik [Russian Herald]*. 1857; No. 11. Pp. 305–343. (in Russian)
23. Liu Ruomei (柳若梅). Preface to "History of the Russian State". Karamzin N.M.; Leontievsky Z.F. (trans.); Liu Ruomei (柳若梅), Mayatsky D.I., Pang T.A. (eds.). *History of the Russian State* (羅西亞國史). Beijing: Xueyuan Press, 2021. pp. 4–10. (in Chinese)
24. Pang, T.A. *Descriptive Catalogue of Manchu Manuscripts and Blockprints in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies Russian Academy of Science*. Wiesbaden: Harrassowitz in Kommission, 2001. – 272 p.

25. Zhao Daying (趙大瑩). Tracing the Chinese Books Formerly Held in the Beitang Library (北堂圖書館舊藏漢文古籍尋蹤). *Religion and History* (宗教與歷史), 2020; Iss. 13. pp. 161–178. (in Chinese)
26. Verhaeren, H.G. (Huì Zélín / 惠澤霖), Li Guoqing (trans., 李國慶譯). On the History of the Beitang Library (北堂書史略). *Wenxian [Literary Documents]* (文献), 2009; No. 2. pp. 34–56. (in Chinese)
27. Skachkov, P.E. *Essays on the History of Russian Sinology*. Moscow: Main Editorial Office for Oriental Literature, Nauka Publishers, 1977. – 506 p. (in Russian)
28. Liu Ruomei (柳若梅). Research on the Catalogue of Western-Language Books from the Beitang Held in Russian Archives (俄羅斯檔案館藏北堂西文書目考). *Wenxian [Literary Documents]* (文献), 2020; No. 2. pp. 67–77. (in Chinese)
29. Dmitry of Rostov, Sivilov D. (trans.). *The Mirror of the Orthodox Confession* (正教鑒). Manuscript, 1821–1830. Eastern Department of the M. Gorky Scientific Library, St. Petersburg State University, xyl 129. -2 bks. (in Chinese)
30. Maiatsky, Dmitri. The Book Conversations in the Assembly of Angels by N. Bichurin as the First Experience of Creating an Orthodox Religious Text in Chinese. *International Journal of Sino-Western Studies*. 2018; No. 4. pp. 87–98.
31. Yan Minxiang. Acquisition of Books by Russian Missionaries in Beijing during the First

Half of the 19th Century. *Uchenye Zapiski Petrozavodskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Proceedings of Petrozavodsk State University]*. 2024; Vol. 46, No. 8. pp. 27–38. (in Russian)

Сведения об авторе

Янь Миньсян

независимый исследователь

ymxfdu@yandex.ru

Information about the Author

Yan Minxiang

Independent Researcher

ymxfdu@yandex.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.10.2025.

Принята к публикации: 10.10.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.09.2025

Approved after reviewing 02.10.2025

Accepted for publication 10.10.2025

Decorative art of Vietnamese village communal houses: symbolic values and the folk visual language

Декоративное искусство вьетнамских деревенских общественных домов: символические ценности и народный визуальный язык

До Ань Туан

Университет Ван Ланга,
Хошимин, Вьетнам

Đỗ Anh Tuân

Van Lang University,
Vietnam

УДК 728.03 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2025-184-195](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-184-195)

АННОТАЦИЯ

Народное искусство в оформлении домов вьетнамских деревенских общин представляет собой форму всестороннего культурного самовыражения. Здесь традиционная эстетика, символические верования и общественные настроения переплетаются с помощью визуального языка, пропитанного местным колоритом. Эти мотивы, выходящие далеко за рамки простого орнамента, структурированы в систему символов, как священных, так и глубоко укоренившихся в народной культуре. Анализируя фундаментальные элементы, такие как система символовических ценностей, культурная глубина, заложенная в визуальных формах, специфическое эстетическое мышление и характерные для искусства условия, это исследование показывает, что оформление общественных домов не только демонстрирует либеральные методы визуального творчества, но и служит

ABSTRACT

Folk art in the decoration of Vietnamese village communal houses represents a form of comprehensive cultural expression. Here, traditional aesthetics, symbolic beliefs, and communal sentiments interweave through a visual language imbued with indigenous character. Far beyond mere ornamentation, these motifs are structured into a system of symbols, both sacred and deeply rooted in folk culture. By analyzing fundamental elements - such as the system of symbolic values, the cultural depth embedded in visual forms, the specific aesthetic mindset and art characteristic conventions this study shows that communal house decoration not only demonstrates liberal techniques of visual creation but also serves as a repository for the strata of community memory and knowledge. Thus, communal house decoration defines a distinct visual identity for Vietnamese rural communities. This research emphasizes the

хранилищем пластов общественной памяти и знаний. Таким образом, оформление общественных домов определяет особую визуальную идентичность вьетнамских сельских общин. Это исследование подчеркивает внутреннюю взаимосвязь между народным изобразительным искусством и структурой традиционных социокультурных систем, подтверждая непрекращающую роль и жизнеспособность народного искусства в сохранении и популяризации вьетнамских культурных ценностей.

Ключевые слова: народное искусство; украшение деревенских общинных домов; визуальная символика; народные верования и культура; традиционное вьетнамское изобразительное искусство.

Для цитирования: До Ань Туан. Декоративное искусство вьетнамских деревенских общественных домов: символические ценности и народный визуальный язык. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (№4). С. 184-195 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-184-195>

1. Introduction

Within the spatial structure of traditional Vietnamese villages, the communal house serves as an integrated cultural center, where various layers of historical, religious, and indigenous artistic values converge. Not merely an administrative institution or a sanctuary for the "*Thành hoàng*"¹ the tute-

intrinsic relationship between folk visual art and the structure of traditional socio-cultural systems, affirming the enduring role and vitality of folk art in preserving and promoting Vietnamese cultural values.

Keywords: Folk art; Village communal house decoration; Visual symbolism; Folk belief and culture; Traditional Vietnamese fine arts.

For citation: Đỗ Anh Tuân. Decorative art of Vietnamese village communal houses: symbolic values and the folk visual language. *Modern Oriental Studies*. 2025; 7 (4). P. (In Russ.) P. 184-195 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-184-195>

lar deity with legendary and historic origins, the communal house embodies the worldview, philosophy of life, and aesthetics of the Vietnamese people. Here, "*ritual*"² activities, festivals, and communal cultural practices unfold in a space imbued with symbolism — from architecture to decoration — each laden with profound meanings and

¹ *Thành hoàng* — A concept of the tutelar deity with legendary and historic origins. The tutelar deity of the village is enshrined in the communal house, the spiritual center of the community.

²Ritual — activities refers to the collective ritual acts of worship, including preparing offerings, conducting ceremonial rites, praying, and commemorating spiritual entities such as deities, ancestors, national heroes or cultural founders.

aesthetic emotions of the local people.

The decorative art of the communal house transcends auxiliary or purely aesthetic functions. It operates as a unique visual language, capable of conveying spiritual, religious, ethical, historical, and philosophical messages through expressive imagery, color, line, and composition. Motifs such as the "four sacred creatures"³, "four treasures"⁴, "tiger faced amulets"⁵, and scenes of folk life are expressed through a process of "symbolization"⁶ rich in metaphor, abstraction, and sacred connotation. The decoration of communal houses thus becomes a "visual text," where ideas, beliefs, and imaginations are encoded in concrete images that reflect not only folk religion but also absorb various strata of local culture and customs Buddhism, Confucianism, Taoism, as well as the symbols of wet-rice agriculture within the context of Vietnamese traditional village society.

Therefore, the decorative art of Vietnamese communal houses should be regarded not merely as a traditional artistic activity but as a system of thought, interlinking historical culture, folk aes-

thetics, and symbolic "anthropology"⁷ in an interdisciplinary manner. This research thus delves deeply into the system of symbolic values and the distinctive visual language of communal house decoration, clarifying the inherent relationships among folklore, belief, and the traditional socio-cultural structure, while reaffirming the communal house as a "living museum" of Vietnamese folk art.

2. Identity and expressive content of communal house decorative art

2.1. Syncretism and folklorization

During the development of Vietnamese art under the Le and Nguyen dynasties (1428–1945), communal houses emerged as a prominent indigenous cultural space, exemplifying the intersection of court art and folk creative traditions. While court art strictly adhered to formal rules of composition and symbolism especially regarding sacred animals like dragons, phoenixes, and tiger faced amulets which represent royal authority and hierarchical order (Phan, 2016), communal house art reveals a more flexible mode of reception, in which

³ Four sacred creatures — is a concept rooted in East Asian culture, particularly prevalent in Vietnam, China, Japan, and Korea, referring to four sacred creatures that symbolize fundamental cosmic elements and embody profound spiritual and geomantic (feng shui) significance.

⁴ Four treasures — refers to four auspicious elements, often represented by the four seasons, four symbolic plants, or four identical digits in feng shui and folk culture.

⁵ Tiger faced — amulets is a symbolic object in ancient Eastern military and administrative culture, particularly prominent in imperial China and feudal Vietnam. Shaped like a tiger's head, it functioned as an official token of authority, representing the emperor's command. It could not be forged or misused, and its possession signified legitimate power granted by the sovereign.

⁶ Symbolization — refers to the process of transforming something into a symbol — a representative image or sign that carries symbolic meaning. It can involve turning an idea, event, person, or object into a symbol that holds deep significance, is easily recognizable, and evokes associative memory.

⁷ Symbolic Anthropology — is the study of how cultural meanings are constructed, transmitted, and expressed through symbols, rituals, art, language, beliefs, and other cultural forms. It emphasizes the interpretation of symbols as the core of cultural consciousness.

formal elements are “folk-ized” through the lens of rural creativity and aesthetic sensibility rooted in the agrarian community. For instance, in court art, the dragon was crafted as a central metaphysical symbol, representing the king’s authority and the harmonious order of the cosmos (Nguyen, 2020). However, when transferred to the communal house context, the dragon was reinterpreted in softer, more approachable forms: elongated, undulating bodies, rounded lines, supple details emphasizing decorative over authoritative symbolism. Compositions such as “*dragons playing with clouds*” or “*fairies riding dragons*” (Fig.03) are thus no longer rigid ritualistic icons but become artistic symbols imbued with the breath of folk life.

From the perspective of symbolic anthropology, the transformation of the dragon from royal to communal context exemplifies “*cultural syncretism*” combined with the “*folk mechanism*”. In this process, symbols of power are recontextualized through a local lens, while still retaining their sacred core, essential to their religious function. While Lévi Strauss’s structuralist theory (1963) posits that symbols require stability to maintain functional meaning, in Vietnam, adaptability is the mark of cultural vitality. Symbols survive only when they adapt to new receiving environments. The folklorization of the dragon is thus not a mere aesthetic phenomenon but a reflection of profound cultural transformation in communal house art where the sacred and the mundane, courtly norms and local creativity blend to form the rich and dynamic identity of Vietnamese traditional decorative sculpture.

2.2. Major themes and cultural meanings

In contrast to the strict formality, canonical orientation, and power-centric focus of royal art, the decorative art of Vietnamese village communal houses is shaped and developed within the sphere of communal life, deeply folkloric, where art is not merely creative expression but also a means of reflecting the worldview, cosmology, and collective memory of the rural populace (Tran, 2012). In this environment, three prominent thematic contents emerge: everyday life, fertility beliefs, and the re-enactment of legends and community memory. These elements do not exist in isolation but frequently interlace, forming a multi-layered visual symbolic structure that is both concrete and metaphorical, descriptive and semiotic simultaneously. A significant highlight in communal house wood-carving art is the abundant depiction of “*everyday scenes of leisure and entertainment*”, along with various other activities: from “*lantern dances*” (Fig.06) and festivals to folk games such as traditional “*wrestling*”, which symbolically represent labor and communal life. These carvings go beyond mere decoration or narrative illustration; they serve as a repository of collective memory and belief systems, embodying, in the most tangible way, the local ideological worldview.

Two exemplary works, “*Feeding the pigs*” (Fig.01) and “*Mother’s smile*” (Fig.02), profoundly reflect fertility beliefs through figurative symbols and character expression. The image of a woman with a large belly and full breasts stands as a clear emblem of reproduction, nurturing, and the agricultural cycle. Meanwhile, “*Mother’s smile*” depicts the mother-child bond through gesture and gaze, evoking an inner space rich in myth, where

imagery replaces language and symbol supersedes narration. Beyond this, communal house art establishes a complex visual code, as seen in works like *“Four people drinking wine”* and *“Eight Arhats crossing the river”*. The act of drinking symbolizes community bonding, rendered in a horizontal composition with flexible lines. Placed in the context of agricultural belief and the ritualistic function of the communal house, these carvings should be seen as *“pictorial texts”* with both semiotic and narrative roles. Thus, communal house carving is not only a visual artifact of aesthetic value, but also a focused manifestation of community memory, spiritual values, and the interpretive mechanisms of Vietnamese.

3. The distinctive visual language

3.1. *Stylistic characteristics: Expression and convention*

Unlike classical Western art, which emphasizes anatomical structure, the golden ratio, linear perspective, and chiaroscuro, which are all used to construct a visually persuasive world, Vietnamese folk art constitutes a unique aesthetic regime, where beauty is judged by its capacity to convey cultural and spiritual meaning rather than to recreate reality. From a visual studies perspective, this style may be understood as a form of symbolic visual coding, where reality is not objectively reproduced but interpreted through communal emotion and intuition.

The image of the *“literati riding the dragon”* (Fig.04) is idealized in its depiction a high fore-

head, narrow eyes, low nose, delicate face not representing a specific historical individual but serving as a model of virtue, embodying messages of intellect and integrity. Similarly, the figure of the *“young maiden”* with a large head, prominent chest, and short body symbolizes fecund beauty and reproductive vitality, wholly contrary to the idealized anatomical forms of Western Renaissance art. Here, beauty does not reside in geometric precision but in the artisan’s ability to amplify inner spirit through form a fundamental principle of folk artistry (emotional focus, elimination of extraneous detail).

However, some postmodern scholars critique that to claim communal house art is a *“distinct and stable”* visual language is to overlook its dynamism, regional diversity, and processes of cultural hybridization. Influences from China, Buddhism, indigenous beliefs, or imported techniques have all contributed to a multi-layered aesthetic field, where each image may carry multiple meanings, rather than adhering to fixed or homogeneous interpretations as proposed by *“normative assumption”*⁸. Interpretation of imagery in communal house art thus demands a dynamic perspective, situating each image within specific contexts of space, time, and custom. Through this highly symbolic, non-naturalistic, and conventionalized style, the communal house art has forged a language of collective memory, where the artisan is not only a craftsman but a visual storyteller, carving into each grain of wood the shared ideals and lived experiences of rural Vietnamese communities.

⁸ Normative assumption — refers to an argument or standpoint constructed upon presumed premises that are widely accepted as “common sense” or social norms, without the need for renewed justification or empirical proof.

3.2. *Flexible composition and rhythm*

Unlike the tightly symmetrical compositions of classical Western art or the ritualistic structures of Buddhist and Confucian architecture (with principles such as “*central axis*” and “*main subsidiary axis*”), the decoration of the Vietnamese communal house permits multiple perspectives and localized focal points. In architectural elements like beams, rafters, or tie beams, artisans do not impose a rigid order but adapt to the qualities of the wood, the structural shapes, and the chosen narratives. This generates multi-directional, adaptive, and open compositions, exemplified by scenes like “*wrestling*” or “*dragon dance*” where the main character is positioned at a relative center, yet harmoniously integrated with surrounding details. The outcome is a visually balanced field, in which every element plays an equally important role in the storytelling process.

Rather than the clearly stratified layers of Buddhist paintings or the high-relief royal works of Huế, folk art deploys overlapping, sequential images, seamlessly transitioning between motifs sacred animals, mythological episodes, everyday life scenes linked by geometric rhythm and harmonious movement, akin to a continuous visual symphony. For example, in the communal house of Tho Tang, the carved sequence of “*Eight Arhats crossing the river*” and “*Fairies riding dragons*” at Tay Đang unfolds without being segmented, illustrating the influence of yin yang and five element philosophy in Vietnamese culture: all things are in flux, interacting, with no absolute fixity.

Period, recent research, especially in post-structuralist aesthetics and folk semiotics, affirms

that randomness in folk design does not equate to disorder but represents a non-formal order where beauty lies in dynamism and interaction rather than stasis. Just as the Japanese *wabi sabi* aesthetic values the beauty of imperfection, Vietnamese communal house art finds harmony in unevenness, vitality in indeterminacy, reflecting a profound aesthetic worldview of wet-rice agricultural communities, that is open, humanistic, and attuned to nature.

3.3. *Carving techniques and color coordination*

In the visual arts of Vietnamese folk tradition, particularly in the decorative sculpture of communal houses, technique is not merely a material tool but the foundational structure for visual language and aesthetic expression. The techniques of openwork carving, high relief, low relief, and pierced carving differ not only in execution but also in their roles in establishing symbolic depth and meaning. Openwork carving, in which the background is hollowed out to raise the motif, is typically employed for sacred or mythological subjects. The “*Lantern dance*” motif at King Le’s communal house (Fig.06) exemplifies how openwork carving creates light effects and shadows, enhancing the sense of movement and the sacred aura. After completion, openwork panels are usually undercoated in indigo to create visual depth, overlaid with red lacquer, and selectively gilded at the highest points, so that reflected light accentuates the sacred atmosphere.

High-relief carving, conversely, produces decisive, raised forms suitable for symbols of power such as “*dragon disgorging a pearl*” (Fig.05) and

"lantern dance" (Fig.06) manifesting virtuoso open-work technique, yielding supple, lively, and expressive lines. Elements like the dragon's body, the phoenix's wings, or the fairies' figures are sculpted with softness, suggesting agile movement in a multi layered space. *Low-relief carving*, on the other hand, embodies the Eastern metaphorical spirit by recessing lines into the background to create depth within the overall composition. Subtle elements such as leaves, clouds, or water waves are rendered in diluted indigo or cool blue, which serve to highlight the raised carvings in the foreground. According to Phan C. T. (2011), the simplification of low relief in modern restorations leads to a "rupture of folk visual grammar" (*Restoration of Heritage and Cultural Memory*, p.92). This shows that the technique is not merely a formal device but also critical element to preserving traditional expressive language.

Lastly, "*pierced carving*", a technique involving the full perforation of decorative elements on altar doors and pedestals, is considered the most advanced within the communal house carving system. According to P. H. (1954), this technique generates "*lively light*," enabling the architectural space to become vibrant and sacred (*Connaissance du Vietnam*, p. 211). Light passes through the perforations as if "*breathing*" creating a profound visual experience. In works such as "*Maiden riding a dragon*" (Fig.03) and "*Dragon expelling a pearl*" (Fig.05), the background surfaces are typically painted in deep red, orange, indigo, or dark blue,

while the contours and raised patterns are subtly accented to reflect light, enhancing visual vibrancy. From a symbolic structural perspective, pierced carving techniques represents a fusion of light, shadow, and image a visual embodiment of indigenous spiritual concept.

However, some domestic scholars have argued that the overuse of red and gold in restoration projects may result in "*excessive sacralization*"⁹, diminishing the natural, rustic character that defines folk imagery. Researcher Nguyen, T. H. (2021) asserts that if the application of color is reduced to a purely technical process, disconnected from the overall composition and meaning, the original symbolic essence becomes distorted. Field observations, however, indicate that in select cases - such as the "*Lantern Dance*" (Fig.13) at King Le's communal house in Ninh Bình, the gold highlights and indigo background are handled with subtlety and intention demonstrating the artisan's ability to balance sacredness with the simplicity of rural life. According to Taylor (2004), in Southeast Asian folk art, the over prescription of color symbolism can sometimes limit individual artistic expression, resulting in a loss of visual flexibility.

Beyond its symbolic role, color is also employed as a visual strategy to create depth and contrast. Background tones such as indigo blue, earth brown, or ink black, though not strikingly vivid, convey a subdued and contemplative atmosphere, resonating with the rustic spirit of Vietnamese countryside life (Fig.05). These tones not only

⁹ Excessive sacralization — is a term commonly used in the analysis of art, culture, or symbolism to describe the phenomenon in which an object is over-idealized, deified, or metaphysically elevated beyond its original, grounded reality.

highlight the dominant red and gold hues but also construct a multi-layered visual field, allowing viewers to sense the sacred stillness of the space. This balanced combination is not merely a result of material use but reflects the adaptive creativity of folk artisans, as noted by Phan, C. T. (2012).

4. Communal house: The “Living museum” of folk art

In the cultural evolution of Vietnam, the communal house has served not only as a site for religious rites but also as a living space for the preservation and reproduction of folk art. Unlike modern museums where artworks are immobilized within static, decontextualized displays the communal house functions as a “*living museum*”, in which folk art is not isolated from the community but rather internalized and perpetuated through ritual practices, daily activities, and collective memory (Vietnam National Institute of Culture and Arts Studies, 2020). This vitality is most clearly expressed through traditional festivals such as “*Ky Ye000n festival*”¹⁰, “*Spring festival*”¹¹, and “*Royal decree procession*”¹², where art is not merely a visual backdrop, but an integral component of the ritual experience.

Another defining feature of communal house art is its collective authorship, in which artistic creation does not bear the mark of individual identity, but instead reflects shared cultural knowledge. The carvings, lacquered decorations, and architectural arrangements at Đinh Bảng communal house (Bac Ninh), for instance, are unsigned a manifestation of depersonalized thinking aimed at communal values and ritual function. This stands in stark contrast to modern Western art, where the individual artist and the singularity of the artwork are celebrated. This perspective is reinforced by Alfred Gell’s theory of “*Art and Agency*” (1998), which asserts that in traditional societies, art does not serve a purely aesthetic function, but rather operates as a link within a network of social actions, where the artwork assumes the role of a “*social agent*”.

However, some domestic art critics, such as Nguyen, Q. (2008), have argued that the “*depersonalization*” model may blur the boundary between art and craft, thereby diminishing the status of the communal house within the aesthetic framework of modern art criticism. Yet, it is precisely this non-individualized mode of thinking that affirms an alternative aesthetic system, wherein beauty is inseparable from function and

¹⁰ Ky Yen festival — an annual peace and prosperity ceremony held at communal houses to pray for the well-being of villagers, abundant harvests, and favorable weather. The festival typically consists of two parts: the ritual section (offerings, incense rites) and the festive section (folk singing, classical theatre, etc.).

¹¹ Spring festival — a spring offering ceremony conducted at the beginning of the lunar year, typically in the first month (thang gieng), to give thanks to deities and pray for a prosperous new year. It serves as a ritual inauguration of the new cycle, often associated with spring festivals.

¹² Royal edict — an imperial edict issued by the king to confer divine status upon a deity or to officially recognize a tutelary spirit worshipped in the communal house. “Royal decree procession” (procession of the edict) is the ritual of parading the royal decree from its place of safekeeping (usually the home of the chief officiant or another sacred location) to the communal house for ceremonial offerings during festivals.

community. One of the key features that positions the communal house as a “*living museum*” is its interdisciplinary integration of the arts. At *So* communal house (Quoc Oai), art manifests not only through sculpture but also through music, performance, oral folk traditions, and religious symbolism where motifs such as dragons, phoenixes, guardian lions, lotuses, and chrysanthemums function as cultural codes expressing cosmological views and traditional moral principles. This perspective stands in contrast to the formalist criticism of Clive Bell (1914), who asserted that art must remain autonomous from religious or social functions in order to preserve its “pure aesthetic value”. Nevertheless, within the context of Vietnamese communal houses, art cannot be separated from ritual and communal function. This integrative approach closely aligns with Wagner’s theory of the *Gesamtkunstwerk* (total artwork), in which various art forms converge within a lived, practical space to create a holistic and cohesive aesthetic experience.

Ultimately, the role of the communal house extends beyond that of an artistic repository, it actively reactivates cultural memory within contemporary contexts. Many communal houses, even amidst ongoing urbanization, continue to maintain festivals, performances, and communal interactions, demonstrating that folk symbols remain vibrantly alive rather than “*frozen*” as in museums lacking community engagement. As noted by researcher Pham M. H. (2019), the ability of the communal house to “*live alongside memory*” ensures that traditional cultural values do not become extinct, but are instead reinterpreted and revitalized by the contemporary generation. The vitality of the

communal house, therefore, is not a mere rhetorical metaphor, but rather a functional model of cultural preservation, where art continues to be “*living practice*” embedded in community life, precisely where folk art is not separated from daily life, but rather “*transmitted through lived experience*” a space where memory, ritual, aesthetics, and community intersect.

5. Conclusion

Folk art in the decorative system of Vietnamese communal houses is not merely a collection of traditional visual motifs, but rather a multi layered symbolic structure that reflects the humanistic worldview and distinct cultural logic of wet rice agrarian communities. From sacred animal imagery such as dragons, phoenixes, tiger faced amulets, to vernacular motifs, fertility worship practices, and expressive, intuitive visual language, the art of communal house decoration constitutes a symbolic totality of the “*sacred - profane - living*”, in which the transcendent and the mundane do not stand in opposition, but instead coexist and interweave. This reveals that the aesthetic sensibility of folk art is not constrained by royal conventions or the modern artist’s ego. Rather, it operates according to a communal logic wherein art functions as a medium of cultural memory, belief, and collective knowledge. Unlike tangible heritage that has been “*frozen*” in the past, communal house decorative art exists within a dynamic space of festivals, ritual practices, performances, and communal life. Ceremonial occasions such as “*Ky Yen festival*”, “*Royal decree procession*”, or “*Folk ritual singing*” serve as moments that reactivate layers of symbol, sound, and image, forming a distinctive interdisciplinary

art form, in which sculpture, architecture, music, and movement collaboratively narrate a cultural story. Thus, the communal house is not merely a religious institution, but also functions as a "*living museum*", preserving and reanimating visual memory, folk aesthetics, and the spiritual consciousness of the community. In the face of modernization where many communal houses are at risk of deterioration, distortion, or commercialization the research of folk art in village communal house decoration should move beyond mere preservation of form, and instead be recognized as a creative and contemporary cultural resource. When properly understood in terms of its symbolic and aesthetic value, each carved motif in the communal house is not merely a legacy of the past, but a living cultural archive, where art, belief, history, and the folk consciousness of Vietnam converge.

References

Vietnamese documents

1. Nguyen, Q. (2008). *Impersonal thinking and communal values in the art of Vietnamese communal houses*. *Vietnam Fine Arts Journal*. [in Vietnamese]
2. Nguyen, T. H. (2021). *The impact of restoration on symbols and folk aesthetics in the art of Vietnamese communal houses*. *Journal of Culture and Arts*, (6), 45–52. [in Vietnamese]
3. Nguyen, V. T. (2020). *The dragon symbol in Vietnamese court and folk art*. Hanoi: *Culture and Ethnic Publishing House*. [in Vietnamese]
4. Phan, C. T. (2011). *Heritage preservation and folk visual memory*. *Journal of Cultural Heritage*, (3), 90–94. [in Vietnamese]
5. Phan, C. T. (2012). *Carving techniques and visual language in the art of Vietnamese communal houses*. *Fine Arts Journal*, (8), 27–35. [in Vietnamese]
6. Phan, H. (2016). *Court sculpture art and the process of folklorization*. *Journal of Culture and Arts*, (5), 58–64. [in Vietnamese]
7. Pham, M. H. (2019). *Vietnamese communal houses and the reconstruction of cultural memory in the context of urbanization*. *Journal of Folk Culture*, (12), 12–19. [in Vietnamese]
8. Vietnam Institute of Fine Arts. (2020). *Vietnamese folk art in the spiritual space of village communities*. Hanoi: *Fine Arts Publishing House*. [in Vietnamese]
9. Vietnam National Institute of Culture and Arts Studies. (2020). *Living art spaces in Vietnamese village communal house festivals*. Internal research report. [in Vietnamese]

Foreign documents

10. Bell, C. (1914). *Art*. Chatto & Windus.
11. Gell, A. (1998). *Art and agency: An anthropological theory*. Oxford University Press.
12. Lévi-Strauss, C. (1963). *Structural anthropology* (C. Jacobson & B. Grundfest Schoepf, Trans.). Basic Books.

13. Taylor, N. (2004). *Visual arts in Southeast Asia: Tradition and innovation*. University of Hawai'i Press.
14. Wagner, R. (2001). *The invention of culture*. University of Chicago Press. (Original work published 1975)

Приложения / Illustrations

Figure 1: Feeding Pigs

Phat Loc Communal House - 17th Century

Figure 3: Maiden Riding a Dragon

Tay Dang Communal House - 16th Century

Figure 4: Mandarinate Scholar Riding a Dragon

Ha Hiep Communal House - 17th Century

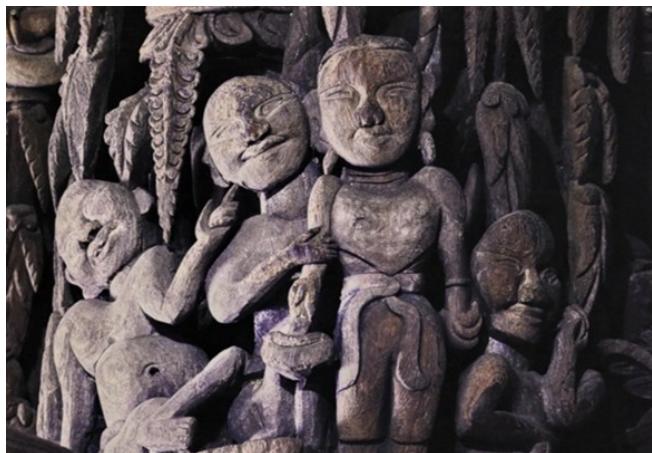

Figure 2: A Mother's Smile

Hung Loc Communal House - 17th Century

Figure 5: Dragon Exhaling a Pearl - Decorative Colors

King Le's Communal House - 17th Century

Figure 6: Lantern dance – Composition and Decorative Colors

King Le's Communal House – 17th Century

Сведения об авторе

До Ань Туан

Преподаватель факультета искусств
и дизайна
Университет Ван Ланга

Information about the Author

Đỗ Anh Tuân

Lecturer
Faculty of Fine Arts & Design
Van Lang University

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.10.2025.

Принята к публикации: 10.10.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.09.2025

Approved after reviewing 02.10.2025

Accepted for publication 10.10.2025

Cham ethnic culture in Vietnam from the Southeast Asian cultural perspective Phan Quoc Anh

Этническая культура чамов во Вьетнаме с точки зрения культуры Юго-Восточной Азии

Фан Куог Ань

Университет Ван Ланга,
Хошимин, Вьетнам
phanquocanh57@gmail.com

Phan Quoc Anh

Van Lang University,
Vietnam
phanquocanh57@gmail.com

УДК 39 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2025-196-203](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-196-203)

АННОТАЦИЯ

Чампа, древнее королевство, возникшее во II веке н.э. на территории современного Центрального Вьетнама, воплощает в себе характерные пространственные и временные характеристики культуры Юго-Восточной Азии. Его историческое развитие включает последовательные этапы культурных контактов с индийской и китайской цивилизациями, за которыми следует интеграция во вьетнамскую культуру. Древняя культура чампа и современная этническая культура чам во Вьетнаме являются жизненно важными элементами, способствующими описанию Вьетнама как "Юго-Восточной Азии в миниатюре". Благодаря анализу различных аспектов, таких как география, этническая принадлежность, язык, письменность, сельскохозяйственные ритуалы, архитектурное искусство, народная литература и изобразительное искусство, в этой статье выявляется множество

ABSTRACT

Champa, an ancient kingdom that emerged in the 2nd century CE in what is now Central Vietnam, embodies distinctive spatial and temporal characteristics of Southeast Asian culture. Its historical development includes successive phases of cultural contact with Indian and Chinese civilizations, followed by integration into Vietnamese culture. The ancient Champa culture and the contemporary Cham ethnic culture in Vietnam are vital elements contributing to the characterization of Vietnam as "a miniature Southeast Asia". Through an analysis of various aspects such as geography, ethnicity, language, script, agricultural rituals, architectural art, and folk literature and arts, this article identifies many parallels between Cham culture and that of other Southeast Asian nations. The cultures of the mountains and the sea are also examined, highlighting the diversity of Cham livelihoods and

параллелей между культурой чам и другими народами Юго-Восточной Азии. Также рассматриваются культуры гор и моря, что подчеркивает разнообразие образа жизни чамов и их культурные обмены с соседними этническими группами и остальным миром.

Культурная история чама тесно связана с распространением и локализацией основных мировых религий, таких как буддизм, брахманизм и ислам. Несмотря на глубокое влияние индийской культуры, культура чама сохраняет свою уникальную самобытность. Традиционная культура чам — это яркая мозаика, отражающая процессы межкультурного взаимодействия, аккультурации и непрерывного творчества народа, который значительно обогатил культурное разнообразие Вьетнама в древнем контексте Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: Культура чамов, Юго-Восточная Азия, Вьетнам, индуизм, ислам, архитектура чамов, выращивание риса.

Для цитирования: Фан Куог Ань. Этническая культура чамов во Вьетнаме с точки зрения культуры Юго-Восточной Азии. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (№4). С. 196-203 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-196-203>

1. Introduction

Culture encompasses both material and spiritual values created throughout human history, reflecting the identity and evolution of a community. Within the diverse cultural mosaic of Vietnam and Southeast Asia, Cham culture stands out as a prominent example, affirming the notion

their cultural exchanges with neighboring ethnic groups and the wider world.

Cham cultural history is closely associated with the adoption and localization of major world religions such as Buddhism, Brahmanism, and Islam. Although deeply influenced by Indian culture, Cham culture retains its unique identity. Traditional Cham culture is a vibrant mosaic, reflecting processes of intercultural interaction, acculturation, and the continuous creativity of a people that have significantly enriched the cultural diversity of Vietnam within the ancient Southeast Asian context.

Keywords: Cham culture, Southeast Asia, Vietnam, Hinduism, Islam, Cham architecture, wet-rice agriculture.

For citation: Phan Quoc Anh. Cham ethnic culture in Vietnam from the Southeast Asian cultural perspective. *Modern Oriental Studies*. 2025; 7 (4). P. (In Russ.) P. 196-203 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-196-203>

that "Vietnam is a miniature Southeast Asia." The uniqueness of Cham culture lies in its dynamic ability to assimilate major external civilizations, especially those from India and China to localize them into its own cultural identity. This cultural fusion has not only enriched Cham identity but has also significantly contributed to the broader

cultural diversity of Vietnam in specific and the Southeast Asian region in general. For nearly half a millennium, the Cham people have become an integral part of Vietnam's community of 54 ethnic groups.

This paper seeks to provide a comprehensive and insightful overview of traditional Cham culture from a Southeast Asian cultural perspective. Adopting interdisciplinary approaches, this study analyzes fundamental characteristics related to space, time, economy, society, belief systems, and folk arts to elucidate the process of cultural assimilation and the formation of a distinctive Cham identity, while affirming their place and role in the broader flow of Southeast Asian culture.

2. General Characteristics of Champa Culture in the Southeast Asian context

Champa culture is a vivid example of the core traits of ancient Southeast Asian cultural substratum: deeply indigenous, yet continuously enriched through centuries of intercultural interaction and transformation, with its legacy still present today.

2.1. Cultural Space and Time

The Champa Kingdom officially emerged in the 2nd century CE and was one of the earliest ancient states in Southeast Asia. Over time, it was known by several names — Linyi, Huan Wang, Chiem Thanh, and finally Champa — reflecting political changes. Like Chenla, Champa functioned as a "Mandala" (O. W. Wolters, 1982, p. 17 -28) — a flexible cultural and sociopolitical space

composed of smaller principalities interconnected through shifting power dynamics. This Mandala stretched along the coast of Central Vietnam, from the Ngang Pass to the region once known as Phu Nam, encompassing present-day Quang Binh to Binh Thuan.

In antiquity, Champa included four main principalities: Amaravati (Da Nang, Quang Nam, Quang Ngai), Vijaya (Binh Dinh, Phu Yen), Kauthara (Khanh Hoa), and Panduranga (Ninh Thuan, Binh Thuan).

Culturally, Champa's development can be divided into three major periods:

1. Pre-Champa Culture (pre-2nd century CE): Marked by indigenous features and Southeast Asia's prehistoric and protohistoric civilizations.

2. Classical Champa Culture (2nd-15th centuries CE): Characterized by strong Indian and Chinese influences, shaping distinctive elements in architecture, religion, language, and law.

3. Cham Culture within Vietnamese Culture (15th century-present): The process of cultural interaction and acculturation with Dai Viet across various fields, meanwhile the Cham people have preserved their distinct identity, thereby enriching Vietnam's multi-ethnic cultural heritage.

The residential areas of the Cham people in Central Vietnam exhibit the full range of Southeast Asia's geographical and climatic characteristics: hot and humid weather, monsoons, and abundant rivers and waterways — conditions favorable for wet-rice agriculture and maritime livelihoods. This region forms a distinctive geo-cultural complex

comprising mountain, plain, and coastal cultures. Moving further south, the climate becomes increasingly arid with lower rainfall, particularly in the southernmost part of Central Vietnam (Panduranga), which compelled the Cham to develop specialized cultivation and irrigation techniques to adapt. Beyond Vietnam's borders, Cham communities are also found in Cambodia, Thailand, and, to a lesser extent, in several other countries due to migration in recent decades (Phan Xuan Bien, Phan An, Phan Van Dop, 1991, p. 8).

2.2. Ethnic and linguistic characteristics

Ethnic and linguistic studies are essential tools for exploring the origins and development of culture. A widely accepted hypothesis suggests that the prehistoric inhabitants of Southeast Asia, including the Cham people, belonged to the Indonesian racial group, which emerged from the admixture of the Mongoloid populations migrating from the Himalayas and the indigenous Melanesian communities. The Cham people, characterized by their dark skin and wavy or curly hair, are recognized as one of the key contributors to Southeast Asian culture. The Cham language belongs to the Malayo-Polynesian branch (Malayo-Polynesien) of the Austronesian language family (Austronesia), a major language group that extends from Madagascar to New Zealand, reflecting a vast process of maritime migration and cultural exchange.

The Cham also developed their own writing system at an early stage. Ancient inscriptions reveal their initial use of Sanskrit, reflecting early Indian cultural influence. By the 9th century, the Cham began using their own language written in

a script derived from Indian models, gradually replacing Sanskrit. The contemporary Cham script used in Ninh Thuận has evolved significantly from the ancient form. With the adoption of Islam, the Arabic script was also used in religious contexts. These elements collectively reinforce the argument for a shared cultural foundation in Southeast Asia shaped by Indian civilization.

3. Economy and cultural life

The Cham people's economy and cultural life reflect the close relationship between humans and the natural environment, as well as their capacity for adaptation and creativity over thousands of years.

3.1. Wet-rice agricultural culture

Champa developed a wet-rice agricultural culture from an early period, despite the Central Region's narrow terrain, short rivers, limited alluvium, and hot, dry climate. Panduranga (Phan Rang) has the lowest annual rainfall in Vietnam. Nevertheless, the Cham people cultivated both drought- and flood-tolerant rice varieties, notably the Chiêm rice strain, which was later adopted by the Vietnamese.

To develop agriculture, the Cham built an extensive and well-planned irrigation system, including structures such as the Nha Trinh dam (12th century), the Lam Cam dam (16th century), and irrigation canals that brought water to tens of thousands of hectares of arid land in Panduranga. They classified farmland into different types- water fields (Thuy dien), lowland paddy fields (Ruong Tram thuy), and upland fields (Son dien)-to optimize cultivation. Cham farmers also used oxen

and buffaloes for plowing, similar to the Malaysian method.

Wet-rice agriculture is deeply embedded in Cham indigenous knowledge and continues to be reflected in traditional agricultural rituals. The dualistic worldview is prevalent in Cham spiritual beliefs. The Rija Nugar festival (Cham New Year), which coincides with the Lao Bunpimay and Khmer Choul Chnam Thmey, includes rituals for purification, fertility, and rain-calling, and is still practiced by both the Ahier (Brahmanist) and Awal (Bani Islamic) Cham communities. The Yuer Yang festival, associated with Brahmanism, also has strong agricultural themes. The Katê festival, the most important celebration for Brahmanist Cham, occurs after harvest and includes rain-invoking rites and hymns praising the divine kings for their role in developing irrigation systems. Other agricultural rituals, such as canal-clearing, rice-sowing, and peace-invoking ceremonies, are still practiced today. These are invaluable cultural heritages preserved thanks to the continued practice of Cham religious traditions.

3.2. Mountain and maritime cultures

In addition to wet-rice agriculture, the Cham also developed a mountain culture, seen in shifting cultivation, the collection of forest products (agarwood, aloeswood, ivory), and hunting, especially during the time when Champa was a key node on the maritime Silk Road of the Pacific. The Cham identify themselves as descendants of both "Atau Cek" (mountain) and "Atau Tathik" (sea), expressing reverence for natural forces. Their close relationship with the Raglai people is evident in both language and shared cultural rituals.

Its location stretching along the coastline and lying at the "crossroads of maritime routes" fostered the development of a vibrant maritime culture. Champa was known as the "Maritime Kingdom". Arab - Persian maps referred to East Sea off Central Vietnam as Champa Sea. Port cities such as Hôi An emerged early, from the beginning of the Common Era, serving as hubs of international trade. The Cham traded fish sauce with Europe, and their ancient coastal wells provided fresh water for ships navigating along the Pacific coast. Although maritime livelihoods are no longer sustained today, the imprint of maritime culture remains deeply embedded in rituals and folk arts (evident in taboos against eating stingrays, in ceremonial practices invoking sea wave deities", ancestral offerings including fish and seashells, and rowing gestures in the "fire-stamping dance"). The ancient Cham were skilled in naval warfare, and the sea route served as a conduit for cultural exchange with India and Islamic kingdoms in insular Southeast Asia.

4. Religion and belief systems

Religion and belief systems have been at the core of the spiritual life of the Cham people. Ancient Cham culture bears strong imprints of Indian religions and was largely unaffected by Sinicization. Since the beginning of the Common Era, the Cham had adopted and localized Buddhism, Brahmanism, and later, Islam. Today, Cham communities in Ninh Thuan, Binh Thuan, Chau Doc (An Giang), Ho Chi Minh City, and other areas reflect a rich diversity of beliefs. Indian religions have accompanied Cham culture for nearly 2,000 years, giving rise to a unique cultural syncretism.

4.1. Buddhism

Indian Buddhism was introduced into Champa between the 3rd and 4th centuries, as evidenced by the Vo Canh stele (found in Nha Trang) and various statues and sculptures at the Dong Duong Monastery. Chinese historical sources also noted that, in the 7th century, Champa was considered a Buddhist country devoted to Shakyamuni. However, over time, Buddhism did not continue to flourish among the Cham population.

4.2. Hinduism (Brahmanism)

The inscriptions indicate that Brahmanism entered Champa before the 7th century. The inscriptions at My Son mention deep reverence for "Mahesvara, Uma, Brahma, and Visnu" (Ngo Van Doanh, 1994, p. 69). Brahmanism was introduced prior to the 7th century, with Shaivism becoming the state religion of the Champa kings. My Son emerged as a sacred religious site from this period and has been inscribed by UNESCO as a World Cultural Heritage site. The inscriptions at My Son honor Shiva and other Hindu deities. Vaishnavism also coexisted alongside Shaivism. Both Buddhism and Hinduism were widely practiced in Amaravati from the 3rd to 6th centuries, profoundly influencing the socio-political life of the region. For over twelve centuries, Indian religions dominated Champa, giving rise to a syncretic blend of religious sects. Shaivism remained the dominant faith, with Shiva often identified with deceased kings.

4.3. Islam

Islam entered Southeast Asia around the 9th century via Arab and Persian merchants, but it was

not until the 16th century that Islam, mainly through Malay and Island Southeast Asian influence, spread widely in Champa. Today, the Cham include two Islamic groups: Bani Islam (Awal or Old Islam) and Sunni Islam (newer arrivals). After Dai Viet's conquest of Vijaya in 1471, many Cham migrated to other Southeast Asian countries (Phu Van Han, 2001, p. 56). Both Bani and Sunni Islam have since become integral to Cham cultural identity within Southeast Asia.

The Cham voluntarily adopted major world religions but localized them, blending them with traditional ancestor worship rooted in Southeast Asian spiritual foundations. Festivals like Rija Nūgar, Yuer Yang, Katē, and life-cycle rituals preserve these indigenous elements. The Cham still maintain polytheistic beliefs, taboos, and customs (e.g., pregnancy taboos, owl calls as bad omens, prohibition on planting tall trees), reflecting relationships with both the spiritual and natural worlds. When Indian and Chinese civilizations reached Southeast Asia, they were localized, enriching cultural diversity, and Cham culture stands as a vivid example of this process.

5. Architecture, sculpture, and literary arts

The Cham people adopted and localized architectural, sculptural, and literary achievements from India, the Khmer, Java, and Dai Viet, creating an artistic tradition that is both unique and representative of Southeast Asia.

5.1. Champa architecture

Champa architecture is primarily represented by temple towers (*Kalan Bimong*),

constructed from reddish baked bricks without the use of mortar. There are 19 tower complexes with approximately 40 structures of varying sizes, dating from the 9th to the 16th century. Cham towers were influenced by the Indian concept of Mount Meru, seen as its miniature representation. In addition to worshiping Shiva, the Cham people also used these towers to venerate kings and ancestors, often identifying the king with the deity (Mukhalinga). Cham architectural art can be divided into three main styles and periods: Hoa Lai and Dong Duong (9th century — strong and square in form), My Son A1 (10th century — delicate and harmonious), and Binh Dinh (11th–13th centuries — grand and majestic). Although many Cham towers no longer remain intact, they are considered precious gems of Vietnamese and Southeast Asian architecture (Phan Quoc Anh, 2019, p. 162)

5.2. Champa Sculpture

Champa sculpture ranks among the top three major sculptural traditions of global significance in Southeast Asia (alongside Java, Khmer). It is notable for brick carvings directly on tower walls and stone sculptures of Hindu deities, sacred animals, and relief panels (Phan Quoc Anh, 2019, p. 167)

The Dong Duong artistic style is both distinctive and deeply characteristic of the Cham people, marked by its strength and expressiveness. However, Cham sculpture is often regarded as more "impressionistic" than realistic—prioritizing emotional expression over precise representation. This unique trait contributes to its singular aesthetic and plays a significant role in the artistic landscape of the region. The Cham "Apsara" serves

as a symbol encapsulating the unique beauty of Cham women, distinct from its Indian counterpart. Although Cham sculpture was influenced by external cultures (India, Java, the Khmer), these influences were localized and adapted into traditional Cham forms. The style tends toward monumental, rounded figures shaped by an impressionistic approach rather than strict realism, reflecting both a unique Cham identity and broader Southeast Asian artistic characteristics.

5.3. Literature and Folk Arts

Cham literature and folk arts developed early due to the presence of a writing system. Their folklore is rich with myths, legends (e.g., Po Inu Nagar — the Mother Goddess), fairy tales (reflecting religious, social, and familial conflicts, as well as matriarchal traditions), proverbs, idioms, songs, riddles, and epics. Cham folk songs share similarities with Quan ho (Bac Ninh) and Central Vietnamese folk music. Ritual songs and epic poetry honoring heroes and deities are widely preserved. Major Cham epics include *Um Murup*, *Inra Patra*, and *Dewa Mano*. Cham music and dance combine religious and folk elements. Despite religious influences, Cham literary and artistic traditions are highly original and serve as a representative model of Southeast Asian cultural heritage.

6. Conclusion

Traditional Cham culture is a vivid example of cultural acculturation and localization in Southeast Asia. Champa absorbed external elements, especially from India, to form a distinct cultural identity, with Indian influences still

strongly present today.

Cham culture reflects the diversity of Southeast Asia in terms of ethnic origins, language, wet-rice agricultural economy, and dynamic mountain and maritime culture. The assimilation and localization of major religions created a rich belief system, alongside a unique system of architecture, sculpture, literature, and folk arts.

The Cham are an important component among Vietnam's 54 ethnic groups. Through cultural interaction and mutual adaptation with the Dai Viet, they have generated distinct 'cultural crosscurrents' across various fields. Cham traditional culture adds a vibrant hue to the cultural mosaic of Vietnam and helps make the country a "miniature Southeast Asia," particularly through the Indian cultural dimension in ancient Southeast Asia. Further research on Cham culture not only deepens understanding of Cham history and identity but also contributes to preserving and promoting the shared cultural heritage of Vietnam and the region.

References

1. Phan Quoc Anh (2019), *Cham Culture Textbook*, Vietnam National University Press, Ho Chi Minh City.
2. Phan Quoc Anh (1999), *The Kate Festival of the Cham in Ninh Thuan*, Journal of Culture and Arts, No. 4.
3. Phan Xuan Bien, Phan An, Phan Van Dop (1991), *Cham Culture*, Social Sciences Publishing House.
4. Ngo Van Doanh (1994), *Champa Culture*, Culture and Information Publishing House, Hanoi.
5. Phu Van Han (2001), *The Islamic Community in Vietnam*, Religious Studies Journal, No. 1 (07).
6. O. W. Wolters (1982), *History, Culture and Region in Southeast Asian Perspectives*.

Сведения об авторе

Фан Куог Ань

Доцент, Ph.D.

Университет Ван Ланга

Email: phanquocanh57@gmail.com

Tel: +84 913 882 368 (WhatsApp)

Information about the Author

Phan Quoc Anh,

Associate Professor, Ph.D.

Van Lang University,

Email: phanquocanh57@gmail.com

Tel: +84 913 882 368 (WhatsApp)

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.10.2025.

Принята к публикации: 10.10.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.09.2025

Approved after reviewing 02.10.2025

Accepted for publication 10.10.2025

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПФО

ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КФУ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас опубликовать результаты Ваших научных трудов в нашем издании

«СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / MODERN ORIENTAL STUDIES»

«Современные востоковедческие исследования» — международный периодический журнал открытого доступа. Целью нашего научного издания является освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора. В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

На основании распоряжения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 июля 2022 г. №314-р журнал включен в Перечень ВАК по 5 научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский и турецкий языки) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнитель-

но-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Публикация в научном журнале бесплатная. Принимаются ранее не опубликованные научные статьи, обзорные статьи, рецензии, информационные материалы, соответствующие направлениям рецензируемого научного издания (оригинальность научных работ должна составлять не менее 75%).

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное слепое рецензирование. Статьи, получившие отрицательную рецензию, снимаются с публикации.

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии с целью последующего включения его в перечень ВАК.

Требования к оформлению работ и порядок приема статей прилагаются.

Готовые статьи принимаются только на адрес Редколлегии журнала:

modernorientalstudies@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

1. Тип рукописи: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; персоналии; рецензия на книгу; рецензия на статью; обзор научной конференции; редакторская заметка; перевод письменного памятника.

2. УДК шифр (обязательно).

3. Заглавие рукописи. Расположение по центру, шрифт полужирный, прописные буквы. В конце заглавия точка НЕ ставится.

В качестве заглавия рецензии может быть приведена библиографическая запись на рецензируемый ресурс. При публикации статьи частями в нескольких выпусках издания части должны быть пронумерованы, и у всех частей следует указывать общее заглавие статьи. Если части имеют, помимо общего, частное заглавие, то его приводят после обозначения и номера части.

4. Автор/ авторы статьи. Данные указываются полностью, в точной последовательности: имя, отчество, фамилия. Расположение по ширине, шрифт полужирный. В случае, если у статьи несколько авторов, их данные указываются в выбранном авторами порядке, через запятую.

5. Название учреждения. Необходимо привести официальное название учреждения (в соответствии с наименованием,

указанным в уставных документах организации, без сокращений и без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.]). Добавить **город**, где находится учреждение, **страну**.

В случае, если в написании статьи принимали участие несколько авторов, необходимо указать их данные, используя цифровые индексы в верхнем регистре ⁽¹⁾ после фамилии соответствующих авторов и перед названиями аффилированных с ними учреждений. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводятся один раз.

6. Каждому автору необходимо указать свой **e-mail** и **идентификационный номер ORCID**. В конце ORCID точка НЕ ставится. Возможно приведение электронного адреса только одного автора, с которым планируется переписка, или отдельное указание автора для корреспонденции по форме: «Автор, ответственный за переписку:» («Corresponding author:»).

7. Аннотация должна содержать данные об актуальности, цели, материалах и методах, результатах и выводах исследования. Объем аннотации 100-250 слов.

8. Ключевые слова (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости

каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится.

9. Размещение дополнительной информации: о спонсорстве, благодарностей —по желанию автора / авторов.

10. Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи. *Современные востоковедческие исследования*.

11. Тип рукописи на английском языке: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; персоналии; рецензия на книгу; рецензия на статью; обзор научной конференции; редакторская заметка; перевод письменного памятника.

12. Название статьи на английском языке. Расположение по центру, шрифт полуяирный, прописные буквы. В конце заглавия точка НЕ ставится.

13. Автор / авторы статьи на английском языке. Данные необходимо указывать в соответствии с заграничным паспортом или так, как указывалось в ранее опубликованных статьях. *Пример: Ivan P. Ivanov*

14. Название учреждения на английском языке. Необходимо указать официальное англоязычное название учреждения без сокращений и указания организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.). Добавить **город**, где находится учреждение, **страну**.

В случае, если в написании статьи принимали участие несколько авторов, необходимо указать их данные, используя цифровые индексы в верхнем регистре ⁽¹⁾ после фамилии соответствующих авторов и перед названиями афилированных с ними учреждений. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводятся один раз.

15. Abstract. Содержание аннотации на английском языке должно соответствовать русскоязычному тексту.

16. Keywords (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится.

17. Размещение дополнительной информации на английском языке: о финансировании (funding / financial support), благодарностей (acknowledgements) — по желанию автора / авторов, в соответствии с русскоязычным текстом.

18. For citation. **Фамилия И.О.** (на английском языке, в соответствии с заграничным паспортом или так, как указывалось в ранее опубликованных статьях) Название статьи на английском языке. *Modern oriental science*.

19. Полный текст (на русском или английском языках) должен быть структурированным по разделам. Структура полного текста рукописи, посвященной описанию результатов оригинальных исследований,

щена искомая статья).

- ⇒ В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных прибавляется <https://> (дата обращения:)
- ⇒ Если работа написана не на английском или русском языке, в скобках в сокращении необходимо указать её язык. Например: (на кит.яз).
- ⇒ В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные на русском языке, в скобках на языке оригинала: ФИО (иероглифика). Название работы (иероглифика).

26. References. Дополнительно приводят перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице согласно выбранному стилю оформления перечня затекстовых библиографических ссылок *Chicago*, принятому в зарубежных изданиях.

- ⇒ Названия работ переводятся на английский язык, не транслитерируются. В названиях издательств используется транслитерация.
- ⇒ Если работа не на английском языке, в скобках в сокращении указывается её язык. Например: Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1958, pp. 333–346. (In Russ.)
- ⇒ В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных при-

бавляется <https://> (accessed:)

В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные только на английском языке.

27. Сведения об авторе / авторах. Указывается в статье после списка источников.

Фамилия Имя Отчество,

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты.

28. Information about the author / authors. Указывается в статье после списка источников.

Имя Отчество (сокращённо) Фамилия

Пример: Ivan P. Ivanov

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты.

29. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводят в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова «**Вклад авторов:**» («**Contribution of the authors:**»).

должна соответствовать общепринятым шаблону и содержать разделы: введение (актуальность), цель и задачи, материалы и методы, результаты, выводы, а также — по желанию автора — тематические подразделы.

20. Сведения о продолжении или окончании статьи указывают при её публикации частями в нескольких выпусках издания в конце каждой части, кроме последней, по форме: «Продолжение (окончание) следует». На странице с началом каждой последующей части статьи в подстрочном примечании или перед текстом ставят пометку «Продолжение (окончание)» и указывают номер (номера) выпуска (выпусков) издания, в котором (которых) были напечатаны предыдущие части статьи.

21. В статье могут быть внутритекстовые, подстрочные и затекстовые примечания. Внутритекстовые примечания помещают внутри основного текста статьи в круглых скобках. Подстрочные примечания помещают внизу соответствующей страницы текста статьи. Затекстовые примечания помещают после основного текста статьи перед «Списком источников» с предшествующим словом «Примечания».

22. Таблицы должны быть помещены в текст статьи и пронумерованы (Таблица 1 — Tabl. 1), иметь четко обозначенные графы, удобные и понятные для чтения. Названия следует давать курсивом на русском и английском языках. Данные таблицы должны соответствовать цифрам

в тексте, однако не должны дублировать представленную в нём информацию. Ссылки на таблицы в тексте обязательны.

23. Рисунки (графики, диаграммы, схемы, чертежи и другие иллюстрации, рисованные средствами MS Office) должны быть контрастными и четкими. Объем графического материала минимальный (за исключением работ, где это оправдано характером исследования). Каждый рисунок должен быть помещен в текст и сопровождаться нумерованной подрисуночной подписью курсивом на русском и английском языках (Рис. 1 — Fig. 1). Должен быть указан источник рисунка (например: издание, сайт, музей, фото автора). Ссылки на рисунки в тексте обязательны.

25. Ссылки в тексте — затекстовые. !В списке все работы перечисляются в порядке читирования, а не в алфавитном порядке!

- ⇒ Перечень затекстовых библиографических ссылок на русском языке помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «**Список источников**».
- ⇒ Библиографические ссылки на монографии оформляются по примеру: Фамилия И.О. *Название монографии*. Город: издательство; год. Количество страниц в монографии.
- ⇒ Библиографические ссылки на статьи оформляются по примеру: Фамилия И.О. Название статьи. *Название журнала*, где была издана статья. Город: издательство; год. С. (страницы, на которых разме-

После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.).

30. Сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов и детализацию такого конфликта в случае его наличия приводят в конце статьи после «Информации об авторах». Если в статье приводят данные о вкладе каждого автора, то сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов указывают после них.

Например:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

31. Сведения о дате поступления рукописи в редакцию издания, **дате одобрения** после рецензирования и **дате принятия** статьи к опубликованию приводят в конце статьи после всех других сведений.

Например:

Статья поступила в редакцию 06.12.2021;
одобрена после рецензирования 08.12.2021;
принята к публикации 14.12.2021.

The article was submitted 06.12.2021;

approved after reviewing 08.12.2021;

accepted for publication 14.12.2021.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

ARTICLE FORMATTING SAMPLE

Научная статья/другое

УДК _____

<https://doi.org/> _____

Исторические/другие науки

Название статьи

Федоров Антон Витальевич¹, Антонов Виталий Федорович²

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Автор, ответственный за переписку: fyodorovav@gmail.com

<https://orcid.org/> _____ (точка в конце не ставится)

Аннотация: Аннотация статьи должна содержать: актуальность, цель, материалы и методы, результаты, выводы; полностью соответствовать содержанию работы. **Объем текста 100-300 слов.**

Ключевые слова: (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится

Размещение дополнительной информации: о спонсорстве, благодарностей — по желанию автора / авторов.

Для цитирования: Федоров А.В., Антонов В.Ф. Название статьи. *Современные востоковедческие исследования*. Год; Том (номер). С. <https://doi.org/> _____

Original article/other

History/other studies

<https://doi.org/>_____

The article title

Fyodorov A.V.¹, Antonov V.F.²

¹*Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia*

²*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia*

Corresponding author: fyodorovav@gmail.com

<https://orcid.org/>_____

Abstract: Abstract of the article is required to contain: relevance, purpose, materials and methods, results, conclusions; it should be fully consistent with the content of the work. **The volume of an abstract is 100-300 words.**

Keywords: Up to 10 keywords, starting with the most significant ones. When listing them, a comma is put, at the end of the listing, a dot is NOT put

funding / financial support/ acknowledgements: up to the author request

For citation: Fyodorov A.V., Antonov V.F. The article title *Modern Oriental Studies*. Year; Volume (№). P. (In Russ. / other) <https://doi.org/>

Текст работы /Full text:

Табл.1. Название таблицы.

Table 1. Table's name.

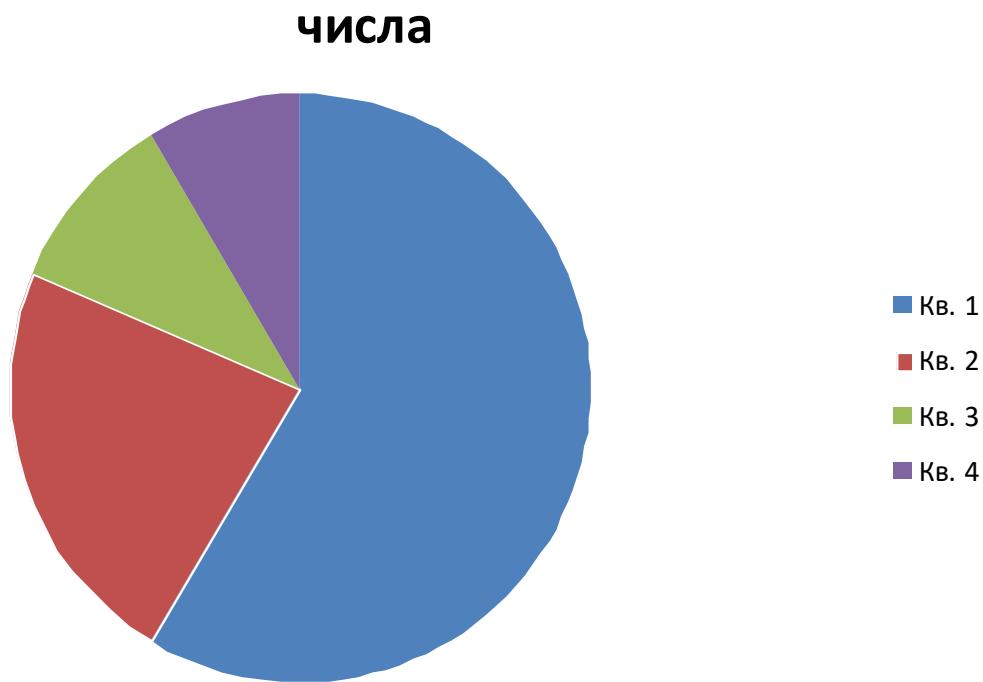

Рис.1. Название рисунка.

Fig. 1. Figure's name.

Список литературы / References:

Список литературы оформляется в соответствии с Чикагским стилем цитирования.
!В списке все работы перечисляются в порядке цитирования, а не в алфавитном порядке!

Внутритекстовые ссылки: текст [Фамилия автора/авторов, год, № страницы]. Пример: текст [Мартынов, 2021, 56].

Примеры оформления ссылок для списка литературы:

Книги:

Фишер Р.Е. Искусство буддизма. Москва: СЛОВО, 2001.

Периодические печатные издания:

Мартынов Д.Е. Персиваль Лоуэлл как исследователь японской культуры. Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2017; Т.159 (6). С. 1472-1486.

Электронный ресурс:

В случае обращения к электронному ресурсу, после вышеуказанных данных прибавляется

<https://> (дата обращения:)

Мартынов Д.Е. Персиваль Лоуэлл как исследователь японской культуры. *Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки.* 2017; Т.159 (6). С. 1472-1486. <https://> (дата обращения 31.10.2021)

Если работа написана не на английском или русском языке, в скобках в сокращении необходимо указать её язык. Например: (на кит.яз).

В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные на русском языке, в скобках на языке оригинала: ФИО (иероглифика). Название работы (иероглифика).

Лю Жомэй. (柳若梅) Исследование хранящейся в России копии «Истории государства Российского», переведенной при династии Цин. (俄藏中国清代稿抄本《罗西亚国史》研究) *Россия-Китай: история и культура.* 2022. С. 164-174 (на кит.яз.)

Список «**References**» формируется в том же порядке, что и список литературы.

Названия работ переводятся на английский язык, не транслитерируются. В названиях издательств используется транслитерация

Если работа не на английском языке, в скобках в сокращении указывается её язык:

Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples.* Moscow: Vostochnaya literatura, 1958, pp. 333-346. (In Russ.)

В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных прибавляется

Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples.* Moscow: Vostochnaya literatura, 1958, pp. 333-346. <https://> (accessed:31.10.2021) (In Russ.)

В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные только на английском языке.

Сведения об авторе / авторах.

Фамилия Имя Отчество,

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты

Information about the author / authors.

(Указывается в статье после списка источников)

Name

Degree, position

Organization

Mailing address

e-mail

Информация о статье

Поступила в редакцию: _____.

Одобрена после рецензирования: _____.

Принята к публикации: _____.

Information about the article

The article was submitted _____;

Approved after reviewing _____;

Accepted for publication _____.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК